

Алик Толчинский

ОБРЕТЁННЫЙ
РАЙ

Алик Толчинский

ОБРЕТЁННЫЙ РАЙ

БОСТОН • 2021 • BOSTON

Алик Толчинский

Обрётённый рай (рассказы и повести)

ALIK TOLCHINSKY

Paradise Found (short stories)

[Obretennyi Rai (rasskazy in povesti)]

Copyright © 2021 by Alik Tolchinsky

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319466 (pbk)

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 mgraphics-books.com

Book and Cover Design by M•GRAPHICS © 2021

Фотографии и рисунки: А. Толчинский © 2020–2021

Фото на обложке: *Boston Skyline from Malone Park, Chelsea* | Wikimedia.org

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator™** (www.batov.ru)

Отпечатано в США

Посвящается I.V.S.

ОБРЕТЁННЫЙ РАЙ

(рассказы и повести)

<i>От автора</i>	9
Непобедимая и легендарная	11
Страсти вокруг преферанса	63
«Русские» в колледже	87
Обретённый рай	105
В глубине соляных пластов	158
Моцарт и Сальери	177
Жил-был Сизарь	215
<i>Немного фантастики</i>	
Квартира	237
Пылесос	260
<i>Демонизм Лермонтова</i>	
<i>(опыт школьного сочинения)</i>	269

От автора

Подводя итоги прожитой жизни, многие состоявшиеся люди пишут, что участвовали, создавали, строили, воевали, руководили, восстанавливали и прочее, и прочее. Моя жизнь как-то незаметно просочилась в почву, впиталась в неё и мне скорее пристало бы писать все или почти все глаголы с частицей «не»: не участвовал, не избирался, не служил в армии, не воевал, не был за границей до 1989 года и так далее.

А что же мне все-таки удалось, следуя наставлению А. П. Чехова? Родил сына, посадил дерево; как сейчас помню, это было в деревне Дракино. Я высадил в палисадник вишню, которая совершенно засохла через год. Зато книг я написал много. В основном, рассказы. Пестрые рассказы. Потому что жизнь моя оказалась пестрой, несмотря на то что я двадцать лет исправно ходил на службу в одну дрянную организацию под названием п/я-1406.

Но все-таки, сколько хороших и интересных дел я *не* сделал! Начиная с 1990 года я мечтал съездить на остров Крит, потому что с юности увлекался античным искусством. Я обожаю эти древние фрески с корридой или с потрясающими критскими красавицами. Как я мечтал пройтись возле остатков стен дворца в Микенах! Почему я не поехал? И в Помпеях я не был, а ведь столько читал об этом удивительном городе, столько копий фресок и фотографий изучил, что мог бы сам служить там гидом.

Один лишь раз был во Флоренции и приблизился к великому памятнику «Персей» руки Бенвенуто Челлини. Это был мой приз за пьесу, которую я сочинял по его книге, лежа в нервном отделении московской больницы № 151 за много лет до моего бегства.

Я никогда не участвовал в соревнованиях ни по лыжам, ни по любимому настольному теннису, ни по шахматам (я давно играю с компьютером). Наверное, что-то есть во мне патологическое, что дух соревнования вызывает у меня внутрен-

ний протест. Если я умею что-то неплохо делать, то это сразу и видно. Если кому-то интересно, кто-то сделал лучше, меня это не касается.

Я не хочу быть похожим на самцов, которые группой обхаживают одну самку. Я лучше найду себе другую, чтобы не создавать очередь или того хуже — соревнование. Вызовы — кто быстрее, кто умней, кто сильнее, кто выше, кто глубже — вызывают у меня отвращение своей глупостью. На всё нужно время, а оно покажет, чей результат действительно лучше. Что толку в том, что некто мог поднимать огромные тяжести, если он стал из-за этого инвалидом в пятьдесят лет?

Я научился плавать, до этого два раза тонул и один раз в жизни переплыл Оку шириной метров четыреста. Это был мой личный рекорд. Да мне и этого не надо было. Всё это есть кипенье кислоты и соды, как говорил А. Мариенгоф.

Я не ходил по лесам в одиночку, потому что боялся заблудиться, и вообще плохо переношу одиночество на природе. У меня начинается депрессия. В то же время я неприязненно отношусь к любому скоплению людей, потому что толпа есть самое худшее в жизни человечества. Умные вожди всегда торопятся сформировать из толпы управляемую структуру и, конечно, обязательно в своих интересах.

Я никогда не смогу прочесть текст на латыни, хотя приобрел огромный словарь. Это моя неосуществленная мечта. Я задаю себе вопрос: я если бы у меня появилось желание заняться латынью в сорок лет, мог бы я осуществить свою мечту? Я совсем не уверен.

Сколько существует в мире действий, к которым я могу лишь добавить свою жалкую частицу *НЕ!* И что же тогда остается в сухом остатке? — Понимание, пусть неполное, но понимание себя и всех вокруг:

Они прошли, они пройдут...

Так сказал мой любимый величайший русский поэт.

Vanitas Vanitatum!

НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ

*Лучшее средство от любви — бег в противогазе
Саперная лопатка служит для копания окопов,
а не для ковьярания в носу*

*Мы будем изучать каждый раз новое, но почти
одно и то же*

Армейские премудрости

Часть первая

Я разбегаюсь и прыгаю в речку без названия, которая уже кипит от мельтешения в ней трех десятков мужских тел. На дворе стоит жара градусов под тридцать, и командиры решили взбодрить прибывших на стажировку студентов нашего химического ВУЗа. Мы, кстати, относимся к химвойскам. Пороха мы не нюхали, а должны, кроме пороха, знать еще с пару десятков разных спецсредств для обработки личного состава и военной техники на тот случай, если нормальная огневая война с предполагаемым противником превратится в ядерную или с применением химического оружия.

Есть мнение, что в случае ядерной войны надо завернуться в простыню и медленно ползти к ближайшему кладбищу. Но это мнение пессимистов. Учтите, что на дворе жаркое лето 1961 года! Место учений — воинская часть, уютно расположившаяся среди лесов Белоруссии. Перед отправкой нам показали оптимистический фильм с титром «*совершенно секретно*», где наши доблестные войска благополучно пережили ядерный удар, спрятавшись в блиндажи, а потом в противогазах и с автоматами в руках садятся

в бронетранспортеры и по карте, составленной заранее бравыми химиками, ловко обходят опасные радиоактивные зоны и быстро направляются атаковать вероятного противника под упоительную музыку Первого концерта для фортепиано с оркестром Петра Ильича Чайковского.

Несмотря на жару, солдатам положено носить кальсоны с веревочками вместо трусов. Поэтому все купаются голыми. Выходим на берег и сохнем. Параллельно происходит сравнение калибра боевых стволов, которые, как и положено, глядят в землю. Курсанты Иванов и Варшавер стоят рядом, и все кругом с уважением осматривают их оружие. А им не жалко — глядите, хлопцы!

Конечно, есть и другие претенденты на призовые места, но у них товар похуже качеством, кривоват или желтоват. Одним словом, не то.

Но вот звучит команда *Одеться и строиться!* Мы прибыли ночью. Нам выдали сапоги и ХБ и повели в заранее расставленные палатки. Дали поспать до семи утра. Потом скомандовали *Подъем!* и заставили в галифе и сапогах пробежать с километр. Я, лично, чуть не помер от такой встряски. Хорошо, что перед этим повели в уборную на десять посадочных мест, но мне и еще кому-то они не понадобились, а жаль. Потом весь день пришлось караулить заветное мгновение, чтобы опростаться и не опозориться. Оказалось, что это не вполне эстетическое занятие наши командиры называют словом *оправиться*. Такой милый эвфемизм. Вот, говорят, в милиции если приглашают, говорят: *присаживайтесь*, потому как *садитесь* звучит угрожающе.

Нам предстояло прожить в качестве курсантов шестьдесят дней. Наши полковники, они же наши ангельхранители, приехали с нами. Они жили в просторной палатке, и мы часто проходили мимо них строем. Иногда удавалось уловить обрывки их разговоров. Оказалось, что их тоже волнуют мировые проблемы. Ну, нас они тоже иногда волновали, особенно после бутылки «Гурджаани» или

«Цинандали». Постоянно нас волновали совсем другие проблемы, ясно какие, не так ли?

Через неделю мы уже направлялись на полигон, где нам должны были показывать, как надлежит работать с изолирующим противогазом (ИП). Их, как вы и сами понимаете, был большой дефицит, да и работать в нем было непросто. ИП должен был давать вам кислород путем медленно идущей в его баллоне реакции. А вы в это ограниченное драгоценное время должны успеть сделать что-то исключительно важное для нашего отечества.

— Рота, стой! В две шеренги стано-вись! Нале-во! — капитан Дьяченко выстроил нас напротив искусственного водоема, куда начал спускаться сержант Рябов, облаченный в ИП. Он должен будет сидеть под водой и выходить из неё, пока капитан расскажет, как работать в ИП. Пока капитан, очень плотный дядька с широким лицом, разглагольствует, мы блаженствуем, ибо никак не можем привыкнуть к тяжелым сапогам с неумело намотанными портянками. Час быстрого хода на полигон измучил наши нежные городские ноги. Капитану тоже, вроде бы, некуда торопиться. До обеда еще два часа. Наконец, Рябову дан знак, и он вылезает на травку, аккуратно снимая драгоценный ИП и засовывая его в брезентовый чехол.

Тут, как назло, принесло тучку, которая ругнулась пару раз громом и вылила на каждого из нас по ведру свежей воды. Капитан скомандовал, и мы угрюмо потопали в лагерь.

— Так идти в строю не положено, — сказал капитан. — Давайте-ка, курсанты, песню!

Мы молча продолжаем топтать. Мы еще не знаем, что командир, да еще в звании капитана на ветер слов не бросает. — Если не услышу песню, скомандую: «Бегом в лагерь!» — добродушно говорит Дьяченко.

Этого еще не хватало! Изумительно звонкий молодой голос из задних рядов запекает: «Ну-ка, солнце, ярче брызни!..» Мы подхватываем. Лучше жизнерадостно орать, чем

молча бежать. Это ж дураку ясно. И вообще — с первого дня мы усвоили солдатскую мудрость: лучше сидеть, чем стоять и лучше лежать, чем сидеть. А что еще делать, если натер правую пятку, а грубый, как наждачная шкурка, сапог сопровождает каждый шаг болью. После команды «Разойдись!» бегу хромая в общественный туалет оправиться. Еле донёс. Боже! Какое блаженство сидеть на корточках в продуваемом лесным воздухом пространстве, разминая газету «Правда» месячной давности!

Подходя к палатке, я услышал в сотый раз, как наш начальник отделения сержант Мирзоев сказал на ломаном русском языке:

— Ребята, я к вам всей сердцей, а вы ко мне в карман *серпите!*

Что-то он стал часто на нас обижаться. Оказалось, что мы должны были идти в столовую с песней:

*А мы гвардейцы
Нам страх неведом
Родная партия воспитала нас.
Мы не сойдем с пути,
Пути победного.
Любимой родины
Мы выполним приказ.*

На десятый день эта песня нам осточертела, и мы начали её выворачивать, а сержант никак не мог перекричать десять молодых глоток. Он-то давно усвоил, что за идеологические ошибки в воспитании рядового состава могут даже лишиться сержантского звания. Прямо катастрофа в карьере.

А вот есть такой пожизненный крест — неудачник. Это я о себе. Всем нашим прямо из ящика достали новые скорострельные карабины Симонова (СКС). И мне тоже. Потом мы их оттирала от смазки, а потом нас тренировали на разобрать-собрать и кто быстрее. И тут выяснилось, что

мой карабин не хочет собираться. Что-то там заклинило. Старший сержант Яшков подошел ко мне и долго следил за моими усилиями поставить затвор на место. Потом он взял мой карабин и попытался это сделать сам, но ничего не вышло. Потом я снова разобрал карабин и стал собирать, но уронил его на песок, которым была присыпана вся оружейная площадка. В результате песок прилип к смазке, которую я неаккуратно удалил. Яшков посмотрел на меня со злостью и сказал:

— Оттирай заново.

А у меня закончились чистые тряпки. В общем, я ушел оттуда последним и подвязал затвор случайно найденным куском шпагата, так что от личного часа осталось всего пятнадцать минут.

Вообще-то СКС — отличная машина. И штык у него в форме финского ножа. Им можно и консервы открыть. А в прикладе есть круглая дырочка и там отвертка и ёршик для чистки ствола. А основание приклада стальное, так что и гвозди можно забить, а зубы вероятно противнику можно выбить одним ударом... Наконец, после недели таскания моего мощного, но бесполезного оружия мне поменяли СКС, и я в темпе должен был очищать его от смазки. Главное, что я его собирал и разбираю не хуже, чем все остальные и, стало быть, не был придурком, а просто неудачником.

Между тем, нас готовили к присяге. По этому случаю *помкомвзвода* Медведев два раза приходил и вел воспитательную работу.

— Главное, товарищи курсанты, запомните: раньше, до присяги вы могли совершать разные нарушения дисциплины, но к вам не применяли строгие меры наказания. А после присяги вы становитесь ответственными за свои поступки и можете даже попасть под трибунал и получить срок службы в штрафбате, а там жизнь куда тяжелее, чем здесь на воле. А сейчас давайте позанимаемся уставом и курсом мо-

лодого бойца. Как всем известно, служба в армии считается почетным долгом каждого гражданина СССР...

Тут я задремал и даже успел увидеть во сне Таньку Ильину, с которой целовался в подъезде Сашкиного дома, когда мы праздновали Первое мая.

В день присяги начальники вытащили письменный стол и надели парадные мундиры. Старший лейтенант Грибов, высокий и тощий, как сушеная вобла, выглядел прямо устрашающе со своими медалями и значками. Он стоял справа от майора из управления, а слева стоял капитан Дьяченко. На столе лежала кипа бумажек с клятвой верности стране, партии и всем начальникам. Солнце пекло и играло на начищенных до зеркального блеска кирзовых сапогах. Мы до этого светлого дня усердно репетировали все телодвижения, соответствующие торжественному событию в нашей короткой жизни. На всякий случай, чтобы не сбиться и не испортить процедуру каждый еще в строю держал в левой руке текст присяги. Да, чуть не забыл! В этот день после поздравления начальства в лице майора нам было положено гулять и веселиться. Некоторые непонятным образом раздобыли *водяры* и быстро нажрались до полного идиотизма, потому что никакой закуски не было, кроме пачки печенья из военного ларька. Пока они ловили кайф, я сочинил стишок. Я вообще люблю время от времени сочинить что-нибудь этакое, но только для себя. Читать свои стихи для публики мне стыдно. А тут я сочинил, красиво переписал и послал домой родителям:

*Присяга, присяга, присяга, присяга...
Давай-ка присядем с тобой, бедолага,
Давай-ка кирнем мы с тобой для порядку.
Присяга в присядку, присяга в присядку.
Из горлышка сделаем славный глоток.
Ты парень хороший и я — молоток!
Давай мы с тобою еще. Для порядку.
Пис-сяга, пис-сяга, пис-сяга в пис-сядку.*

*К-как толстая баба с носка — и н-на пятку.
Еще ррас-кажди мне п-жалста, браток,
Но надо до-пить нам пос-последний глоток:
Кому писягал и защем писягал?
Писягу за-щем перр-ред стрроем читал?*

Сегодня я решил сачкануть и пристроился к группе больных под командованием сержанта Щеглова, который поведет нас к врачу. Интересно — он совсем дурак или только прикидывается? На все вопросы жизни он, как заведенный болванчик, цитирует устав. Ребята над ним открыто насмеваются. Однажды, пока он разглагольствовал, кто-то нахально очень громко пукнул, и все переключились на это событие и стали его спрашивать, можно ли позволять себе такое безобразие, или надо спрашивать у начальника разрешение. Щеглов ответил, что, мол, можно, но смотря — где. Тут Валерка Гутман сказал:

— Ну, например, под красным знаменем...

И мы покатались от хохота, а дурак Щеглов сохранял полную серьезность, отчего стало еще смешнее.

Ну, в общем, врач посмотрел мою пятку, помазал йодом и налепил пластырь. Посоветовал поддеть носок под портянку. Теперь придется ждать, когда откроют кладовку.

Завтра у нас стрельбы. После визита к врачу я уже не изнываю от мысли, что придется пилить на полигон, превозмогая боль. Вообще-то все постепенно приноровились тащить на себе жесткие сапоги, которые на жаргоне называют «г..нодавами». Нельзя отказать им в практичности. Выдерживают любую грязь и сырость, отмываются и становятся со временем мягче, если их высушить и обильно смазать дёгтем. Потом можно начистить до блеска тряпкой.

Чувствуется, что начальство нервничает перед стрельбами. Мы ведь держим смертельно опасное оружие впервые! Ненароком кто-то повернет ствол не к мишеням, а вбок и нажмет курок. Что тогда? ЧП! И хорошо, если не простре-

лит кому-нибудь башку! Команды Грибова резки и грозны, как удар кнута:

— Первая шеренга шаг вперед! Получить патроны! Занять позицию на линии огня! Взвести затвор! Смотреть только вперед! Доложить о готовности! Огонь!

Когда мой сосед слева выстрелил, я сразу оглох на левое ухо. Ничего себе! Не зря нам говорили, что убойная сила СКС больше километра. Мои очки сильно мне мешали прицеливаться еще и потому, что от напряжения мушка начинала расплываться. Дали нам по три патрона и хотелось бы не опозориться. Я очень старался, очень.

Опять команда:

— Доложить о конце стрельбы! Взвести затвор! Сделать контрольный выстрел! Корнаков, куда ствол направил?! Два наряда вне очереди! Всем встать! К мишеням бегом марш!

Вы не поверите, но я выбил двадцать шесть очков из тридцати! Когда все отстрелялись, Грибов осмотрел мишени и меня в числе семи курсантов построили напротив нашего взвода и Грибов объявил нам благодарность. А мы нестройно ответили:

— Служу Советскому Союзу.

Тут Валерка Артемьев попросил разрешения у Грибова сделать фото. Он у нас чокнутый фотограф. Знаете, что интересно? В пятьдесят седьмом году была денежно-вещевая лотерея, и он выиграл фоторужьё. Я помню, что никто из нас не выиграл ни копейки. Такое вот счастье. Не зря говорят, что на ловца зверь бежит. Много, что говорят в пословицах и поговорках и называют это народной мудростью. На любую ситуацию можно найти народную мудрость, когда у мудреца язык без костей. Тоже вполне дурацкая приписка — разве язык с костью внутри бывает? Два органа у человека не имеют костей. А вот, у моржа второй орган с костью внутри. Такова жизнь.

Ну вот, пришла и моя пора заступать на дежурство. Повесил я на пояс штык и встал у столба с телефоном под ма-

ленькую крышу. Рота уgomонилась, ребята разошлись по палаткам после вечерней поверки, а я стою и буду стоять, пока меня не сменят. Вот и стемнело. Начальники пошли по домам, отдавать честь некому и докладывать некому. Вдруг зазвонил телефон. Я снял трубку:

— Курсант Лесин слушает.

Оказывается, это не мне звонят. Кто-то из хозяйки просит дать провожатого, потому что в карауле стоят наши, которые не пустят никого на склад и могут ненароком стрелкнуть. Ну ладно. Послушал я чужой разговор и повесил трубку. Обычный разговор мирного времени. Ни тебе диверсантов, ни расхитителей социалистической собственности. Стою и охраняю мирный сон товарищей. *Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат.* Какое замечательное слово — тревожить! «Но пусть она вас больше не тревожит, я не хочу печалить вас ничем...».

Где-то в прошлой жизни осталась Галка Семенова. Такая милая мордашка, веснушки вокруг носа и к глазам. Сидела с Козловой сзади нас с Мишкой. А мы с ней раньше познакомились, когда ходили в девчачью школу вместе с Сашкой Дмитриевым на занятия драмкружка. Ну, шел урок, как обычно у Петюнчика по геометрии с тригонометрией. Тот нудно диктовал объяснение к задаче. А что ему — время идет, копеечки капают. Я и спросил у Галки:

— Скажи, у какой певчей птички черные яички?

— Знаю, — отвечает, — у Поля Робсона.

Я тут же получил локтем под дых от Мишки. Мишка в это время уже читал романы и считал себя рыцарем. Пошлости не прощал. А жизнь вся полна пошлятины. Ну что делать, если мы все время или перевариваем еду, или ходим по нужде. Да еще и потеем, и живем по три-четыре человека в одной комнате и все разного пола. Я иногда думаю, какие бедные и несчастные люди наши родители! Ни одной нормальной ночи, ни одного дня для личной жизни. Всё у всех на глазах! Слава боженьке, что папе дали одноком-

натную квартиру с площадью 16,88 метров квадратных, где мы спим до сих пор вчетвером. Но главное — у нас есть своя ванная комната с газовой горелкой для подогрева воды. Вот это настоящее счастье! Прав Маяковский — очень правильная эта наша советская власть.

Рассвело. Когда стоишь один, а все спят, видишь, как вокруг происходит жизнь природы. Вот прибежал лохматый щенок. Ему явно хочется общаться. Я бы поиграл с ним, но, если дежурный офицер увидит, влепит пять нарядов и будешь отмывать общественный сортир. Это мне надо? Щенок бегал туда-сюда и всё нюхал, потом помочился у столба и вдруг заметил лягушку. Решил поиграть с ней. Однако лягушка была с характером и когда щенок сунул свой нос слишком близко, она издала неприятный хрипящий звук и двинулась на него. Щенок отпрыгнул и снова подбежал ко мне.

Наконец, меня сменили, и пошел поспать до завтрака. То, что дают на завтрак, я до сих пор не могу есть. Я беру только два куска сахара и кусок хлеба, и весь кусочек масла размазываю на нем. Пью чай с бутербродом и прикусываю сахаром. Это вкусно. А есть перловую кашу или еще хуже — пшеничную, я не могу. Мне до обеда хватает этого бутерброда. У нас в столовой на стенах развешаны красивые плакаты: *свежие овощи и фрукты обязательно мойте перед едой*. Издевательство! Настоящий социалистический реализм. А так хочется кислого яблочка, которое так замечательно хрустит, когда его раскусываешь. Я заснул и сразу увидел во сне, как я стою возле грядки и срываю колючие, покрытые утренней росой огурцы. Я отчетливо чувствовал их сладковатый вкус и непередаваемый свежий запах. Так бы я долго наслаждался, но наш сержант потряс меня за плечо:

— Давай, курсант, быстро оправляйся и иди строиться.

Сегодня нас потащили на полигон, чтобы показать, как кидать гранату. Мы опять стояли в две шеренги, а капитан Дьяченко лично залез в специально вырытый окопчик

в пятидесяти метрах от нас и кинул гранату в бруствер еще на двадцать метров или больше. Мы услышали хлопок и увидели облачко серого дыма. На этом представление закончилось. Неужели стоило из-за такого пустяка гонять нас на полигон?

Поскольку нас готовят быть начальником взвода химической и радиационной разведки (ХРР), с нами после полигона занимался старший лейтенант Егоров. Мне кажется, что он был прилично навеселе, поэтому наше общение было веселым. Сначала он поставил такой вопрос:

— Вот, перед вами стоит стакан со спиртом. Нет, с водкой... А рядом лежит кусок радиоактивного материала. День лежит, два лежит... Можно эту водку пить?

Ну, мы как раз в летнем семестре занимались радиационной химией, и все уверенно заорали:

— Нет, нельзя! Там прошли реакции и образовались вредные альдегиды, эфиры.

— Эфиры-кефиры, — передразнил Егоров, — а я вот, подойду и выпью! — При этом он так картинно раскланялся, что мы рассмеялись. Особенно развеселился наш отличник Сашка Вассерман. Егоров окинул его пристально пьяным взором и спросил:

— Как фамилия?

— Вассерман.

— И отступили басурманы! — вдруг продекламировал Егоров.

Тут все, кто стоял, упали от смеха, а у Модестова Вальки даже насморк случился. Егоров доброжелательно взглянул на Вальку и констатировал:

— Обсопливился.

Тут последовал еще один взрыв смеха, но Егоров, завидя вдалеке Дьяченко, вдруг посерьезнел и велел построиться. Потом скомандовал: *Равняйся! Смирно!* И, приложив ладонь к фуражке, доложил о проведении занятий. Дьяченко скомандовал: *Вольно!* Егоров, как эхо повторил, и мы полезли за веселым наставником в дебри радиационной разведки.

Нет, все-таки я совершенно не гожусь для армии. Дурак я дурак! Ведь у меня был белый билет из-за слабого зрения! Нет, мне хотелось быть, как все. Вот и получил. И опозорился, как кисейная барышня. А дело было так. Пригнали на поле машину, в которой должны производить дегазацию обмундирования, потому что если каждый раз после военных действий выбрасывать шинель, гимнастерку и брюки-галифе, то через три месяца все будут воевать в кальсонах с голым торсом, и война закончится сама собой. А что тогда будут делать генералы?

Короче, наши стали помогать запускать машину и Вовка Михнев, такой симпатичный молчаливый брюнет, полез помогать ставить штуцер на специальную трубу, куда засасывают аммиак, что ли, я не помню. А я стоял на карачках на подхвате. И тут солдатик, который обслуживал машину уронил тяжеленный штуцер прямо на голову Вовке. И кровь полилась. Вовка прижал тряпку к голове, и его повезли в санчасть. Штуцер общими усилиями все-таки поставили, а мы стояли в пяти метрах на солнце и смотрели. А я вида крови не выношу. И вот, я стою и чувствую, что мне становится дурно, что приближается обморок. Я поднял руку и говорю Грибову:

— Разрешите выйти из строя...

Он разрешил, и я вышел и пошел в сторону. Последнее, что я помню, это улар мордой об землю. Хорошо, что там густая трава росла, смягчила. Очнулся, когда ко мне двое ребят подбежали и отволокли в тень. Все решили, что у меня был солнечный удар, но я-то знал, что у меня с нервами нехорошо. Я потом всё думал, как же я буду жить дальше, если я такой психопат? Потом Вовка с окровавленной головой не раз всплывал в моем мозгу, и я тогда кричал сам себе: «Прекрати!!!» И бил себя ладонями по щекам. Вот ведь наваждение! И всё это надо таить в себе, чтобы не засмеяли!

Наши полковники относились к нам, как истинные отцы-командиры. Особенно теплым человеком был Куров,

невысокий, полноватый, очень выдержанный, неторопливый. Он у нас преподавал машины и механизмы для химической обработки. Эти плакаты с машинами и устройствами в разрезе были невероятно скучны. Он водил указкой по плакатам, диктовал параметры процессов обработки, производительность оборудования. Мы должны были всё это записывать в рабочие тетради. В аудитории всегда стоял тихий гул посторонних разговоров. Особенно нам нравился простой аппарат, который назывался бучильной установкой БУ. Это был вместительный барабан, в который с помощью небольшого крана опускалось отравленное обмундирование в специальной корзине. Эту корзину следовало вручную вращать, пока кипел дегазирующий раствор, потом нужно было вытаскивать мокрое и горячее и тащить в сушильные камеры. Семнадцатый век!

И вот теперь наш полковник должен был всё это показать на действующем экспонате. Ассистировал ему местный солдатик, за кем была закреплена машина. Куров нас жалел и потому разрешил присесть на подстилку соснового леса в легкой тени. И мы сидели молча, обирали чернику с растущих рядом в изобилии кустов и тихонько беседовали, чтобы не мешать. Наша молодость была зла и нетерпелива. Предыдущее поколение студентов дало кличку полковнику — «Бучильник». Он наверняка не раз слышал это прозвище, потому что студенты использовали марш «Прощание Славянки», куда вставили куплет

*Прощай Бучильничок.
Экзаменам конец.
Конспекты все в толчок.
Военной кафедре тупец!*

«Интересно все-таки, как он жил», — подумал я однажды. Полковник получал примерно столько же, сколько доцент, так что на жизнь хватало. Судя по плакатам на стенах аудиторий и материальной части, мало что изменилось с тех пор,

как окончилась война. Против зарина и зомана наши военные химики придумали антидот. Я бы назвал это вещество антитод, потому что *tod* по-немецки означает смерть. В том секретном фильме было показано, как боец спасает своего отравленного товарища, вкалывая ему через штанину шприц-ампулу. Вот он, Куров каждые четыре года рассказывал одно и то же — как варить в больших кастрюлях шинели и потом высушивать. Чокнуться можно!

Тут со мной приключение случилось опять. Что это со мной всё время что-нибудь случается? Назначили меня в караул. Моя точка — продовольственный магазин. Два часа стоять и обходить. Потом два часа отдыхать. Потом снова стоять. За спиной мой любимый СКС с полной обоймой боевых патронов. Сержант Нагиев мне сказал:

— Если что — свисти или кричи.

Я стою под лампочкой на столбе, потом иду в сплошную темень и всматриваюсь — нет ли злоумышленников. Один раз нарвался на кошку. Она так заорала от страха, что я жутко испугался, долго в себя приходил. Потом меня сменили, и я подремал, а после опять поставили у магазина. Стало светать. Рассвело. Вдруг смотрю — мужик выходит из строящегося дома и тащит подмышкой рулон рубероида. Это, вроде бы, не мой объект, но воровство налицо. Я ему свищу и машу рукой — иди, мол, сюда. Он скрывается в доме, выходит и идет ко мне. Я срываю СКС с плеча. Он ускоряет шаг. Я свищу, потом ору. Приходит Нагиев и спрашивает, что случилось. Я говорю, что вора поймал.

— А что он своровал? — спрашивает сержант.

— Рулон рубероида, — отвечаю.

— Ну и где же он? — спрашивает сержант.

— В том доме спрятал, — отвечаю я и показываю пальцем на дом.

А мужик в это время молчит и прикидывается валенком. Я уже понимаю, что свалял дурака. Надо было брать его с поличным. Сержант уводит мужика подальше с глаз моих долой и на прощание говорит:

— Курсант, продолжайте охранять пост.

В другой раз я стоял в карауле и охранял склады. Этот объект куда серьезнее. Стою я и осознаю важность порученного мне дела. А вдруг диверсанты или бандиты захотят вскрыть склад и захватить хранящееся там оружие или боеприпасы? Я имею право открыть огонь по нарушителям.

И вдруг на рассвете я вижу здорового зайца на поле перед складом. А кругом тишина, воздух чист и прозрачен, как у Лермонтова! И только двое могут это оценить — я и заяц. Что-то он там нашел съедобное, интересно, что именно. Так продолжалось минут десять, не меньше. Потом, когда меня сменили и мы шли к нашим палаткам, я сказал старшему сержанту Акимову про зайца. Он тогда ответил, что надо было его подстрелить. Начальству удовольствие, а нам благодарность за бдительность. Тут я его спросил:

— А если бы я промахнулся? Я ведь за каждый патрон в ответе.

— Списали бы по акту, — уверенно ответил Акимов.

Всё чаще стали поговаривать, что начальники готовят нам ночной марш-бросок. Это значит, что надо будет бежать в противогазе и с полной выкладкой не менее пяти километров. Еще говорят, что сержанты будут бросать гранаты со слезоточивым газом с нежным названием «Черемуха», и тот, кто выдернет клапан из противогаза, наплачется так, что мама-не-горюй!

Я решил, что надо попросить боженьку, чтобы меня в ту ночь поставили дневальным. Я попросил — и Он меня услышал! В четыре утра появился Дьяченко с Грибовым и приказал:

— Дневальный, объявляй тревогу!

— Есть, объявлять тревогу, — радостно сказал я, приложив руку к пилотке, и заорал изо всех сил: *Тревога-а!*

Все высыпались из палаток, построились и побежали, каждое отделение со своим сержантом. Противогазы они

надели потом, когда объявили химическую атаку. Коля Резчик сказал, что через километр разрешили противогазы снять. Никто, к счастью, не упал и не помер на ходу. Это потому, что я в этом испытании не участвовал.

Сгущенка. Знали бы вы, что за небесное блаженство — лежать на скамейке и высасывать сгущенку из банки. А дело в том, что я долго держал заветный рублик и все раздумывал, как бы мне его потратить. И однажды, когда у нас был личный час, я смотался в ларек за забором, ограждающим нашу часть, и купил банку за пятьдесят пять копеек. Потом штыком сделал прокол и лег на скамейку для повышения блаженства. Напротив меня сидел Колька Резчик, который дразнил Ваську Котова, что тот получает двойную порцию в обед, выдавая себя за рядового «Кот и Повар». Между нами зияла яма для окурков, но оттуда не воняло, потому что время от времени туда бросали пару лопат сырого песка. А еще было хорошо смотреть сквозь сосновые ветки на небо и следить за проплывающими облаками.

Последний день в лагерях. Старослужащие подбивают под нас клинья, чтобы мы поменяли наши мало изношенные ХБ и, главное, сапоги на их истрепанное обмундирование. Но старшина предвидел это и предупредил, что это есть уголовно наказуемое деяние, и чтобы мы не смели даже помыслить об этом. Наверное, у старшины есть свои планы на это барахло. Если серьезно, что наша ХБ — самая практичная одежда для походов и работы, и я бы с удовольствием привез домой свой комплект.

Переодевшись и одев свои полуботинки на микропоре, я ощутил необыкновенную легкость в ногах. Мне казалось, что я могу легко взять планку на высоте двух метров. Вот что делает с изнеженными детьми инженеров и врачей суровые условия армейской службы.

Перед посадкой в грузовики, которые нас повезут на станцию, мы слоняемся со своими пустыми чемоданчика-

ми и рюкзаками и распеваем неуставные песни. Валерка Артемьев спел прямо в лицо Грибову (на мотив «Прощания славянки»):

*Подружились мы крепко с половником,
Ненавидим команду «Подъем»,
Подчиняемся только полковникам,
А на прочих мы просто кладём!*

Грибов сделал сокрушенное лицо и сказал:

— Ну, ничего себе! Вот этого, курсант Артемьев, я от вас не ожидал.

Последняя команда «По машинам». Сильные и ловкие, мы взлетаем в кузова грузовиков, машем нашим сержантам и устраиваемся на лавочках тесно друг к другу. Едем и распеваем неприличные слова на мотив Дунаевского: «Милый друг, наконец-то мы вместе, Ты плыви, моя лодка плыви». Всем ужас до чего весело.

Посадка в вагон. Через восемь часов Москва. По вагону важно расхаживает майор Ковалев (нет, не гоголевский персонаж). У него на букве Ж... болтается кожаный ранец с пристегнутым компасом. Каждый десятый просит товарища майора проверить по компасу, не сбился ли наш поезд с направления. Ковалев величественно молчит. Это самый глупый из наших институтских наставников. С ним даже шутить скучно.

Послесловие

Когда я вернулся домой, мама приготовила мне жареную с луком печенку с отварной картошкой. Я от души поел, но видно, печенка была несвежая, просто я был голоден и не заметил. Поэтому ночь я провел ужасно. Раз пять я вскакивал со своей раскладушки на кухне и бежал к унитазу. В последний раз у меня уже не было сил идти, и я полз туда на коленках, и обнимал унитаз, чтобы не упасть. Днем

я слонялся по комнате совершенно без сил. Весь живительный сосновый воздух, которым я дышал два месяца, вышел из меня. Так, наверное, чувствуют себя отловленные в лесах дикие звери, когда их помещают в тесные и вонючие клетки в зоопарках.

Когда в армии с меня слез интеллигентский жирок, я здорово похорошел. По секрету — я теперь весил всего шестьдесят два кило, что при росте метр семьдесят было очень неплохо. Ленка Овсеенко увидела меня в первый день занятий и ласково сказала мне:

— Сашенька, Лесин, какой же ты стал красавчик!

Я помню еще, что Сашка Вассерман, когда увидел меня в бане перед отъездом из армии, тоже крикнул мне сквозь пар:

— Лесин, у тебя потрясающая фигура!

Но рожа у меня далеко не красивая. Волос жесткий, рыжеватый, нос длинный, подбородок раздвоенный. Что там Ленка во мне нашла?..

Часть вторая

Мы заняли два общих вагона в пассажирском поезде, который довезет нас до маленького городка Кинешма, что стоит на Волге. Там находится действующая химическая часть, куда мы прибудем, чтобы исполнять должности помощников командира взвода. Там столько взводов нет! Поэтому, как я думаю, мы там будем играть в *войнушку*, но уже без наших отцов-командиров. По слухам, там с нами будут только двое: полковник Городянский, который известен своим бессмертным изречением, что у каждой медали есть своя удручающая сторона, и майор Ковалев, который не является коллежским асессором, как я уже упоминал, и который глуп, как бабий пуп. Этот кретин хотел, как мне кажется, покуражиться надо мной на выпускном экзамене,

потому что сказал мне в глаза, что я, по его мнению, есть человек послушный... Лучше бы он меня выматерил!

На улице первое марта 1962 года. Две недели назад мы все защитили инженерные дипломы, но корочки нам дадут после возвращения из зимних лагерей. Я не уверен, что современный читатель знает о существовании этого мизерного городка, да и зачем это ему. Однако на всякий случай скажу, что отстоит он от Москвы на четыреста километров. Как он выглядит в летнее время, у меня нет никакого представления.

Итак, мы сидим в общем вагоне там, где должна быть нижняя боковая полка. Сейчас она убрана и на её месте столик на двоих. Напротив меня сел Вова Иванов, наш богатырь. У него рост метр девяносто один, он сложен из крупных частей. Кроме того, он очень хорошо накачан. Его тело идеально чистое, без единого прыщика и состоит из сплошных мышц. Художники обожают такие рельефные фигуры. Вот и Микеланджело весь потолок в соборе святого Петра изукрасил могучими мужскими телами. У Иванова трицепсы такие красивые и видно, как эти мышцы прикрепляются к кости плеча с помощью жил. Я громко восхитился его красотой, и он снизошел до разговора с нами, то есть со мною и моим школьным другом Юликом. Да, чтобы иметь такой торс, надо изрядно поработать с гантелями и, может быть, даже со штангой. Вова, в общем, добрый парень. Он шел по вагону в майке просто так и с удовольствием вступил в разговор, услышав мою похвалу. Юлик тоже постоянно занимается гантелями, но хотя он выше меня на десять сантиметров, на фоне Иванова он всё равно смотрится, как опёнок рядом с крепким подосиновиком. Потом Вова предложил Юлику попробовать свои силы в реслинге и, конечно же, через пять секунд его рука лежала на столе.

Наш поезд останавливался у каждого столба, как собачонка, которую вывели погулять, поэтому мы прибыли в Кинешму, когда стало темнеть. Получили новенькое

обмундирование, сапоги, потом сдали свои гражданские шмотки на вещевой склад и пошли ужинать. Расселили нас по казармам. Кто не видел устройство казармы, тому даю краткое описание. Кровати счетверенные — две снизу, над ними две сверху, по краям тумбочки для личных вещей. Это вдоль одной стены. У стены напротив та же картина. Двери выходят в общий коридор, там возле тумбочки дежурит дневальный. Умывальная комната с десятком кранов над общей бетонной канавой и бетонные клозеты, над которыми солдаты сидят на корточках и которые высокопарно называются на строительном жаргоне чашей Генуя. Отчетливый запах хлорки. Дверей в клозетах не предусмотрено. Нечего скрывать нам друг от друга.

Невольно вспомнил, что летом пятьдесят девятого поехал в Питер познакомиться с Северной Пальмирой, зайти в Эрмитаж, полюбоваться на Зимний дворец. С Дворцовой площади шел пешком по Невскому проспекту и вдруг почувствовал, что нужно оправиться. А негде! К Московскому вокзалу вышел уже в полубессознательном состоянии. Уж там-то точно должны быть туалеты! Вошел — и обмер от восхищения. Чаши Генуя были огорожены бетонными стенами толщиной сантиметров двадцать в форме тупого угла, но высотой по пояс. Вся прелесть архитектурного решения была в том, что сидящие не видели друг друга. И никаких дверей не надо! А вместимость зала была огромной. Умеем же строить, когда захотим! Я тогда подумал, что за стенами такой толщины можно легко укрыться от любых бомбежек и от радиации спасут.

Нас распределили равномерно по взводам. Мы теперь все помощники командира взвода. Привилегированное сословие. Нужны мы командирам, как волку жилет. Солдатская масса приняла нас спокойно, никто ни о чем не спрашивал. Как к нам обращаться, они не знали, потому что никаких званий у нас не было. Никто даже сигареты не попросил. Мы им неинтересны, да и они нам тоже.

Первую ночь, когда нас еще не рассовали среди них, едва мы расположились поспать, солдатик-дневальный всунул морду в дверь и сказал:

— Ребята, не хотите развлечься? Там наши в сарае девок портят...

Эти слова произвели среди нас огромное волнение. Надо же, первая ночь в лагерях — и уже такое приключение!

К этому времени, то есть к двадцати двум годам, почти все мы обзавелись подружками, невестами и даже женами. Мой друг Соколовский сделал своей сокурснице ребенка на третьем курсе и вынужден был жениться. Сейчас он лежал справа от меня и с брезгливостью слушал, как наши петухи оживились. А мне было крайне любопытно, как это всё выглядит со стороны. Помните, как Шолохов в «Тихом Доне» описывает, как взвод матерых казаков насилует молодую женщину? И это не вражеская немка, не мадьярка, а своя по крови, по религии!

Интересно, что мужики в толпе очень быстро теряют человеческий облик, и в этом состоянии нет существенной разницы в поведении заключенных в бараке и солдат в казарме. Поскольку базар по случившемуся поводу не утихал, я крикнул в глубину казармы:

— Чего базлать без толку? Пошли!

Тут я вскочил, сунул ноги в сапоги и сделал два шага к двери. Воодушевленные моим примером из глубины казармы поднялось человек десять и вот, они уже толпились на выходе. И вдруг я услышал шипящий от ненависти голос Соколовского:

— Лесин, я сейчас тебе морду в кровь разобью! Ложись и заткни свой поганый рот!

Дурь мгновенно слетела с меня, и я послушно скинул сапоги и нырнул под одеяло. Соколовский потом со смехом рассказывал историю, как я спровоцировал половину казармы на *групповуху*, а сам полез спать.

Сейчас я думаю, что он сформировался, как личность гораздо раньше меня, ему было присуще чувство чести и до-

стоинства, он четко сознавал, что морально и что аморально. Он был сыном профессора, в его жилах текла кровь двух царских полковников, получивших дворянство за боевые заслуги перед отечеством.

После той позорной ночи нас расселили по казармам, и каждый ночевал в своем отсеке среди солдат. Всё своё свободное время Соколовский проводил с книгой, ни с кем не общался. У него болели суставы пальцев, и он носил перчатки даже в казарме. Потом кто-то из солдатиков спёр у него перчатки, но мой друг стоически перенес эту потерю, не стал жаловаться, только мне рассказал...

Какой все-таки я неудачник! Объявили нам банный день. Пошли мы в общий банный зал, взяли шайки, по кусочку нарезанного черного хозяйственного мыла и пучку липовой мочалки. Солдатам дали по большому куску того же мыла на десять человек.

— Почему вы не режете мыло для солдат? — спросил мой друг Сашка Сергеев у старшины, который всех нас сопровождал.

— А они взяли привычку эти кусочки друг другу в задницу засовывать, — ответил старшина.

— Зачем? — спросил Сергеев.

— Я знаю, — перебил я друга. — Вскоре после этого человек бегом бежит в уборную, потому что прямая кишка спешит опорожниться. Я в деревне был летом и у меня случился жестокий запор, а там никаких средств под рукой. Баба Катя мне и посоветовала использовать кусочек мокрого мыла. Очень сильнодействующее средство. Народ всё знает.

Тем временем мы взяли жестяные шайки и пристроились в очередь за горячей водой. И тут я с полной шайкой поскользнулся на грязном мыльном полу и грохнулся, но мало того — я порезал снизу большой палец правой ноги о кусок облицовочной плитки. Так здорово порезал, что кровящи вылилось немало. Вообще, банный зал был в запущенном

состоянии. А ведь когда-то в Кинешме было немало разных производств, жили богатые купцы и промышленники, но при большевиках город пришел в запустение, средств на поддержание даже крайне необходимых служб не хватало, так что баню тоже содержали кое-как.

Я со всеми предосторожностями упаковал правую ногу в портянку, чтобы на рану пришлось место почище и пошел в часть вымытый, но раненый. Утром же оказалось, что рана воспалилась, и меня отпустили к врачу. Там мне обработали и перевязали палец и наказали надеть городскую обувь, пока нога не заживет. Потом врач написал мне записочку для командира, что мне разрешено так ходить, что я и предъявил своему старлею.

И вот, теперь я хожу в последней шеренге рядом с моим дорогим другом Сашкой Сергеевым в городских коричневых полуботинках на микропоре, вызывая смех у рядового состава. Некоторые эстеты из старослужащих советуют надеть хотя бы один сапог, а то я смотрюсь, как балерина. А мне плевать. Мне тепло, хорошо и удобно, как Акакию Акакиевичу в новой шинели.

Начальство нас никуда не таскает. Пока солдатики бегают по утрам и справляют свои нужды, мы собираемся в Ленинской комнате и забиваем «козла». Единственное, что нам запрещают — громко стучать по столу. После завтрака нас берут для сопровождения солдат на занятия. Нас явно не знают, к чему пристроить. Один раз меня с Сергеевым послали оформлять газету. Положено раз в месяц выпускать боевой листок. Мы там что-то рисовали и правили, а Сергеев непрерывно напевал песенку, которую он сам сочинил на мотив известного шлягера:

*Смотрю идет еще одна Мари- на'н
Она живет в сиреневом саду- у'н
Она еще совсем не синьори- на'н
И может у прохожих на виду!*

Что она может у прохожих на виду, никто не знает, да и знать не хочет, но майор из части, который поручил нам возиться с боевым листком, явно нервничает от Сашкиного пения и, наконец, не выдерживает и спрашивает у Сергеева:

— Вы что, другую песню не можете петь? Если нет, то помолчите. Работать мешаете!

Может, у майора тонкий музыкальный слух? У Сергеева вообще его нет, но меня это не раздражает.

— Есть помолчать, товарищ майор, — смиренно отвечает Сергеев.

Через пяток дней моя нога зажила, и я перестал казаться белой вороной в строю. И это кстати, потому что нас вывезли в чисто поле и задали выкопать себе окопчики в снегу саперными лопатками. На улице середина марта, солнце днем ощутимо греет и на поверхности снеговой равнины образовался довольно прочный наст. Плотный снег легко поддается лопате, и мы с удовольствием разминаемся. Вырубаем из снега большие кирпичи и укладываем перед окопом, делаем бруствер. Детские игрушки. Спрятаться за снегом, конечно, можно, но если начнут палить, то прострелят насквозь наше укрепление, как лист бумаги.

Главное в армии — не думать, а если подумал — не критиковать. Все приказы начальства следует выполнять с веселой готовностью. Отсутствие веселья на лице начальство может расценить, как угрюмость, а от угрюмости до совершения нарушения внутреннего распорядка один шаг.

К обеду нас привезли в часть, и мы стоим в ожидании построения. На солнце тепло. На территории части растут могучие березы. Никогда не замечал, что под солнцем их верхние веточки имеют фиолетовый оттенок на фоне ярко голубого неба. Красота неопишная! Вороны возятся в вышине и весело каркают нам вниз: «Давай улетим! Пора, брат, пора». Нет, нам еще не пора.

Солдатик тащит почту, передает нам пачку писем для наших. О! письмо от моей девушки. Вскрываю, читаю. Начало стихотворное:

*Проведем мы с тобой ночь темную,
А на завтра меня помкомвзвод
За отлучку мою самовольную
Полы драить на кухню пошлет.*

Затем идет важная информация: крестин не будет. Это очень хорошо, я совсем не гожусь в отцы. Хотелось бы этот момент отдалить лет на пять. Будущее моё туманно. Я не подписал распределение в Красноярский шинный завод. По приезде меня ждут неприятности, но я не хочу об этом думать. Жить здесь и сейчас — вот самая главная мудрость.

Вчера сидел рядом с Соколовским на политзанятиях. Нам их вести не разрешают и слава богу. Осточертела вся эта лабуда еще в институте. Начальник военной кафедры генерал Хондожко читал нам курс, как вести полит-просвет-работу. Никакого просвета там не было. Каждую лекцию он начинал словами:

— Тофарищи, полит-просвет-рапота в армии имеет пальшое сначение!

Потом начиналась молотьба, которую невозможно воспроизвести, потому что не за что зацепиться. Представьте себе ручей, который течет по гладкому стеклянному дну — даже непонятно, течет он или стоит. Генерал носил усы в точности, как у Сталина. За это я его особенно не любил. Я-то знаю из первых рук, как вождь хотел извести всех евреев в СССР, даже героев Советского Союза. Дед моей девчонки всегда называл его бандитом, так она мне рассказывала.

А я подумал, что политбюро было настоящей бандитской малиной, где Сталин был главным паханом. Понятно, что

у них и морали никакой не было, потому что они и своих загрызали, когда пахан приказывал. Вот Ленин был другой, но рано умер, и всё покатило под гору.

Соколовский сказал, что прошлой ночью солдатики попросили его рассказать какой-нибудь свежий анекдот. Он начал: «Армянское радио спросили, как предохраняться, чтобы женщины не беременели. Радио ответило: надо выпить стакан воды. Радиослушатели спросили: до или после? Радио ответило: вместо! Короче — после моего анекдота воцарилось молчание. Потом недовольный голос потребовал: чего вместо? Договаривай! Тут я понял, что рассказывать им анекдоты не следует».

Мы готовимся к плановым ночным учениям на местности. По этому поводу нам выдали валенки и ватники, потому что в шинельке сразу околеешь. По московским прогнозам, ночью будет до минус восемнадцати, а здесь, под Кинешмой, наверное, и до минус двадцати упадет. Нас поместили вперемешку с солдатами в крытые брезентом машины. И вот, мы двинулись в ночь по маршруту, указанному начальником батальона. Что мы там будем делать, нам не сказали и правильно. Толку от нас никакого. Я подружился с рядовым Васьковым. Он пониже меня и телосложения хлипкого. У нас один начальник, капитан Горячев, красивый молодой мужик с рокочущим баритоном. Заговорили о нем. Васьков сказал восхищенно:

— Видел бы ты его в бане!

— А что там такое?

— У него шланг, как у жеребца!

Интересное дело. Никто не скажет о мускулатуре, о красивой посадке головы, об остроумии, о храбрости. Все об одном и том же. К нашему Вовке Иванову в бане подошел какой-то кавказский человек и тоже наговорил ему комплиментов. Все, кто был рядом, слышали.

Едем и едем. Брезент защищает от встречного ветра, но не от мороза. Ужасно мерзнет спина. Мы с Васьковым осед-

лали лавку и прижались спиной друг к другу. Через пяток минут полегло, согрелись. Интересно, таежники устраивают такой экономный костер — кладут два бревна параллельно и разжигают между ними растопку. Потом, когда бревна занялись, между ними горит ровное пламя и надо только пододвигать их друг к другу, чтобы щель была узкой. А если их раздвинуть, то пламя быстро гаснет. Правда похожий прием?

О том, чтобы заснуть при таком морозе, нет и речи. Развлекаться разговорами не хочется. Что мы можем друг другу поведать? Я — уже дипломированный инженер, без двух недель младший лейтенант, а он — солдат первого года службы. Вдруг — страшный толчок, и мы валимся в кучу. Оказалось, что наш водитель заснул за рулем, и машина съехала в кювет. А могла бы и перевернуться. И привезли бы моей маме гробик сына-неудачника. А девчонка моя быстро бы утешилась с другим. И все бы предприятия, выпускающие резиновые изделия, остановились на минуту, чтобы дать по мне прощальный гудок...

Поскольку мы шли в середине колонны, и все специальные машины оборудованы лебедками, нас вскоре вытянули из кювета, и мы еще четыре часа пилили в заданном направлении.

Остановились мы в прелестном хвойном лесу, рядовые по команде выскочили из машин. Тут я увидел радостного Сергеева и Валерку Гутмана, который провел ночь на ящике с раствором аммиака. Все за одну зимнюю ночь как-то закоптились, стали похожи на жителей крайнего Севера типа эвенков. Начальство, оберегая наше здоровье, приказало соорудить большую палатку, солдаты нанесли внутрь лапника, потом включили обогревающий агрегат, и мы быстро заснули под его монотонный рёв. Тем временем солдатам было велено соорудить походную баню на десять душевых розеток и купаться. Это означало, что они подверглись в пути химическому заражению. Нам тоже предлагалось принять горячий душ, но мы отказались, и нас оставили

в покое на три часа. В палатке был изумительно чистый зимний воздух, пропитанный запахом елового лапника. Только это и запомнилось.

Потом нас выставили из палатки, солдаты собрали её и погрузили на машину. Потом они еще побрызгали содовым и аммиачным раствором на машины, поели сухого пайка, и мы поехали в часть.

Да! Забыл одну пикантную подробность. У нас в части есть один старослужащий с фамилией Славный. Это надо же такую фамилию носить! Росту он среднего, плотный, глазки маленькие и злые. Самая выдающаяся часть лица — могучие челюсти. Голос громкий и нахальный. У него всё схвачено на кухне. Ему всегда удается в нашу баланду пристроить кусок мяса. В то утро, когда нас высадили в лесу, мы с Сергеевым наблюдали, как повар из своей крытой машины выдал Славному пару селедок, буханку хлеба и пару луковиц.

Говорят, что в тюрьме *свои* тоже питаются не хуже нас, городских. А как же равенство и братство? Я так думаю: никогда не было ни того, ни другого. Это всё лозунги, чтобы подвинуть толпу к массовым протестам.

Знаете, а у неудачников, вроде меня, случаются неожиданные удачи. Я после учений заболел, температура подскочила. Пошел к доктору, и он меня поместил в лазарет. Ура! Меня пристроили на чистой постели. Симпатичная девушка в белом халате приносила мне таблетки. И вдруг на ужин принесли нам винегрет. Настоящий винегрет, нарезанный циклопическими кусками свеклы, морковки, картошки, репчатого лука, соленых огурцов, и всё это было полито чудесным подсолнечным маслом. Мне кажется, что я после этого винегрета стал быстро поправляться. В довершение моего счастья мой любимый Сашка Сергеев притащил мне из библиотеки книжку Сомерсета Моэма «Дождь и другие рассказы». Это было неопишное блаженство.

Один рассказ там про то, как строгий пастор пытался спасти грешницу, продававшую своё тело. А кончилось тем,

что он сам с ней переспал и от стыда покончил с собой. Вот генерал Хондожко точно так бы не поступил. И все наши вожди, которые расстреливали наших родственников и держали полстраны в лагерях, точно не застрелились, а живут припеваючи. Всю ответственность переложили на Сталина и Берию. Как могут два человека заставить всю страну совершать преступления без участия сотен тысяч добровольных помощников, я не представляю.

И вот я снова с утра в Ленинской комнате играю в домино и жду, пока нас построят и поведут завтракать. Лейтенант Шмелёв увидел меня и обрадовался, как родному. Я спросил его:

— Как дела, товарищ лейтенант?

— Отлично! — отвечал он. — С утра успел кинуть палку жене.

— Поздравляю! — сказал я и подумал, что это в провинциальной глуши есть самое большое наслаждение. Ни с каким кино не сравнишь. А что делать одинокому офицеру бесконечными вечерами в общежитии? Еще хуже, чем Пушкину в Михайловском. У Пушкина хоть талант был, а у лейтенанта — ничего, кроме тоски по женщине. И так долгие годы. Нет. Можно, конечно, пойти в офицерский клуб к таким же одиноким бедолагам, чьи физиономии наблюдать уже устал за столько бессмысленных лет. Можно сыграть с ними на бильярде, вывезенном пятнадцать лет назад из Германии, с протертым почти до кисеи зеленым сукном, щербатыми костяными шарами и отструганными дядей Колей кривыми киями. Можно пойти в общежитие и закрывшись в комнате, сыграть по маленькой в преферанс, отчаянно куря и попивая «Шадринский Сучок», от которого утром болит голова.

Так я всё думал и жалел нашу непобедимую армию, застывшую в зимних окопах, потому что мне лично до отбытия из части оставалось пять дней, а им, бедолагам, сидеть в глуши до выхода на пенсию.

Интересно, кроме меня кто-нибудь откроет на досуге чудесную книгу Моэма? Вряд ли. Обязательное изучение уставов и всякой политической болтовни, наверное, отбило напрочь желание читать. Как сказал мне один старший сержант, кивнув на Сашку Соколовского:

— Вот чудак! Кто-то написал всякую ерунду, а он её читает и читает! Умора!

Опять я попал в переplet. Солдатики накупили в ларьке завезенного тройного одеколona и напились. Это было минут за десять до отбоя. Они пришли в игривое настроение и стали задирать друг друга. Кончилось тем, что красавец Алиханян с пышными усами и Берёзкин, который вел машину на учениях и въехал в кювет, начали бороться и упали вдвоем на мою койку, где я уже лежал в исподнем и готовился спать.

Какая бы ни была наша армия, а все-таки парни становятся очень сильными физически. Они меня придавили, как лягушку, и даже не заметили. Я от дурости стал давить пальцем за ухом Березкина, там есть очень болезненная точка, но он был в пьяном азарте и продолжал бороться с Алиханяном. Кое-как я выполз из-под них и ждал, когда же это безобразие прекратится. Однако после того, как они поднялись, Березкин вспомнил, что я ему сделал очень больно и стал возникать. Дать мне по морде, несмотря на тройной одеколон, он не решался. Поэтому он стал меня по-детски ругать без мата, повторяя:

— Жалею, что ты не свалился в кювет и не убится до смерти!

Его товарищи никак не могли понять, с чего он ко мне привязался, а он не мог им объяснить, в чем дело. В общем, я вернулся в свою койку и заснул в плохом настроении, всё фантазируя, как я должен был бы поступить в должности *помкомвзвода*.

Ну, вот и всё. Мы выстроились на плацу в две шеренги. Стоит командир батальона, рядом с ним двое наших — Го-

родянский и Ковалев. Нас поздравляют с окончанием офицерской практики. Теперь нам в Москве вручат военные билеты. Мы залезаем в грузовики, чтобы следовать на вокзал. Наши начальники садятся в кабины водителей. Гордянский успевает сказать, что Горячев написал на каждого из нас просто замечательные характеристики, и теперь мы с гордостью должны носить первое офицерское звание.

Трясемся по заснеженной колее. Валерка Артемьев с упоением рассказывает, что собирается применить скоростную съемку для исследования механизма разрыва образцов резины, а я думаю, как бы мне получить на руки диплом и в то же время не ехать по распределению в Красноярск. Почему так жизнь по-дурацки устроена? Иногородний Жемайтис, который перевелся в наш институт на четвертом курсе, получил распределение в ВИАМ в Москве, а я, коренной москвич, должен вместо него бросить невесту и ехать в ссылку, как Ленин!

Часть третья

Мы все в детстве представляли армию в виде красивых и нарядных колонн, проходящих маршем мимо мавзолея, где лежит тучело основателя советского государства. Сводные оркестры играют торжественные марши. Взволнованный вечный диктор Левитан оповещает граждан СССР, какой полк и какого рода войск проходит мимо мавзолея, где стоят члены политбюро во главе с самым верховным главнокомандующим, то есть с товарищем Сталиным. Говорят, что однажды в серьезной газете была допущена ужасная ошибка: в самом длинном слове этой фразы после буквы *з* исчезла буква *л*. Страшно подумать, что произошло с руководством газеты и корректором. Скажу для примера, что моего братика Костю Атарова лишили премии за

квартал (он работал свежей головой в газете «Известия»), за то, что он допустил лишнюю букву **С** в аббревиатуре **УСССР**. Думаю, что этого хотел Бог, потому что ведомый партией государственный корабль под названием СССР не дожил до своего 70-летия. Развалился на *У*, на *СС*, и на *Р*.

Как пела моя мама:

— *Got weist was Er tit ... Got ist immer gerecht... Иными словами, Бог знает, что Он делает, Бог всегда прав.*

Что-то я запомнил, как сейчас кличут нашу армию... Ах, да! Она теперь Российская армия. И теперь не говорят: служу Советскому Союзу, а говорят: служу России. Зря я поставил двоеточие. Кажется, смысл сильно исказился. Но суть ведь осталась? Ну и что вы мне возражаете, будто мы откусили от Украины полуостров Крым и Донбасс, от Осетии еще кусочек чего-то, в смысле, от Грузии. Но ведь она и сейчас непобедимая и легендарная, хотя мы позорно проиграли Афганскую войну, а после этого Чеченскую войну. Если бы Ленин был жив сейчас, он сказал бы: «Поражение в этих войнах показало всю гнилость Российской империи!»

Потому Ленин и есть вечно живой, что его можно цитировать и сегодня применительно к российской жизни. Насчет пролетариата они с Марксом, конечно, малость ошиблись, но знаете — если бы вы написали такое количество книг, то ошиблись бы еще и не так, а гораздо хуже.

Расставаясь окончательно с военной кафедрой, получив в военкомате красивенькую книжечку темно зеленого цвета, свидетельствующую, что мы являемся младшими лейтенантами запаса, мы сразу забыли думать о своем пока неисполненном воинском долге, но военкоматы нас не забыли. Через три года многие из нас получили предписания явиться для прохождения переподготовки в МХТИ имени Менделеева, и я был в числе призванных. Какое великолепное слово — *призванный!* Годилось бы для стихотворения «Пророк», но Пушкин его не использовал. А вот, Маяковский

считал, что революция его призвала послужить ассенизатором. Лично мне такая специальность не по душе. Я пока побуду в младших лейтенантах. Тем более, что за пятьдесят лет советской власти столько накопилось всякого дерьма, физического и идеологического, столько людей перемазалось, так от них дурно пахнет, ужас!

Только спустя много лет я понял, какими мы все были беспомощными младенцами! Особенно печально, что мы все, составляющие население СССР, отдали свою судьбу безответственным дуракам в погонах в 1962 году, когда они повезли на Кубу ядерное оружие и ракеты. Впрочем, судя по моему личному инфантилизму (идиотизму) в то время, весь народ поддержал и одобрил действия Главного Дурака, который возглавлял политбюро. Правду сказать, и американцы были ненамного умнее.

И вот, сейчас, зимой 1967 года нас опять призвали, чтобы мы не забыли, как действовать в обстановке, которую создадут наши и их генералы, засыпав планету всякой химической гадостью и радиоактивными осадками. Прямо скажем, интереса к военным занятиям не питал никто. Зато многие обрадовались, увидев сокурсников. Валерка Гутман сразу рассказал свежий анекдот: «Вечерняя переключка в тюрьме: Иванов! — Я. Петров! — Я. Сидоров! — молчание. Сидоров! — молчание. Сидоров, мать твою! — Ну, я. — Конечно ты. А куда ты на хрен денешься?!»

Мы посмеялись. А мы *все* куда на хрен денемся, пока нами командуют тупые генералы?

Между тем полковник Стариков, рослый, упитанный, красноречивый, травит байку о нашей ядерной мощи и о том, как премьер Великобритании просил президента США не накалять международную обстановку:

— И вот, товарищи, Гарольд Вильсон подходит к карте мира и закрывает свою страну левой ладонью. А в ладони, товарищи, как всем известно, всего пять пальцев. И он го-

ворит: «Вот мои пять пальцев, и пяти советских водородных бомб достаточно, чтобы моя страна превратилась в пустыню».

— Слушай, — говорю я Валерке, — ведь при взрыве водородной бомбы не должно быть никакого радиоактивного заражения. Там ведь простая реакция: водород превращается в гелий. Или я что путаю?

— Ты забыл, что там запалом служит плутониевая бомба. Уж она-то весь пейзаж изгадит.

После лекции мы по группам отправляемся на практические занятия. Там нам выдают прошитые веревкой тетрадки, которые нам надлежит сдавать в конце занятий. Поскольку все листочки учтены, в тетрадочках не порисуешь и стихов не напишешь, потому как полковник может опозорить перед группой или пожаловаться начальству, а это чревато последствиями на работе.

Кстати, о работе. Валерка среди немногих отправился после института на завод «Красный Богатырь» делать резиновые сапоги. Его сразу назначили заместителем начальника цеха. Ему еще повезло, потому что его цех чистенький. Там стоят каландры и вальцы. А мог он вполне попасть в цех подготовки, где я проходил практику. Там ад крошечный. Идешь после смены и отхаркиваешь сажу. Думаю, он зарабатывает пару сотен в месяц, не меньше.

А я после всех злоключений попал, благодаря моему дорогому Сашке Сергееву, в Специальное конструкторское бюро Института Кристаллографии, где делаю оптические изделия для инфракрасной техники и занимаюсь наукой. Получаю сто пять рублей на должности инженера. Как поется — чести много, а денег мало, а денег мало...

Потащились мы в класс. Сегодня будем в который раз изучать средства химической разведки. Во-первых, это насос вроде тех, которыми накачивают мячи, только в него вставляют стеклянные трубочки с цветной маркировкой, а трубочки предварительно обламывают по тонким шей-

кам. Примерно то же делают медсестры, когда вскрывают ампулы, чтобы сделать укол. В этот насос сразу вставляют несколько обломанных трубочек и солдат в противогазе должен сделать через них двадцать качков, чтобы зараженный воздух прошел через трубочки. Зимой надо сделать сорок качков, потому что реакция идет медленнее. Там несколько групп этих трубочек. Скажем, на иприт, люизит — одна группа, а на зарин, зоман — другая.

Ну, мы все покачали по очереди, а потом подошли к автоматическому анализатору. Это металлический чемоданчик весом восемнадцать килограммов. Работает от батареек, имеет сигнальную лампу и при появлении следов отравляющих веществ издаёт громкий неприятный звук. Во время работы он издает сильный шум, как заведенный грузовик.

Эти штуки мы видели еще студентами, но повторение есть мать учения, и мы занесли характеристики в личные тетради. По-моему, никто из нас настоящих боевых газов не нюхал. Оно и понятно. Есть такие газы, например, синильная кислота, которую можно понюхать только раз в жизни. Вот интересно, — чтобы отправить человека на тот свет, требуется крошечная доза яда. Цианистого калия нужно всего несколько миллиграммов, а яда кобры — тоже крошечная капля. Подумать только! Мужик весом в девяносто кг умирает от пяти миллиграммов яда! Ведь если пересчитать на килограмм его веса, то это ноль целых и хрен десятых. Один умный биолог мне рассказывал в доме отдыха, куда я поехал зимой с Соколовским, что самые сильные биологические яды представляют собой молекулы белков, которые обманывают нашу иммунную систему, встраиваются в нервную цепь и блокируют передачу сигналов на вдох или выдох, в результате человек погибает от удушья. Или они блокируют электрический сигнал на сокращение мышц сердца, и сердце останавливается — опять кранты. Вообще-то, вся наша жизнь основана на нервной проводимости. А нервные клетки, оказывается, могут быть длиной

до двух метров и иметь толщину всего в микрон. Народ не зря заметил, что все болезни от нервов.

Сегодня я получил выволочку от шефа, что не записал в журнал результаты термических испытаний поляризаторов. А чего записывать? При температуре сто шестьдесят градусов они погибают в течение часа. Короче, я с удовольствием удрал из лаборатории на военные занятия. Там можно поболтать с ребятами, покурить, услышать новенький анекдот. Вообще мне кажется, что у шефа иссякли идеи, чем нас занять, и он придирается по мелочам. В коридоре я столкнулся с Игорем Петровым, и он меня спрашивает:

— Саш, хочешь пойти в аспирантуру к моему другу. Он молодой доктор наук. Ему нужны толковые ребята.

— Еще бы! Конечно, хочу. Мне уже осточертело получать клизмы от шефа ни за что, ни про что...

— Тогда вот тебе телефон, завтра позвони ему и договорись о встрече. Скажешь, что от меня.

Ну, я его поблагодарил и поехал воевать. Честно говоря, мне давно надоело сидеть на ста пяти рублях при молодой жене, которая, как мне кажется, презирает меня из-за моей никчемности. Если защищу диссертацию, сразу буду получать сто семьдесят пять, а если дадут ставку старшего научного сотрудника, то и все двести пятьдесят. Это ж надо — каждый месяц класть в карман такую кучу денег!

Сегодня у нас учеба по радиационной разведке. Раздали нам на шесть человек по аппарату, снабженному зондом и по крошечной коробочке с радиоактивным кобальтом. Зонд — это просто длинная палка с проводом, идущим в аппарат, а на другом конце металлический огурец с окошечком, через которое проходит альфа-, бета- и гамма-излучение от пораженной взрывом поверхности земли или всякой там техники, или остатков зданий. Да, еще надо надевать наушники для регистрации числа щелчков. Ну, вы понимаете — излучение ионизирует газ внутри вакуум-

ной колбочки, ионы разряжаются внутри колбочки на заряженной проволочке, сигнал усиливается, и мы поэтому слышим в наушниках щелчки. Так мы просидели положенные четыре часа, сдали секретные тетрадки и поехали по домам.

Вот, выбирают для военных сборов самое поганое время года, когда студенты на зимних каникулах. Холод и темнота, снег по колено. Приходится таскаться к черту на куличках в район Южного порта в переполненном автобусе. Там у вояк база. Огромный гараж на шесть спецмашин. Сначала мы сидим в классе и слушаем сплошную нудятину, а потом нас вытаскивают в гараж, и полковник с указкой тычет в технические узлы, спрятанные под железными листами, покрашенными в защитный цвет. Интересно, на сколько дней хватит этой краски в боевых условиях? Думаю, что через пару недель в реальных боевых условиях после нашего бездорожья, все эти аккуратно намотанные шланги, легко поворачивающиеся вентили, пульверизаторы, насосы и железные листы покроются грязью, ржавчиной, перестанут функционировать, и бедные солдатики возьмут привычную кувалду и с *матерком* начнут охаживать непослушное железо.

На последнем, слава богу, занятии на базе показали фильм, как обрабатывать тяжелую технику после радиоактивного заражения. Источник заражения — многострадальная наша земля, на которой растить бы картошку и хлеб, а в палисадниках сделать грядки и посеять огурцы, укроп, посадить куст-другой смородины и жить, жить, жить...

Так. Теперь мы работаем с картами. Все мы в классе являемся командирами взводов ХРР, то есть химической и радиационной разведки. На картах городки ФРГ, а проще — Западной Германии: *Steinau und Neuhof*. Там противник применил против нас ядерное оружие. Показательно то, что это не наша территория. Разве можно допустить, чтобы это оружие было применено на нашей священной земле?!

Мы рассматриваем карты-пятикилометровки. Дороги, озера, дамбы, маленькие населенные пункты, группы зданий, невысокие холмы. Родина Гёте и Шиллера, а может быть, и Эйнштейна...

В мои раздумья вонзается энергичный и веселый голос полковника Завьялова:

— Противник применил ядерный заряд в двадцати километрах к северо-востоку от города *Штейнау*. Даю вводные: ветер юго-восточный восемнадцать километров в час, температура двадцать градусов по Цельсию. Ставлю задачу: определить площадь заражения. Для этого взводу ХРР выдвинуться в район взрыва и нанести на карту маршруты продвижения тяжелой техники и личного состава, провести на местности измерение уровней радиации. Прибыть в пункт сбора у высоты сто десять поселка *Кюммель* в тринадцать часов.

Наша группа в тридцать человек прилежно наносит метеоданные и вычисляет профиль радиоактивного облака. Я тем временем думаю, что проще было бы объехать зону поражения, благо в Германии дороги не те, что в России. Мои спокойные мысли прерывает громкий голос полковника: «Начальником взвода ХРР назначаю младшего лейтенанта Лесина!»

Судьба явно не желает, чтобы я отсиделся в окопах. Ну почему именно я? Я встаю и рапортую, что лейтенант Лесин прибыл по его приказанию.

— Хорошее начало! — весело и громко замечает полковник. — Доложите план оперативных мероприятий.

Вот тут у меня заело. Я начинаю блеять, как овца, которую тащат свежевать.

— Стоп, лейтенант, — вмешивается полковник. — Что вы должны сделать прежде всего?

Я честно не знаю. Из моих уст, как густая предсмертная слюна тянется: э-эээ-э. Насладившись моим позором, Завьялов выкрикивает за меня: «Я решил! Следую маршрутом по дороге номер семь в пункт Кюммель для проведения

разведки...» — Ну, лейтенант, продолжайте, входите в роль командира взвода!

Оказывается, я туп, как сибирский валенок. Мне ужасно стыдно. Мои товарищи по оружию не смеются. Каждый из них морально меня поддерживает, потому что если меня посадят на место, то могут вызвать любого из них, и тогда позориться придется им.

— Надо отдать приказ! Командиры отделений ко мне! Давайте, отдавайте приказ! Сначала вводная. Давайте, работайте!

Я набираю в легкие воздух и представляю себе пять начальников отделений. Вместо слов приказа в моей дурной голове всплывает фраза: *Господа я хочу сообщить пренеприятное известие. К нам едет ревизор.* Только этого не хватало! Я бормочу:

— Командиры отделений ко мне, противник применил ядерный заряд в двадцати километрах к северо-востоку от города *Штейнау*, ставлю задачу, выдвинуться по дороге номер семь в пункт сбора поселка Кюммель у высоты сто десять, определить уровень радиации и наметить пути безопасного следования тяжелой техники...

Полковник смотрит на меня с сочувствием, как мне кажется.

— Всё?

— Всё.

— А вы сами, где находитесь, в какой машине? Кто за кем следует? Где расчет скорости движения? Когда вы должны прибыть в пункт сбора? Ладно, садитесь! На примере лейтенанта Лесина вы, товарищи офицеры, видите, как непросто взять на себя инициативу в боевых условиях, а ведь предстоит еще главное — провести ряд мероприятий в условиях повышенной опасности и при этом сохранить в рабочем состоянии доверенную вам технику и личный состав.

Через четыре года снова сборы зимой в МХТИ. Хорошо, что успел защитить диссертацию. Работаю у шефа на кафе-

дре физики в научно-исследовательском секторе. Теперь мне совсем нехоти ехать к черту на куличках и слушать невыносимо скучные лекции отцов-командиров. Опять знакомый корпус, который себе отхватила военная кафедра. В большой аудитории опять собрались все призванные. Предстоит лекция о международной обстановке. Вроде бы после Хрущева в мире стало поспокойнее. Новый хозяин страны подбирает соратников, с которыми Он собирается служить отечеству до самой смерти. А нам что делать? Говорят, что если ничего не можешь изменить к лучшему, расслабься и постарайся получить удовольствие. Эта максима больше пристала, пожалуй, гулящей девке, но от нас действительно ничего не зависит. Когда Хрущ чуть не спалил всю планету, послушав своих генералов, мы спокойно спали в своих клетках, зная, что утром будем завтракать бутербродом с сыром, а в обед пойдем в столовку, где постараемся поесть что-нибудь наименее тухлое. И вся радость жизни, не считая удовлетворения от работы, укладывалась в четыре часа с семи до одиннадцати вечера, когда можно было поужинать, посмотреть программу «Культура» и поговорить с ребенком.

В этот раз мне страшно повезло, потому что я попал в призыв с моим любимым другом Сашкой Сергеевым. Вообще-то мы живем близко, две станции метро, часто гуляем по выходным в нашем лесу вдоль кольцевой дороги, но здесь, среди массы незнакомых лиц увидеть родное, доброе — такое счастье! Пока химический полковник талдычил про важность воспитания политической сознательности у рядового состава, Сашка рассказал мне, что встретил на Арбате Вовку Иванова. Едва поздоровались, Вовка стал хвастаться, какой роскошной жизнью он живет. Во-первых, снимает квартиру в Лондоне. Он занят закупкой натурального каучука. Получает громадные деньги. Сейчас приехал в отпуск и хочет купить «Волгу». На книжке у него двадцать пять тысяч.

— Вот, человек знал, чего хотел. Он спросил у меня, сколько я получаю. Я сказал, что двести пятьдесят плюс сто рублей квартальная премия. Так он начал хохотать — мол, на такие деньги невозможно жить.

— Баловень судьбы, — заметил я. — Возьми во внимание его физические данные, музыкальные способности. Ведь он закончил вечернее отделение Гнесинки. Голос у него замечательный. И женился он по-умному, на дочке полковника Федорова, который преподавал нам строевую подготовку на первом курсе. Я думаю, что у тестя были связи в иностранном отделе министерства. А мы с тобой обязаны быть счастливыми, ведь не всякий в нашей стране получает двести пятьдесят рубликов в месяц, потому что страна наша бедная. А что он может каждое утро пить шотландский виски, так мне на это наплевать.

— И мне тоже, — кивнул Сашка. И тут нас развели по классам.

Потащились мы в класс. Знакомых лиц нет. Оно и понятно. Каждый год новый выпуск младших лейтенантов. Это напоминает разбавление спирта водой. Чем больше воды, тем слабее раствор спирта. А что? Это про нас написал Маяковский: «Мы крепки, как спирт в полтавском штофе!» Послушали бы вы, как мой друг Соколовский запускал с одним инженером скруббер, когда поехал в командировку в Свердловск. Сутки возились, но машина заработала!..

Сегодня будем в который раз изучать средства химической разведки. Во-первых, это насос вроде тех, которыми накачивают мячи, только в него вставляют стеклянные трубочки с цветной маркировкой, а трубочки предварительно обламывают по тонким шейкам. Примерно то же делают медсестры, когда вскрывают ампулы, чтобы сделать укол. В этот насос сразу вставляют несколько обломанных трубочек и солдат в противогазе должен сделать через них двадцать качков, чтобы зараженный воздух прошел через трубочки. Зимой надо сделать сорок качков, потому что ре-

акция идет медленнее. Там несколько групп этих трубочек. Скажем, на иприт, люизит — одна группа, а на зарин, зоман, V-газы — другая.

Тут выбрали пару наших мужиков и заставили надеть резиновые штаны на подтяжках с приклеенными сапогами, потом что-то вроде рыбацкой прорезиненной куртки с резиновыми перчатками и противогазы.

Полковник приказал им прокачать воздух через насос по очереди, а мы смотрели и радовались, что стоим рядом с этими *терпилами* и свободно дышим. Пока они снимали с себя всю эту резину и вытирали лицо после противогаза, мы подошли к автоматическому анализатору. Это металлический чемоданчик весом восемнадцать килограммов. Работает от батареек, имеет сигнальную лампу и при появлении следов отравляющих веществ издаёт громкий неприятный звук. Во время работы он издает сильный шум, как заведенный грузовик.

Эти штуки мы видели еще студентами, но повторение есть мать учения, и мы занесли характеристики прибора в секретные тетрадки.

Опять надо тащиться в район Южного порта в переполненном автобусе на базу, где вояки из МХТИ держат спецмашины для обработки техники и личного состава. Сегодня чертовски холодно. Поэтому стоять в гараже вокруг машин и слушать нудятину в течение часа — истинное мучение. Я сдуру надел утром полуботинки на микропоре и теперь прямо ног не чую от холода.

Стараюсь не смотреть и не слушать полковника, который тычет указкой в разные технические узлы, показывая, что спрятано под покрашенными темно-зеленой краской железными листами.

Слава богу, нас повели в класс. Я сел, сразу скинул обувь и начал энергично растирать ступни. Я заметил, что после такого переохлаждения, как правило, через несколько дней у меня болит горло и закладывает нос. А я совершенно

не могу дышать во сне ртом. Мучаюсь ужасно несколько дней и без конца капаю всякую дрянь. Противно. Бюллетень по простуде не дают. Таскаюсь на работу с тяжелой головой.

Теперь мы работаем с картами. Все мы в классе являемся командирами взводов ХРР, то есть химической и радиационной разведки. На картах городки ФРГ, а проще — Западной Германии: *Steinau und Neuhoф*. Там противник применил против нас ядерное оружие.

Густой с хрипотцой голос полковника Засядько:

— Противник применил ядерный заряд в двадцати километрах к северо-востоку от города *Нойхоф*. Даю вводные: ветер юго-восточный восемнадцать километров в час, температура двадцать градусов по Цельсию. Ставлю задачу: определить площадь заражения. Для этого взводу ХРР выдвинуться в район взрыва и нанести на карту маршруты продвижения тяжелой техники и личного состава, провести на местности измерение уровней радиации. Прибыть в пункт сбора у высоты сто десять в районе поселка *Кюммель* в тринадцать часов.

Наша группа в тридцать пять человек прилежно наносит метеоданные и вычисляет профиль радиоактивного облака. Я тем временем думаю, что проще было бы объехать зону поражения, благо в Германии дороги не те, что в России. Мои спокойные мысли прерывает громкий голос полковника:

— Лейтенант Ярцев, доложите обстановку и план мероприятий по проведению разведки зоны поражения.

Пронесло. Можно расслабиться, даже подремать. Мой сосед слева — молодой парень. Работает главным инженером на заводе, выпускающем антибиотики. Узнал от него интересную вещь. Оказывается, уже существуют антибиотики, которые помогают в борьбе с некоторыми формами рака.

В конце марта исполняется десять лет окончания института. Наши заволновались, мол, надо бы отметить. На дворе

тухлое и тошнотворно глупое правление Брежнева, но нам наплевать, нам по тридцать с небольшим, праздник жизни. Решили встретиться, посмотреть друг на друга. Заказали стол в ресторане «Метрополь». Пришло двенадцать человек. Все чувствуют неловкость, посмеиваются, Валерка травит заводской анекдот. С опозданием пришел Вова Иванов. Общий разговор не завязывается. Кто-то спрашивает:

— А сколько среди нас кандидатов наук? Встаньте, покажитесь!

Встаем: Сашка Вассерман, Сашка Сергеев, Марина Голдштейн и я. Соколовский пока в заочной аспирантуре, он сидит и немного завидует. Потом мы садимся и начинаем выпивать и закусывать. Валерка Гутман стал начальником цеха на «Красном Богатыре», вступил в партию. Так надо. Вовка Иванов тоже партийный, иначе бы не пустили за границу. Девчонок среди нас четыре. Они приятно оживляют мужскую компанию. Вова пьет водочку с удовольствием, хмелеет и ему явно хочется блеснуть. Он начинает громко говорить на английском и наслаждается, что мы его не понимаем. Потом он подсаживается к Таньке Ильиной и что-то ей говорит, явно малоприятное. Та хихикает и пожимает плечами. Потом Вова вызывает желающих побороться с ним в реслинге. Мы для смеха по очереди подсаживаемся напротив него и все, как один, терпим поражение. Вова, совершенно удовлетворенный, садится на свое место и приканчивает водку. Люся Меркулова как-то незаметно здорово набралась. Она очень громко смеется без всякого повода и лезет обниматься к Таньке Ильиной. Танька поёживается и спрашивает окружающих, за что ей такое испытание. Они, правда, сблизилась на целине в Кустанайской области, за ними ухаживали местные парни, механизаторы. Люся своего ухажера вызвала в Москву и вышла за него замуж, а Таня выбрала себе высоколобого Яшу из Харькова, который оказался очень умным, защитился и работает в академическом институте. Он тоже был с нами на целине, но учился на другом факультете. Он праздновать не пришел.

Когда я работал на кафедре у шефа, то был так увлечен исследованиями, что любые попытки отвлечь меня общественной работой или призывом на военную переподготовку воспринимал очень негативно. Потом у меня был скандал на этой почве, и мне пришлось уйти с кафедры под давлением партийных баб, захвативших власть. Я пристроился в почтовом ящике начальником лаборатории, стал получать почти четыре сотни в месяц, завоевал уважение тещи, купил им кооперативную квартиру, чтобы, наконец, пожить отдельно. Короче, жизнь наладилась. Работа на режимном предприятии, когда ты не можешь в рабочее время выйти за ворота без специального пропуска, рождает в людях органическое стремление под любым предлогом слиться с работы. Если ты на сдельной работе, то каждый час кладешь в карман рубль или два, а если ты получаешь зарплату независимо от того, спал ты, положив голову на стол, или стоя за кульманом, стимулов трудиться нет.

Это я к тому, что очередной призыв на переподготовку был для меня в этот раз приятен. Целых три недели я мог уходить сразу после обеда на законном основании. На улице был конец марта. На сей раз мы собрались под гостеприимной крышей академии химзащиты. Это было очень удобно для меня — всего четыре остановки на метро от моего жилья.

У них в академии дело поставлено далеко не так, как у наших полковников из гражданских ВУЗов. Эти даже, я сказал бы, держатся щеголевато. На территорию академии проходишь через военный пост и предъявляешь военный билет.

Собрали нас, человек сто пятьдесят, в большую аудиторию. Сели мы, приготовившись услышать очередную лекцию о происках злобных империалистов, и вдруг я слышу: сзади кто-то меня окликает тихо так: «Саша, Саша, Саша...». Оборачиваюсь и вижу Мишу Колкера из лаборатории ионообменных материалов, которая в институте пластмасс. Знакомое приятное лицо. Я там часто бывал. Шеф заключил с ними договор на исследование структуры ионообменных

смол. Я обсуждал результаты нашей работы с двумя дамами. Обе были кандидатами наук, съели с десятков собак на ионообменных смолах, одна из них уже собирала материал для докторской. Миша, старший инженер, присутствовал при наших обсуждениях, как статист. Я его едва замечал. А тут я ему прямо обрадовался. Мои сокурсники растворились среди новых поколений офицеров запаса. К счастью, мы с Мишей оказались в одном взводе.

Должен сказать, что военные кафедры в химических институтах по сравнению с академией химзащиты выглядели, как жалкий муляж. У вояк всё было отлично скроено. Ведущий наш семинар полковник, двухметровый великан в новеньком с иголки мундире, идеально подстриженный, с холеными черными усами, не скрывал своего презрения к сброду, заполнившему аудиторию. Он сообщил нам, что многие из нас плохо знают химию, потому что сдавали этот предмет в институте на тройки и в лучшем случае на четверки.

— Наши курсанты все поголовно обязаны сдавать химию только на отлично! Это и понятно, потому что пробел в знаниях означает смертельный риск в боевых условиях.

При этих словах я стыдливо потупился, потому что курс общей и неорганической химии на первом курсе я бездарно сдал на три балла. Потом пришлось наверстывать. Кстати, учебник Б. В. Некрасова оказался великолепной энциклопедией, которая всегда теперь лежала у меня под рукой. Особенно ценными были для меня дополнения, напечатанные мелким шрифтом.

Полковник поднял нас, и мы проследовали за ним в помещение, оборудованное сухими шкафами, внутри которых была масса приборов и приспособлений для работы в специальных перчатках-манипуляторах. Курсантов учили работать с химическим оружием практически. У них даже были виварии для крыс.

Если ты не вложил душу в дело, которым занимаешься по жизни, то так и уйдешь на покой ничего не добившим-

ся неудачником. И никакие дипломы не прикроют твоего невежества и неумения. Есть, конечно, люди, которые умеют блефовать, но самого себя не обманешь. Каждый знает себе истинную цену. Так я думал о себе, возвращаясь домой после первого дня занятий.

Однако в последующие дни выяснилось, что переподготовка офицеров запаса поставлена на тот же серый, бессмысленный поток. Опять нашли счастливчика, которого заставили надеть противогаз, резиновые штаны-сапоги, резиновую куртку. Потом дали ему в руки тот же насос со стеклянными трубочками...

Миша оказался фанатом шахмат. Он носил с собой дорожный вариант с фигурками-лилипутиками, которые втыкались в доску, так что мы сидели и играли, пока на нас изливалась информация о применении капиталистами V-газов против нашей доблестной армии. Полковник Быстров нам поведал байку, что фашисты однажды применили против наших отравляющие вещества, но мы тут же ответили, и потери фашистов были столь велики, что они выслали парламентаров с белым флагом, которые заверили наших, что больше химического оружия применять не будут.

Да, шахматы нам тогда здорово скрасили прохождение службы. Однако в отличие от прежних курсов нас однажды вывезли на стрельбище в районе Филевского парка, где дали по три патрона, и мы стреляли из пистолета Макарова. Я ни разу не попал в мишень. Одна пуля ушла в молоко, а две другие загуляли в межзвездном пространстве. Миша оказался прекрасным стрелком. Он уложил свои пули кучно в 9–9–8. Суровый инструктор даже похвалил его. Я заметил, что оружейные инструкторы всегда очень суровы и внимательны. Оно и понятно. В любой момент в стрелковом тире может появиться разгильдяй, который неумышленно направит ствол в голову соседа или самого инструктора.

Так. Теперь согласно программе, утвержденной Минобороны в 1954 году, мы работаем с картами. Все мы в классе являемся командирами взводов ХРР, то есть химической и радиационной разведки. На картах городки ФРГ, а проще — Западной Германии: *Steinau und Neuhoof*. Там противник применил против нас ядерное оружие. Показательно то, что это не наша территория. Разве можно допустить, чтобы это оружие было применено на нашей священной земле?!

Мы рассматриваем карты-пятикилометровки. Дороги, озера, дамбы, маленькие населенные пункты, группы зданий, невысокие холмы. Родина Гёте и Шиллера, а может быть, и Шрёдингера...

В мои раздумья вонзается энергичный и властный голос полковника Орлова:

— Противник применил ядерный заряд в двадцати километрах к северо-востоку от города *Штейнау*. Даю вводные: ветер юго-восточный восемнадцать километров в час, температура двадцать градусов по Цельсию. Ставлю задачу: определить площадь заражения. Для этого взводу ХРР выдвинуться в район взрыва и нанести на карту маршруты продвижения тяжелой техники и личного состава, провести на местности измерение уровней радиации. Прибыть в пункт сбора у высоты сто десять у поселка *Кюммель* в тринадцать часов.

Честное слово, скоро буду знать местность между Штейнау и Нойхофом, а также между Шлитцем, Нойкирхеном и Лейтербахом наизусть. Можно съездить в ФРГ на разведку? Не много прошу — на три недели. Интересно просто сравнить, похож ли их полупромышленный или полусельский пейзаж на наш. Вот, у нас есть дачное место Малаховка в тридцати км от Москвы. Пока туда едешь, видишь бесконечные горы мусора, железо ржавое торчит отовсюду, протертые шины, домишки, обнесенными гнилыми деревянными заборчиками на фоне Хрущевских пятиэтажек, однообразных и серых. Летом вся зелень имеет пыльный

вид под стать универсальной зеленой краске, покрывающей стены в коридорах по всему СССР и всю нашу бронетехнику, и все наши газики и машины для специальной обработки тяжелой техники и личного состава. За что нам такое грязно-зеленое наказание! Страшно подумать, что это до конца жизни. Сразу же тянет выпить полстакана водки и закусить мелким частичком в томатном соусе.

Так я дожил до 1989 года, когда военкомат вызвал меня и уведомил, что теперь я старший лейтенант запаса. Но этот год для меня стал знаменательным по другим причинам. Во-первых, наш почтовый ящик оказался колоссом на глиняных ногах. Он рассыпался на кучу мелких воровских артелей, где наше начальство начало работать на собственный карман, совершенно игнорируя государственные интересы. Во-вторых, оказалось, что при моей второй форме секретности я могу поехать в ГДР к подруге, с которой пятнадцать лет переписывался и обменивался марками. И я поехал! И как вовремя! Знаменитая Берлинская стена вся покрылась граффити, в ней появились дыры, через которые счастливые восточные берлинцы хлынули в Западный Берлин. Я был с ними и смело прошел по советскому паспорту через *Чек-Пойнт-Чарли*. Правда, пограничник поставил мне штамп в паспорте при проходе, и это сильно испортило мне настроение, потому что я стал воображать, что я скажу в первом отделе нашего ящика по поводу перехода на враждебную территорию. Но скажите — ведь самые смелые мечты иногда сбываются! Я не приехал на место ядерного удара на бронетранспортере и в противогазе, а прибыл ночью на Берлинский вокзал в советских тряпках с громоздким картонным чемоданом, набитым сувенирами моей суровой родины: коробочками Палехской миниатюры, янтарными бусами, народным шитьем по холсту, льняной скатертью... Мне поменяли в нашем банке двести рубликов на пятьсот марок, и я чувствовал себя миллионером.

Но не в этом дело. Я шел с подругой в толпе пьяных от счастья немцев. Мы шли по площади, на которой стоял самый страшный дом во всей Западной Европе — там совсем недавно обитали *итази*, то есть выродки вроде наших *ка-гэ-бэ-шников*. Они все сбежали. И я с толпой вошел в этот страшный дом, на ступенях которого жители Берлина размахивали яркими черно-оранжевыми флагами ФРГ. И мы демонстративно шли мимо закрытых дверей и плевали в них. А ведь совсем недавно на этой площади категорически запрещалось останавливаться. Только за это вас могли вытащить из машины, проводить в камеру с решеткой и страшно избить. Мне казалось тогда, что мы вместе со всем миром вступаем в новую эру. Как жестоко я ошибался!..

Наша непобедимая и легендарная завязла в Афганистане, неся страшные потери плохо обученного молодняка, а впереди еще были столь же позорные Чеченские войны.

В те годы я решил попробовать свои силы в литературе. Не для того, чтобы стать известным, а так, для себя. Однажды взял и написал исторические заметки про Россию. Там были такие строчки:

.....
 Еще поведай нам, премудрый старец,*
 Как страшная в жестокости Россия
 Сто лет давила маленький Кавказ,
 И если б не предательство князей,
 То никогда б его не раздавила.
 И как нас шведы — горстка смельчаков
 Артикул делать правильно с ружьем
 В конце концов, прилично научили,
 Как от Японии по морде получили...
 .....

---

* летописец

◆ НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ ◆

Любила наша доблестная рать
Народы малые всей массой подавлять.
И, замиря малые народы,
Твердили тупо, что несут свободу.

Так в чем величие твое, страна?
Когда б не гениев российских имена,
Отсутствием дорог осталось бы гордиться
Да итальянскими красотами столицы.

А. Толчинский. «Три грации»

СТРАСТИ ВОКРУГ ПРЕФЕРАНСА

*И пятна снега — яркие лоскутья —
Все, что осталось от тетрадки бедной.*

О. Мандельштам

Костя Равенских придумал ему кличку «Пузырь» не сразу. Всё не хватало злости. Сам Костя по жизни был смешливым сангвиником. В детстве легко впадал в плач и в смех, но постепенно общение с человекоподобными сделало его желчным и циничным. С Пузырем он встретился через семь лет после приезда в Массачусетс на квартире у знакомой пианистки Елены Ланской. Все обозначенные лица страдали ностальгической страстью к преферансу, единственному приятному воспоминанию из жизни в стране хронического рабства. Но за это, кажется, даже при Сталине не сажали.

Пузырь считался старожилом, потому что приехал в девяносто первом. Ему уже тогда было за шестьдесят. Пристроился возить стариков и инвалидов по врачам, а машину он водил еще в России. К тому времени, когда Ланские приехали, он уже сидел на крошечной пенсии и подрабатывал извозом и мелкими услугами, имел право на *субсидальное* жилье. В первое время он морально их поддерживал, потому что они не знали разговорного английского, как и большинство эмигрантов из России, и падали в обморок при виде каждой приходящей бумажки из разных ведомств. Елена на этой почве начала психовать, ежедневно устраивала истерики мужу. После десяти месяцев пребывания в США Савва Ланской сказал, что он сыт зрелым капитализмом по горло и возвращается в Москву. Незадолго до отъезда он с парой русских друзей открыл АО «Константа», но ему при-

шлось уехать, как раз когда дела пошли на лад. Слава богу, они не продали квартиру, так что ему было где жить. Что же касается семейной жизни, то за двадцать семь лет они оба от неё устали. Сын в поисках лучшей доли женился на еврейке и уехал с ней в Хайфу. Он влюбился в землю, политую кровью и потом отцов, запросто беседовавших с богом, и уговорил молодую жену вступить в кибуц и вести жизнь в согласии с десятью заповедями.

Решение мужа подкосило Елену настолько, что она пошла к психотерапевту в русскую поликлинику и сказала, что хочет покончить с собой. Добрый старый доктор Вейцман взглянул на неё и сказал, что он всё сделает, чтобы ей помочь, и пусть, мол, она потерпит пару месяцев.

— Помните, что говорил вождь мирового пролетариата, обращаясь к молодежи?

— Помню — учиться, учиться и учиться, — отвечала Елена, вытирая платочком слезы.

— Вот и следуйте его совету. Поступите в колледж и бросьте все силы на освоение английского. Смотрите только американские передачи по TV, старайтесь общаться с местными. Вы еще так молоды, что у вас всё получится.

Занятия в колледже шли три раза в неделю и все «русские» быстро перезнакомились. Говорить и понимать по-английски не мог никто, и русская речь, наше основное богатство, изливалась широким потоком. Однако письменные задания все, как один, исполняли безупречно. В общем, каждая группа превратилась в клуб знакомств супружеских пар. Непарные вытеснялись на периферию и должны были сами искать партнеров под пристальными взорами супругниц. При этом непарные мужчины допускались в клуб после ряда въедливых вопросов: А где ваша жена? Значит, вы не женаты? И живете здесь один? Хотите, мы вас познакомим с очень интересной женщиной? — они дарили испытываемого многообещающими улыбками. Одинокие женщины приравнивались к потенциальным террористкам. О таких рассказывали с негодованием:

— Представляете, я иду им навстречу и смотрю ей прямо в бесстыжие глаза, а она демонстративно берет его под руку и делает вид, что со мной незнакома!

Елена, оставленная мужем, тоже воспринималась квохчущими наседками, как потенциальная опасность, и потому в перерывах между классами она выходила в коридор и стояла на лестничной площадке второго этажа. Там они и встретились с Костей, познакомились, стали нетерпеливо ждать перерыва, и вскоре он стал провожать её до дома.

Елена не спрашивала его ни о чем. Захочет — сам расскажет. Из обрывочных фраз следовало, что он старше её никак не менее, чем на десять лет. Она сразу сказала, что муж её оставил одну, потому что не смог или не захотел закрепить себя на чужой почве. Всё ему стало очень быстро ненавистно, он не захотел ждать, пока она созреет для возвращения на родину. Ну, вот так. Теперь ей придется начинать жизнь с самого начала. В Москве у неё никого не осталось. Родом она из Магнитогорска. Там у неё две сестры, обе неустроенные, вдовствующие. Племянникам и, тем более, сыну она не нужна.

Пока у неё есть только один знакомый, который давно живет в её доме. Зовут его Виктор. У него большая жена, которая почти не встает. Он почти весь день проводит с нею. Когда они приехали, Виктор помог им устроиться в квартире, которую никто не заселял в его доме, потому что это был полуподвал. Они подружились, и он часто приходил к ним вечерами на часок-другой поиграть в преферанс. Но вот сейчас муж уехал, а на посещение одинокой женщины соседи смотрят осуждающе. А Костя не играет?

— Мы с друзьями раз в две недели встречались за картами, но это, скорее, был предлог для общения. Мой друг Мишка так и говорил, что карты — это средство общения. После преферанса обязательно следовала пирушка и все немного под хмельком расходились по домам.

— А вы приходите, я позову Виктора, поиграем, поболтаем. Кстати, Виктор у нас меломан. Он привез из Москвы

огромную коллекцию пластинок с классической музыкой и даже создал с друзьями что-то типа кружка, где они собираются и вместе слушают музыку, и каждый по очереди делает обзор по известным исполнителям. Меня тоже он стал приглашать. Как специалиста. Ну, мне немножечко смешно, но я делаю вид, что мне тоже интересно.

А что мог рассказать Костя о своей жизни? Двадцать с лишним лет он ходил в один и тот же секретный институт, сидел там восемь часов, перебирая бумажки и составляя письма, планируя ход исследований до девяностого года, потом до двухтысячного года, а потом всё обвалилось, и кто мог, тот удрал за границу, а кто не мог, тот пошел торговать и жульничать. Подавляющее большинство населения выбрало третий путь — сидеть и ждать перемен, то есть ждать у моря погоды, и завидовать двум первым группам.

Вот тут Фортуна обратила, наконец, внимание на Костю. Одна интеллигентная еврейская семья с сорокалетней незамужней дочерью решила соединиться с разлученными еще до революции родственниками, проживающими в Бостоне. Родители были староватыми и очень беспокоились, как Симочка устроится, если они, не дай Бог, заболели и даже умрут. Стали искать мужчину, желательно без вредных привычек и холостого, в крайнем случае, разведенного. Тут вышли в процессе поисков на родню Аркаши Цеховольского, который преподавал в областном пединституте английскую литературу, но Аркаша категорически отказался жениться и предложил в виде шутки своего школьного друга Костю. На вопрос родителей, что за человек Костя, Аркаша ответил:

— Хороший человек. Малопьющий. Не вредный, покладистый. Только в преферанс играет очень плохо, всё время проигрывает.

— Ну, с этим недостатком он нас вполне устраивает, — со смехом сказал папа Симочки. — Я сам когда-то поигрывал на пляже в Сочи. Боже, как давно это было! Как сейчас

помню, собрались три еврея и играли на солнце несколько часов по копейке за вист. Я тогда проиграл три рубля, но не это главное. А главное, что я так сгорел на солнце, что моя Соня всю ночь мазала меня кефиром. Особенно пострадали плечи, ляжки и мой несчастный нос...

Костя воспринял слова Аркаши буквально.

— Знаешь, а я согласен. Здесь мне ничего не светит. Мои электроды никому не нужны ни здесь, ни там. Конечно, мне никто место исследователя там не предложит, учитывая еще и мой возраст, но я постараюсь приспособиться. Вот только без вас мне там будет очень одиноко.

— А что же ты не спросишь, хороша ли невеста?

— Да мне все равно.

— Вот это жених! Да с таким безразличием ты не пройдешь по конкурсу. Они другого найдут.

— Пусть.

— Да-а,... тебя наша перестройка доконала. Ну, ты хоть на смотрины соберись, оденься празднично, побрейся.

— Не волнуйся, я постараюсь понравиться.

Свадебные дела раскрутились, как в короткометражной комедии начала двадцатого века. Уже через месяц семья подала на выезд к сестре папаши, а еще через полгода, продав квартиру «распашонку» за тридцать тысяч зеленых, они приземлились в Бостоне. Родители быстро получили пособие по старости и право на дешевое (субсидальное) жилье, а Симочка быстро освоила чужой язык и устроилась в зубо-врачебный офис помощником врача и параллельно поступила на курсы медсестер.

Костя, как он и предвидел, пошел зарабатывать на жизнь, таская тележки в супермаркете. Временами на него наваливалась такая тоска, что хотелось среди ночи завывать по-волчьи. Рядом похрапывала Симочка, которая стремительно прибавляла в весе, не испытывая при этом никаких отрицательных эмоций — в городе было полно грузных особ женского пола, особенно черных и латиноамерикан-

цев, правда, белые тоже попадались. Костя ненавидел их всех, а Симочку особенно. Однажды он сорвался и сказал ей за столом:

— Что ты всё жрешь и жрешь? Посмотри на себя в зеркало!

В результате он получил хороший семейный скандалчик, где самым невинным словом было презрительное *Лузер*. Были также и русские слова типа *Хам* и *Ничтожество*.

На следующий день Костя пошел в русскую поликлинику, попал на прием к доброму и улыбчивому доктору Вейцману и сказал, что хочет повеситься. Доктор ответил, что этого делать не надо. Если все русские станут вешаться в Америке, то это отрицательно скажется на имидже страны, а он, Вейцман, потеряет работу. Костя криво улыбнулся и сказал, что не видит выхода из ситуации, тем более что ненавидит свою жену.

— Вот вам вопросник, — сказал доктор. — Постарайтесь очень внимательно его прочесть и заполнить. Потом принесете его мне, а я его отправлю в нужную инстанцию. Через два-три месяца вы получите справку, о том, что у вас хроническая депрессия и вы не можете работать. Будете жить на пособие и получите право на дешевое жилье. А дальше решайте сами, как жить.

К тому времени, когда Костя встретил Елену, он уже заканчивал курсы английского языка для иностранцев (*ESL*) и по совету одного хорошего человека устроился как *tutor* (*тьютором*) для помощи неуспевающим студентам колледжа.

Доктор Вейцман сдержал обещание — через два месяца Елена получила справку о своей неполноценности со всеми вытекающими отсюда льготами на жилье, медицину и месячное содержание в 550 долларов. По этому поводу она пригласила Виктора и Костю на скромный товарищеский ужин с преферансом, а потом подарила каждому по открытке со стихами:

Профессора и Капитаны
Встают обычно очень рано,
Имеют страшно много дел,
Другой бы столько не успел.

Профессора и Капитаны
(Что для других немного странно)
При этом возятся со мной
Зимою, летом и весной,
И даже осенью, бывает,
Частенько в преферанс играют.
В дорожный атлас глядя грозно,
Отыщут каверзный маршрут.
И фрукт, и овощ в день морозный
Из магазина принесут.

Профессора и Капитаны!
Сегодня вы немного пьяны,
Поэтому сказать могу,
Что я нисколько не лгу,
Когда считаю нашу встречу
Отнюдь не случаем — судьбой,
И если вы довольны мной,
Благословляю этот вечер.

— А почему профессора? — спросил Виктор брюзгливо. —
Ведь Костя кандидат наук.

— А почему капитаны? — в тон ему спросил Костя. — У вас
какое военное звание? Лейтенант? Или еще ниже?

— Господа офицеры! — воскликнула Елена. — Прошу про-
стить мне поэтическую вольность. Давайте-ка лучше вы-
пьем еще по рюмочке за успех.

Во время преферансных баталий Виктор всячески ста-
рался показать Елене и Косте, что он не просто меломан,
но продвинутый меломан. Он всё время намекал на свои

связи с театральным миром. Как ни старался Костя выяснить, кем же тот работал, получалось по сумме туманных высказываний, что он отвечал за пожарную безопасность в каком-то театре, но каком, так и осталось тайной. Любая попытка соперника напеть или насвистеть мелодию тут же безжалостно высмеивалась. Однажды даже Елена встала на защиту Кости и сказала, что, по её мнению, тот очень чисто спел «Сиреневый туман», популярный шлягер начала шестидесятых. Попытки хоть что-то сказать по-английски тоже пресекались со злой иронией:

— Это сказано не по-английски, — говорил Виктор.

— А как будет по-английски? — спрашивал Костя.

Виктор высокомерно молчал или ронял:

— Это нам, продвинутым в языке понятно, а остальным только кажется, что они говорят по-английски.

В конце концов, Костю заело это пустое бахвальство, и он сказал Елене, что приходит к ней за положительными эмоциями, а вовсе не затем, чтобы выслушивать сомнительные комплименты от Пузыря.

— Почему ты называешь его Пузырем? — спросила Елена.

— Ты взгляни на него в профиль — тяжелые жирные складки на шее, огромный живот, как аэростат... Но главное — он раздувается от сознания собственной значимости. Он кто в музыке? — обычный потребитель. Думаю и в языке он ненамного успешнее нас.

— Но он ко мне идеально относится, помогает... На мой взгляд, причина в обыкновенной мужской ревности. Он в тебе видит соперника.

— Слушай, вот у его жены сломался *walker* (вокер). Я не поленился, поехал с ним ко мне домой и за полчаса починил. Потому что мы, вроде бы, стали приятелями, благодаря тебе. Или возьми в пример, когда он за сто долларов целый день дежурил на избирательном участке. Я тогда собрал ему вкусных вещей полный пакет и привез, чтобы он не терпел голод. Ты еще смеялась, что я, как бабушка, поехал подкормить внука. А мне казалось, что для нормаль-

ных человеческих отношений это естественно. Сейчас мне всё более ясно, что Виктор совершенно пустой и бездарный мужик, который надувается, чтобы выглядеть значительным. Пузырь, одним словом.

— Я прошу тебя, ты с ним не заводи ссоры. Мне легче жить, когда кто-то приходит. Мы так весело жили в Питере! Сколько у нас было интересных и талантливых друзей!

В один из дней Виктор пришел и после обычной пульки за рюмкой сказал, что его знакомый, владелец русского магазина, что на углу, хотел бы поучиться игре на пианино, но не знает, к кому бы обратиться.

— Я назвал тебя, сказал, что ты профессионал, что окончила консерваторию, но неизвестно, захочешь ли ты преподавать на дому здесь, потому что соседи могут настучать и тебя вызовут в SSA, что сулит большие неприятности. А Миша (его зовут Миша) ответил, что у него дома есть инструмент, и он пригласит настройщика. Еще он сказал, что всю жизнь мечтает научиться играть по нотам.

— Мы с Костей подумаем, — ответила Елена и это *мы* больно резануло Виктора.

«Быстро же они снюхались», — подумал он, возвращаясь к жене, и легкая неприязнь к «кандидату наук» уже разрослась в нелегкую зависть, которая стала его тут же мучить, рисуя ему сцены близости с молодой (пятьдесят два года!) женщиной с которой он не посмел завязать более близкие отношения, опасаясь сплетен вездесущих старушенций, наседающих их дом.

Елена согласилась дать несколько уроков владельцу магазина. Она видела его несколько раз мельком, когда он привозил товар с базы. Это был очень полный мужчина, но жир на его теле был распределен равномерно. Он напоминал плюшевого мишку. Говорил он по-детски, не выговаривая букв «л, р и ф». Костя, пришедший с нею, прихватил альбом фотографий натюрмортов, которые он создавал из

цветов и плодов с добавлением фарфоровой или хрустальной посуды.

— Вот, Миша, взгляните на мои работы. Вы можете увеличить их до необходимого размера и выставить в витринах для привлечения покупателей.

Натюрморты действительно выглядели очень эффектно, но в них отсутствовал ассортимент продаваемых продуктов.

— А вы могли бы сфотографировать то, что у нас есть в продаже?

— Разумеется. Только придется выделить стол возле стены, которая будет служить фоном, и затем гармонично распределить зелень, мясное, икру лучше показать не в банках, а намазать пару бутербродов, колбасу настругать длинными овалами, сок налить в бокалы и так далее. Тут вы мне должны будете помочь. Да, и что-то вроде скатерти надо будет подстелить. Складки материи очень украшают натюрморты.

— Я с удовольствием приму участие и оплачу ваши расходы. Теперь о моих занятиях музыкой. Скажите, Лена, вас устроит время после пяти вечера? Я раньше не освобождаюсь. Согласны? Отлично! Вот адрес. Это совсем рядом, на берегу океана. А сколько вы берете за урок? Тридцать пять? Договорились. Значит, в шесть я вас жду.

Мишина жена, которая все это время находилась в торговом зале, изнывала от любопытства, о чем её муж беседует с пришельцами. Так она называла посетителей, которые не покупали продукты, а заходили поглазеть на витрины. Елену она проводила долгим ревнивым взглядом, хмуро выслушала мужа по поводу оформления окон магазина и добавила, что пусть мужики сами исполняют свои замыслы, а ей, мол, некогда. Надо покупателей обслуживать.

Костя всё прикидывал, откуда у Миши и его жены Любы взялось столько денег, чтобы купить целый двухэтажный дом, да еще магазин в придачу. Пузырь за преферансом хватался, что Миша *укупил* дом аж за двести пятьдесят тысяч,

хвастался так, словно сам участвовал в покупке. Косте это было по барабану. Он вполне был доволен своей однокомнатной студией, украшением которой был огромный стол, найденный им в мусорной куче. Он укрепил одну из хромящих ног, отмыл столешницу и заполнил дырки в ней смолой, после чего покрыл эпоксидным лаком дважды. На другой помойке он нашел три жестких кресла с подлокотниками. Матрас шириной в тридцать шесть дюймов с подставкой его вполне устраивал, хотя Елена называла его мальчиковой клопиной кроваткой. Однажды действительно клопы пришли от соседа, но он их прогнал, а было это еще до знакомства с прелестной подругой.

Сейчас они пили у него чай с лимоном и сахаром, а Елена рассказывала, как прошел первый урок.

— Ты не представляешь, какой он толстый! А пальцы у него, как сардельки. Но что удивительно — он великолепно попадает ими по клавишам и моментально усваивает все замечания. Способности налицо. А что мне было неприятно, — у них паркетный пол блестит, как зеркало, и она сказала, чтобы я сняла обувь и надела шлепанцы. А я ужасно брезгливая. Мало ли кто их надевал до меня. Я пошла в носках, а *мегера* поглядела на меня, словно двустволка и ушла в соседнюю комнату, наверное, подглядывала за нами. Наплевать. Тридцать пять долларов я честно заработала.

Костя засмеялся:

— Ты мне напомнила одну семью, куда я захаживал в первые годы моего пребывания здесь. Очень благополучная семья. Они купили квартиру и основательно вложились в ремонт. Положили на пол цветной паркет, потом покрыли лаком. Одним словом — красота. И решили они позвать гостей, чтобы похвастаться своими успехами. Всё это было при мне. Была у них в друзьях одна пара, тоже преуспевающая, и они уже решили было пригласить их в первую очередь. Но тут жена вспомнила, что другая жена ходит на низких шпильках и ни за что не станет надевать шлепанцы,

и, значит, расковыряет красивый паркет, а после неё придется его ремонтировать. Под давлением столь серьезных обстоятельств они решили эту пару не приглашать.

Я поднялся уходить и позволил себе усмехнуться, но супруг посмотрел на меня сурово и сказал, что мне его не понять, потом взял в руки огромную щетку с намотанной тряпкой и ласково-ласково стал сметать пылинки с паркета. Вот что делают хищные вещи с вполне нормальными людьми.

— Ну, так ты будешь еще давать ему уроки?

— Пока буду, денежки всем нужны.

Миша увлекся идеей оформления окон магазина и вскоре Костя пришел к нему с фотоаппаратом. В коридоре они придвинули к стене большой стол, положили несколько плоских коробок ступенькой и покрыли большой серо-серебристой шторой. Потом стали укладывать на неё колбасы, сыры, овощи. Люба со скрипом разрешила вскрыть баночку икры и нарезала белый батон для бутербродов, которые затем положили на плоскую фарфоровую тарелку. Рядом поставили пару бокалов, которые наполнили красным виноградным соком для имитации вина.

— Неплохо бы поставить с правой стороны недалеко от центра композиции большую раковину, а слева в отдалении оплетенную бутылку с вином, — сказал Костя.

— У нас такой бутылки нет, — ответила Люба. — Что же теперь ехать в винный магазин покупать? Нет уж. Надо обойтись тем, что есть в магазине. Вот, добавьте сюда копченую колбасу.

— Но ведь надо показать товар лицом — сказал Костя. — Нужно сделать длинный косой срез колбасы и неплохо бы несколько ломтиков тоже положить на тарелку и кусочка три сыра...

— Костя прав, — поддержал Миша. — Натюрморт должен вызывать аппетит у посетителей. Давай, Люба, потрудись для общего блага.

Люба, поворчав, направилась исполнять пожелание «художников», как она выразилась с досадой, а они перекинулись парой слов, намазав остатки икры на хлеб.

— А кем вы были в Союзе? — спросил Миша. — Я смотрю, у вас есть вкус к искусству. Наверное, и картины рисуете?

— Нет, картин я не пишу, но участвую в ежегодных выставках в нашем городе в качестве художника-фотографа. А в России я проработал двадцать пять лет в одной закрытой организации. Занимался ионоселективными электродами. Есть несколько авторских свидетельств. А вы, Миша?

— Ну, я высоко летал.

— В каком смысле?

— В обоих смыслах. Я был директором вертолетного завода.

— Ничего себе! При такой должности можно было и не уезжать.

— Так сложились обстоятельства.

— Как прошел второй урок с Мишей? — спросил Костя.

— Замечательно. Понимает всё с полуслова. Видно, что он поставил цель в сжатые сроки научиться играть. Если бы все мои ученики обладали таким трудолюбием, я бы прославилась в нашем городке.

— Не тесно тебе сидеть рядом с таким бегемотом?

— А я никогда не сижу рядом с учениками. Я всегда стою за спиной или сбоку, чтобы видеть их руки и сразу поправлять. Ведь целью обучения является, в первую очередь, знание, каким пальцем взять ноту, иначе неизбежен сбой. При постоянной и длительной тренировке ты уже можешь смотреть не на свои руки, а в ноты и посвятить себя повышению выразительности исполнения.

— А ты купил у них сдобные булочки, не забыл?

— Да, вон они на столе.

— Попьем кофе? Я купила баночку малинового варенья.

— Разумеется, сейчас поставлю чайник. Слушай, ты сядь и держись за стул. Ты знаешь, кем был Миша в Союзе?

— Кем?

— Директором вертолетного завода!

— Это он тебе сам сказал?

— Ну да.

— Я думаю, что он врет, как сивый мерин. Скорее, он мог быть заместителем директора по снабжению. Это помогло ему наворовать достаточно денег, чтобы купить здесь огромный дом и магазин... Слушай, что тебе Люба подсунула?

— Что?

— Вот, понюхай. Эти булочки внутри пахнут плесенью. Выкинь их.

— Нет уж, я ей верну и скажу пару крепких слов.

Возвращение товара не вызвало у Любы ни малейшего замешательства. Отложив престарелые булочки, она равнодушно отсчитала три доллара и протянула Косте, прибавив совершенно не по делу:

— Видела сегодня в зубном офисе вашу Симу. У вас очень хорошая жена. Она мне очень нравится.

У Кости промелькнуло в голове «Ну, так и женись на ней!», но он промолчал. Кому может понравиться жирная еврейка с длиннющим носом, завистливая и невоспитанная? Эта мегера очень годится Симе в подруги. Мигом бы спелись... Интересно, с какой базы они берут товар. Красная икра явно просрочена. Икринки почти все полопались.

Люба раздражала Костю неимоверно. В самый разгар создания живописных натюрмортов для съемки она появлялась и подпихивала товар в те уголки, которые были не заполнены. В результате, натюрморты расплзались и напоминали кучу мусора, в которую зачем-то вставили бокалы с вином и большую морскую раковину. Сначала Костя пытался возражать, что-то блеял о гармонии и цветовом балансе, но потом махнул рукой и механически фотографировал всё, что нравилось хозяевам.

Оставив Любу разбирать кучи съестного «художники» отправились в ближайший магазин «Staples», где сразу можно было сделать фотографии, увеличить их до требуемого размера и ламинировать, то есть покрыть прозрачной пленкой, чтобы они дольше сохранялись.

Стоимость копий стремительно росла с увеличением их размеров, а Миша не намеревался серьезно вкладываться в проект. Костя всё пытался ему втолковать, что размер фотокопии должен соответствовать площади окна, иначе никто не обратит внимания на рекламу. Еле уломал его заказать размеры метр на полтора. Заказ обещали сделать через два дня.

Вечером он прогуливался возле дома Миши, ожидая окончания урока. Елена была раздражена:

— Представляешь, мегера пришла в середине урока, уселась, вытащила вязанье и просидела до самого конца, не раскрывая рта! Я прямо чувствовала, как её глаза впиваются в мою шею. Я скажу Мише, что в таких условиях я не могу преподавать. Не понимаю, что за причина такой злобной ревности.

— Чего тут понимать? Ты одинокая женщина и в силу этого представляешь потенциальную угрозу для её семьи.

— Нужен мне этот бегемот!

— Она считает, что может быть нужен.

На следующий день, в субботу ожидался очередной вечер преферанса, и Виктор явился, держа в пластиковом пакете шлепанцы Елены. Как говорится в газетах, «*под давлением общественного мнения*» музыкальные уроки прекратились.

— Ну и прекрасно, — парировала Елена. — Я сама хотела объявить Мише, что не могу давать ему уроки. Будем играть в преферанс и веселиться. Жизнь продолжается.

— Богатые люди с легкостью совершают неблагоприятные поступки, потому что они их всё время делали, пока создавали своё богатство, — размеренно произнес Костя.

— Что вы имеете в виду? — раздраженно спросил Виктор.

— Я имею в виду, что Миша наворовал огромные деньги перед тем, как уехать из России в качестве беженца. Мы, когда жили в России, таким, как он и его мегера, руки не подали бы. А здесь они стали хозяевами жизни. Заметьте, что они не врачи, не талантливые инженеры, не ученые, не артисты, не художники. Они просто обладатели состояния, которое добыли нечестным путем. Бальзак так и сказал, что в основе всякого богатства лежит преступление, а Марио Пьюзо вынес это в качестве эпиграфа в «Крестном отце».

— А вам, Виктор, они чем-то симпатичны, не так ли?

— Америка вся состоит из подобных людей, бизнесменов. А относительно подачи руки еще неизвестно, подал бы Миша вам руку, когда жил в Союзе.

— Каждый выбирает компанию по себе, — с вызовом сказал Костя. — Вы, как я понимаю, выбрали.

— Мужчины, надо прекращать этот разговор, пока вы не рассорились! — потребовала Елена. Мы собираемся, чтобы *релаксировать*, поднять настроение. Скажите, Виктор, вы ходили на «Валькирию»?

— Да. Это великая опера, она идет почти пять часов. Это мучительно, но я рад, что прослушал впервые в жизни полностью.

— Отдаю должное вашей музыкальности, — Костя встал и поклонился.

— *Not at it*, — бросил Виктор сквозь зубы.

— Опять?! — повысила голос Елена. — Да что это сегодня на вас нашло?

— Прости, больше не буду, — смиренно ответил Костя, зорко поглядывая на надувшегося Виктора. Ну, пузырь. Вылитый пузырь. Вот что делает с человеком разросшееся самомнение.

Трудно подчас определить, как и когда в отношениях между людьми появляется трещина, которая день ото дня расширяется, и в ней прорастает росток неприязни или даже

враждебности несмотря на то, что ранее они оказывали друг другу разные услуги. Казалось бы, ну что им делить? Что их стало отталкивать? Разница вкусов, образования, ревность? Если раньше они благосклонно выслушивали байки друг друга, то теперь они искали лишь повод, чтобы прицепиться и уличить рассказчика в неосведомленности или даже глупости. Игра в преферанс для обоих была предлогом, чтобы посидеть, поделиться новостями, сказать пару комплиментов хозяйке и выпить пару рюмок водочки. Теперь они зорко отслеживали каждое слово, сказанное партнером.

В один из вечеров Костя за рюмкой вспомнил одного игрока, с которым познакомился в доме отдыха.

«Мужик лет сорока пяти. Звали его Гарри в честь какого-то там американского пионера. Был он тучен, лысоват, с толстой выпяченной нижней губой и мешками под глазами. Прямо скажу — не красавец, но очень сексуально активен, как выяснилось позже. Но прежде всего это был боец в преферанс. Он настолько хорошо играл, что у партнеров создавалось впечатление, что ему адски везет.

Непонятно почему, но мы сблизились и стали уже в Москве навещать друг друга. Однажды я зашел подвигать шахматы. К нему тогда приехал папа из Баку, и мы сидели в ожидании ужина, разыгрывая тридцатку в «Сочинку». Собственно играл один Гарри, а мы с папой едва успевали мешать карты.

— Костя мешай, папа сдавай, — говорил Гарри. И через две секунды после сдачи — пики, трефы... первые, вторые... Он брал приступом прикуп и творил чудеса. Потом мы слышали: «Папа мешай, Костя сдавай... мизер». За какие-то двадцать минут, играя в четыре руки на двух колодах он сумел закрыть свою тридцатку и разорительно помочь нам обоим.

Папа сидел слева от меня и всё время восхищенно всхлипывал: *«Нет, вы только посмотрите, как ему везёт!!»* с ак-

центом не бакинского происхождения, и я *смотрел*, и ничего не понимал. А ведь это был урок мастер-класса».

— Но, по-видимому, урок не пошел впрок, — добавил Виктор.

— Да мы все тут просто держим карты, а игры по-настоящему не понимаем, — примирительно сказала Елена.

— А что вы имели в виду, демонстрируя акцент папы? — с вызовом в голосе спросил Виктор.

— Ничего не имел, просто заметил. Ладно. Пора домой. Всем привет. Пока-пока.

— Лена, а тебе не кажется, что Костя антисемит? — спросил Виктор после ухода Кости.

— Не думаю. Ну всё, пошла спать. Пока-пока.

«Копирует этого бывшего кандидата», — с отчетливой злостью подумал Виктор. Он кандидат во что? В пенсионеры?

— Виктор считает тебя антисемитом, — с коротким смешком сказала Елена.

Они лежали, обнявшись на его *мальчиковой клопиной кровати*. За окном завывал холодный ветер с океана. Вылезать из-под одеяла не хотелось.

— Я ему не сказала, что у тебя мать полукровка, да и зачем ему знать?

— Я тебе так скажу. Среди евреев полно своих антисемитов. Есть люди, которые гордятся своей принадлежностью к древнейшей нации и готовы нести все невзгоды в связи с этим. А другие ненавидят своё происхождение, потому что пострадали от притеснений на национальной почве настолько, что могут себе позволить переменить имя, фамилию, национальность, стремятся вступить в брак с человеком другой нации и взять его или её фамилию. И есть еще одна категория евреев, которые свыше одарены такими талантами или физически настолько совершенны, что на них отношение толпы антисемитов вообще не действует. Возь-

ми, к примеру, Майю Плисецкую. Я уже не говорю о таких титанах, как Яков Зельдович.

Тут позвонил телефон, и Миша сообщил, что собирается ехать в *Staples* забирать ламинированные фотографии и, мол, не хочет ли Костя сопровождать его. Костя отказался. Он свою работу сделал. Зачем ему снова видеть торговку Любу и выслушивать её замечания?

— Вы Миша развешивайте эти фото в витринах сами, а я потом зайду и посмотрю... Да... До свидания.

Я после этого хамского поступка Любы к ним в магазин ни ногой. Слава богу, у нас здесь еще два русских магазина, да и американских полно.

— Что же вы, Костя, не пришли помочь развесить ваши плакатики в магазине? — спросил Виктор с ехидством за очередным преферансом. — Выглядят они на фоне огромных окон магазина, как марки на конверте. Надо брать с собой театральный бинокль, чтобы разглядеть.

— Вы, Виктор, скажите вашему другу, что реклама требует серьезных вложений. Я ему намекал, что размеры плакатов должны быть соразмерны размеру окон витрины, но он решил не тратиться особо. А еще скажу вам по секрету, что ваши друзья торгуют гнильём. На них надо натравить санэпидемстанцию, чтобы закрыла эту вонючую точку.

Елена, почувствовав, что обстановка опять накаляется, стала рассказывать, что её пригласили подменить заболевшую пианистку в униатской церкви, так что она будет очень занята в ближайшую неделю. Надо разучить несколько гимнов, выбрать музыку для сопровождения процесса пожертвований (*offertory*).

— Придете на мой дебют?

— Я в христианские храмы не хожу принципиально! — заявил Виктор.

— Похвально, похвально! — восхитился Костя. — Скажите, а в России вы тоже были столь же непримиримо ортодоксальны? В Кремлевские соборы не заходили?

Виктор надулся, его нижняя губа надменно выпятилась. Видно было, что он напряженно ищет хлесткого ответа, но вдохновение его оставило. Он промолчал и вскоре отклонялся, демонстративно попрощавшись только с Еленой.

— Ну чего ты всё время его подкальываешь? — спросила Елена. Он, в конце концов, обозлится, и мы потеряем партнера.

— А ты так его высоко ценишь, что ...

— Он очень нам помог в первые месяцы и мне особенно, когда мой муж сбежал.

— Ты знаешь, у меня есть друг Левка. Он филолог, и было время, когда он увлекался философией. Тогда он морочил нам голову, объясняя, почему мы поступаем так или иначе. Так вот, у него была одна из теорий, что человек во всех своих делах руководствуется принципом получения удовольствия, особенно творя добро. Иными словами, удовлетворение от сознания доброго поступка есть вполне достаточная компенсация.

На следующую встречу партнеры пришли в хорошем настроении. Елена с радостью поведала, что ей предложили постоянную работу при церкви, что все активисты очень мило с ней общались, несмотря на её языковые проблемы, а пастор вообще благородный идальго ростом под два метра, тощий, как Дон Кихот.

Виктору в этот вечер везло в карты, и за рюмкой он признался, что его внук Сёма женится на дочке владельца сети галантерейных магазинчиков, так что будущее парня обеспечено.

— И чем же ваш внук будет теперь заниматься? — спросил Костя.

— Как чем? — удивился Виктор, — помогать тестю в бизнесе.

— То есть, торговать?

— Чтобы вы знали — торговля здесь является самой уважаемой профессией, — начал накаляться Виктор.

— Хорошо, хорошо, я не спорю. Но ведь Сёма, наверное, учился в колледже, получал специальность... Какой колледж он закончил?

— Он только собирается поступить. Он еще молодой.

— А сколько ему лет? — спросила Елена.

— Исполнилось двадцать четыре.

— Лично я в свои двадцать четыре уже опубликовал первую статью совместно с начальником в журнале «Электрохимия», — похвастался Костя.

— И что? — с насмешкой спросил Виктор.

— Ничего.

— Вот именно! — с торжеством сказал Виктор. — Результат вашей работы — пшик! Ничего! Кавказские люди правы, когда говорят: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?»

— Давайте выпьем за наши успехи, — предложила Елена. — Давайте по полной!

Игроки дружно позвенели рюмками, выпили и закусили маринованными корнишонами.

— А давайте еще по одной, — сказал Костя. — Я слышал один тост, когда был в Кишиневе. Местные евреи из молодых придумали вместо «Будем живы и здоровы» в слове *живы* поменять букву «В» на «Д»...

— Ну, это уже ни в какие ворота! — вскочил Виктор. — Знать тебя больше не желаю!

Поставив рюмку на тарелку, он поспешил к двери.

— Постой, Виктор. Я ведь не имел в виду тебя обидеть! Это ж не я придумал, а кишиневские евреи...

Дверь хлопнула.

— Что я такого сказал? Хотел пошутить...

— Смотрю я на тебя, Костя, и удивляюсь, сколько в тебе злости. Ты настоящий скорпион. Есть такая притча, что скорпион полюбил лягушку, признался ей в любви и пригласил покататься по реке. Лягушка ответила, что боится, что он её ужалит, но тот её уговорил, улестил. Короче — сел

он на неё верхом, и они доплыли до середины реки. И тут он её ужалил. Она ему кричит: «Что ты наделал! Теперь мы с тобой оба утонем!», а он ей отвечает: «Прости меня, дорогая, прости! Подвел мой характер дурной».

— Леночка, я не такой.

— Нет, ты такой, именно такой.

— Прости меня, прости... Я, пожалуй, пойду?

Она не ответила. Он вышел, тихо притворив дверь, на него напала какая-то непонятная тревога. Это было подобно предчувствию неприятных перемен в жизни, и он старался отвлечь себя, принялся ругать Пузыря и желать ему скорее подохнуть.

Ночью он несколько раз просыпался и едва дождался девяти часов утра, чтобы позвонить Елене.

Она взяла трубку и тихим, печальным голосом сказала:

— Костя, я долго думала этой ночью и решила, что нам не надо больше встречаться. Возвращайся к Симе. Она, на верное, тебе больше подходит.

— Нет, подожди! — крикнул он. — Ведь нам было хорошо вместе!

Но она уже отключила мобильник.

«Не слишком ли ты рискуешь своими нервами в шестьдесят семь лет, — подумал он. — У вас нет прошлого, которое вас бы связывало. Чувство симпатии не переросло в любовь. Вы оба погрелись у замирающего костерка. Ты помог ей преодолеть одиночество после отъезда мужа. Она уже справилась с ситуацией. Мавр сделал свое дело.

У вас общего только то, что вы совершенно обыкновенные люди. Серые людишки. Таких музыкантов выпускали тысячами. В большинстве случаев они работали в музыкальных школах и училищах, давали частные уроки. Серые музыкальные будни, лишённые очарования музыки, потому что для искусства требуются фанаты. А ты сам? Правильно Пузырь тебе указал — ничего из твоих статей в журнале

не последовало. Уровень мышления чуть выше среднего. И в преферанс ты играть так и не научился. Всё! *Finite la comedies!*»

Прошло три месяца. Костя постепенно привыкал к ощущению одиночества, оно сменилось безразличием. Изредка звонила Сима. До неё доползли слухи, что Костя перестал «дурить». Костя отказывался от любых контактов, а на предложение официального развода ответил, что на это лишних денег у него нет. Если хочет, пусть затевает развод за свой счет.

Однажды он прогуливался по улицам городка и обратил внимание, что выставленные в окнах Мишиного магазина фотографии натюрмортов совершенно выцвели от прямых солнечных лучей. «Так и жизнь пройдет, — подумал он, — и ничего не останется. Только выцветший до полной белизны лист бумаги, на котором уже и не разберешь ни имени, ни фамилии, ни дат рождения и смерти».

А. Толчинский. «Путь»

«РУССКИЕ» В КОЛЛЕДЖЕ

(Зарисовка с натуры)

Ну, начнем с того, что в огромной комнате с двадцатью канцелярскими столами сидели два американца — немного чопорная пенсионного возраста мисс Кэтти Дорнхилл и тридцатилетний выпускник Бостонского университета Майкл, специалист в области метеорологии. Основную группу преподавателей по всем наукам составляли приехавшие из России шесть с половиной евреев, потому что один из них был полурусским. Хотя они имели высшее образование, у всех вполне хватило ума при поступлении в местный колледж в качестве студентов написать, что они окончили только школу, то есть *High School*. В противном случае их заставили бы платить за обучение и сдавать приемные экзамены на английском. А это им надо?

Удивительная страна Америка! В ней нет возрастного ценза. Старик семидесяти лет может поступить в колледж и учиться наравне с двадцатилетними. И никто не спросит: «Где ты был пятьдесят лет назад?» Надо быть справедливым, в группе престарелых студентов-преподавателей была одна молодуха Женя из Кишинева, которая в отличие от остального состава бегло говорила на английском. Она, видно, получала при этом полное внутреннее удовольствие, какое испытывает бывший мастер спорта по плаванию, посетив со школьными друзьями бассейн перед совместной выпивкой. Майкл был молчалив и очень сдержан, а Кэтти иногда снисходила до разговора с девчонкой, вставляя пару-другую слов в её речевой поток.

Однако пора представить членов преподавательского коллектива, которые исполняли всего лишь роль *тьюторов* (*tutors*), то есть помогали отстающим студентам. Для того,

чтобы стать преподавателем, надо было иметь диплом об окончании колледжа.

Возглавлял список старейший и самый первый «русский», пришедший в ту самую комнату под начало миссис Кэтти — Натан Лейкин. Он когда-то проектировал мосты через большие и малые российские реки и, разумеется, прекрасно знал математику. Ему было скучновато среди американцев, и он хотел, чтобы Кэтти согласилась принять еще пару преподавателей-беженцев из СССР. На следующий год пришли братья Евгений и Григорий Резники, один закончил радиотехнический, а другой математический факультет пединститута. Их мама когда-то преподавала английский язык в обычной белорусской школе недалеко от Минска и заставляла изо всех сил своих сыновей учить язык, словно предчувствовала, что настанут времена, когда щупальца спрута ослабнут, и её дети уедут в свободную страну.

— Когда я приземлился в Нью-Йорке, то испытал первое приятное ощущение от Америки — я сходу понимал, что говорили рабочие в аэропорту и консьерж в гостинице, — сказал Григорий пришедшему преподавать химию Алексу Портнову.

Алекс к этому времени уже три года прилежно посещал курсы «English as a Second Language», но дело шло туго, и он надеялся, что педагогическая практика со студентами поможет ему продвинуться в понимании устной речи.

— Странное дело, — говорил он Григорию, — вот я хожу на лекции профессора Уилки. Ведь я всё-всё понимаю, а что бормочут мои соседи по дому для бедных, никак не могу разобрать. Я мог бы по совету доброжелателей пойти возить тележки в супермаркет, но вряд ли языковой контакт с латиноамериканцем даст мне возможность равноценно беседовать с каким-либо представителем среднего класса. Ты представляешь себе тему разговора двух рабочих, развозящих тележки?

— Конечно, лучше практиковаться со студентами, — отвечал Григорий. — Усвой главный принцип в Америке — доби-

вайся всего сам. В таком случае ты никому не обязан. Дети после школы покидают родительский кров и идут в жизнь, сами зарабатывая себе на хлеб насущный. Поэтому семейные связи в Америке не такие, какие были у нас на родине.

Среди студентов, нуждающихся в помощи тьюторов, преобладали афроамериканцы, хотя встречались испаноязычные и белые. Камнем преткновения для большинства была математика. Поэтому «русские» *тьюторы* были загружены под завязку. Создавалось впечатление, что приходящие студенты не знали даже четырех действий арифметики. Младший брат Григория ревниво следил, чтобы все на равных участвовали в преподавании и, заметив отдыхающего Портнова, сварливо обронил, что тот должен помогать остальным.

— Так я же преподаю химию, — удивился Портнов.

— Вы школьный курс математики проходили? Значит, можете нам помочь. Видите, как мы зашиваемся? — По два-три студента на одного преподавателя.

Без особого энтузиазма Алекс подключился. Он знал по жизненному опыту, что лучше всего не выделяться, а идти в общем потоке. Так безопаснее.

По пути домой Григорий спросил:

— Хочешь анекдот? Пришел черный студент, я ему пишу задание сложить $\frac{1}{2}$ и $\frac{2}{3}$, и он пишет: равно $\frac{2}{5}$! В двадцать лет знания на уровне третьего класса начальной школы, а может быть, и еще ниже!

— Ты представляешь, я открыл учебник для седьмого класса по алгебре, который был издан в начале 70-х, так там такие сложные вещи, что мне пришлось долго разбираться. Даже не верится, что я в свои сопливые четырнадцать лет всё это понимал и задачи решал.

— А где ты его откопал? С собой взял при отъезде?

— Нет, это жена моего троюродного брата. Она преподавала математику в обычной школе. Здесь она дает частные уроки, а так живет на пособие по старости.

«Какие мы разные на этой планете! — размышлял Алекс по пути домой. — Гляжу на одноклассников, которые моложе меня на сорок лет, и вижу, что они между собой совершенно не общаются на лекциях профессора Уилки. Наши студенты шушукались бы, читали разные книжки, морочили бы голову девушкам. А на контрольных, которые идут еженедельно, никто не спешит на помощь отстающим.

Использование шпаргалок считается серьезнейшим преступлением, за которое следует безоговорочное отчисление, ибо это квалифицируется, как обман. Обман здесь один из самых тяжких грехов. Относительно семестровых письменных экзаменов уж и говорить не приходится.

Как здорово всё-таки, что я взял двухгодичный курс общей и органической химии! Не знаю, научатся ли эти студенты основам химии, но я явно обновил и улучшил свой запас знаний. Взять, хотя бы, уравнения. Я-то помню, как на первом курсе из-за них чуть не вылетел из института. Там ведь вся штука в уравнивании коэффициентов перед реагентами и перед продуктами реакции, а это связано с числом электронов, передаваемых от донора к акцептору».

Тут Портнов словно увидел себя со стороны, сидящего за столом перед доцентом по фамилии Снайдерман, которую студенты за свирепость звали Снайдерман-пинчер. Каждый раз у него то справа, то слева в уравнениях возникало лишнее ведро воды, а ему жизненно важно было получить зачет. Эх, чего уж там вспоминать! А сейчас вот, он быстро расколлот алгоритм. И вовремя! Один из его сокурсников, Джим Пайерс спросил, поможет ли Алекс ему справиться с этими уравнениями, и тот ответил высокомерно: *Sure!* И он объяснил Джиму всё прямо на пальцах, когда тот пришел в комнату *тьюторов*. В другой раз Роберт попросил Портнова проконсультировать насчет ядерных реакций, и Алекс снова был на высоте! Майкл, кстати, в это время уже ушел университет делать диссертацию.

Если честно, английский разговорный у Портнова был далеко не на высоте даже по специальности. Но он придумал комплексный метод: бормоча химические термины, он рисовал что и как реагирует, и с чем. Студентам этот прием очень нравился. Одна из них так прониклась наглядным способом объяснения, что подошла к Кэтти и излила ей свой восторг по адресу Алекса.

Поток желающих получить помощь по математике не иссякал. В отличие от Джима, который пришел из армии и поставил себе цель стать зубным врачом, остальные студенты не очень-то хотели напрягаться. Американская школа очень озаботилась тем, чтобы в головах учеников не застревали полезные для будущей жизни основы знаний. Некоторые из них вызывали у Портнова даже сочувствие. Пришла, скажем, девочка лет двадцати. Звать её Карла. Бледное нежное лицо. Выражение полной беспомощности. Алекс пытался её научить решать обычное квадратное уравнение. Никак не могла осилить и, наконец, сказала, что ненавидит математику. Жалко, что она не читала автобиографию Бронислава Нушича. Там он рассуждает, как хорошо всё сложилось на свете из-за того, что большинство людей не понимают математику. Скольких артистов, писателей, музыкантов, философов, врачей мы бы не досчитались, если бы они её понимали!

— Представляешь, — говорил Алекс Григорию по пути домой, — они все совершенно не умеют считать в уме. Два на два у них получается, а двадцать на двадцать — хватаются за калькулятор. Когда я множу или делю в уме, они смотрят на меня, как на фокусника.

— Ты не волнуйся, — сказал Григорий. — Те, кто не осилит курс, отсеются. Я ведь веду и тех, кто уже учит «*Calculus*» (курс дифференциального и интегрального исчисления). И они сдают! У меня есть одна черная девчонка. Она рубит *диффуры* — только держись. Вот так! Что ты все время шею трешь?

— Знаешь, последний месяц болят мышцы. Бывает, что повернуть голову невозможно, особенно налево. Наверное, возрастное. Я часто наблюдал за стариками здесь. Они идут вдоль берега и все время голову вниз держат. Я сейчас подумал, что у них тоже сильно шея болит, и они не могут полностью распрямиться.

— Тебе сейчас сколько лет?

— Шестьдесят три.

— Вот, в молодости не надо было ходить налево. Тогда бы и шея сейчас не болела.

— А ты, оказывается, можешь прямо стихами излагать, — засмеялся Портнов. — Но я хотел тебе сказать о другом. У вас в элементарной математике за последние четыре тысячи лет ничего не изменилось. Единственное, что нынешнее племя совершенно разучилось считать в уме. А в химии произошли ужасные изменения. И еще — студенты совершенно не работают руками. Когда я был студентом, у нас два раза в неделю были лабораторные работы по восемь часов каждая. И перед работой была контрольная по новому материалу. Драли с нас три шкуры. А здесь месяц назад придумали работу — определить плотность металла: вода, мерный цилиндр и весы. Век Архимеда. По-моему, химик обязан работать руками, иначе ему грош цена. У нас даже в школе были лабораторные работы. Как сейчас, помню, что делали реакцию серебряного зеркала. В нашей нищей стране на всех хватало спиртовок, пробирок, мерной посуды, раствора азотнокислого серебра. Нас учили простейшим операциям, например, как сложить бумажный фильтр и вставить его в воронку. А эти молодые люди приготовить гипертонический раствор не в состоянии.

— А зачем им это? — спросил Григорий. — В любую клинику поставляют специальные растворы в опломбированной упаковке. Медсестра должна лишь установить бутылку на штатив, вставить катетер и подсоединить его к вене пациента. А иглу уже заранее ввела в вену другая медсестра, у которой квалификация повыше.

Однажды в тихую тьюторскую комнату зашел молодой и нахальный латиноамериканец. С кем-то из американских преподавателей он был знаком. Покрутившись среди них, он подошел к Алексу, когда у него сидела студентка, заглянул в учебник, увидел там материал по газовым законам и спросил, знает ли Портнов, что такое число Авогадро. Тот сказал, что знает и спросил, на каком основании он его экзаменует.

— Я успешно закончил двухгодичный курс общей химии! — ответил тот с пафосом.

— Примите мои поздравления, — ответил Портнов весьма холодно. — Однако сам Авогадро это число не знал. Другие физики присвоили этому числу имя автора, а закон, им открытый, звучит так: ***В равных объемах газов при одинаковых условиях содержится одинаковое число молекул***. Я добавлю только, что к сегодняшнему дню проведено не менее двадцати физических опытов, подтверждающих это огромное число. Это вам, наверное, неизвестно. Не так ли?

По тупому выражению лица этого парня Портнов предположил, что тот информацию не усвоил. А может быть, он просто не понял бездарный английский Алекса? Может быть, всё может быть.

В тьюторской комнате постепенно становилось тесновато. Пришла очень милая и очень полная дама. Она помогала студентам осваивать анатомию и гистологию. Принесла микроскоп и коробку со срезами тканей. Ну, ясно же, что это были не настоящие ткани, а муляжи — раскрашенная пластмасса, но качество изображений на высоте. А кто же их, бедненьких студентиков, обучит делать натуральные срезы специальным ножом-микротомом? А кто же их научит фиксировать препарат? Сплошные *ля-ля-тополя*. Вот так сдадут экзамен, а руками ничего делать не умеют.

Администрация колледжа выделила маленькую смежную комнату, где разместили три компьютера, общий принтер,

холодильник и три стола. Больше не влезло. Для пользования компьютером надо было ввести код, а у Портнова его не было. Приходилось просить код у Кэтти или у других американцев, к студентам обращаться было стыдно, а у тех был свободный доступ, благодаря личному коду. Строго говоря, Алекс использовал доступ к компьютеру для развлечений. Ему очень нравились фотовыставки «*Black and White*». В то время уже входила в практику программа «*Fontshop*». Некоторые фотохудожники создавали поражающие воображение сюжеты. Портнов проникал в комнату, тихонько пристраивался к компьютеру и распечатывал эти черно-белые шедевры, превосходившие по замыслу и исполнению гравюры Дюрера и других великих мастеров. Правда, формат был невелик. Так было задумано, чтобы работы не крали из Интернета.

По мере приближения к экзаменам поток студентов спадал и, наконец, наступал день, когда Кэтти объявляла конец семестра и дату праздника перед зимними каникулами. Все вносили по двадцать долларов. На празднование приходили и преподаватели английского языка и литературы. Это были две пожилые, очень милые дамы и один чрезмерно толстый парень Диего. Они редко появлялись в большой общей комнате. Кэтти сама ежедневно заходила к ним пить чай. К филологам чаще всего обращались студенты из латиноамериканцев. Григорий в то время брал три часа в неделю по литературе, и как студент колледжа, заходил к миссис Коэн, чтобы та исправила ошибки в его сочинениях. Портнов поражался тому, сколько свободно говорящий на английском Григорий делает грамматических и стилистических ошибок. На каждой странице было не менее двадцати исправлений. При этом миссис Коэн всегда очень приветливо разговаривала с Григорием, нисколько не удивляясь его безграмотности.

Итак, многочисленные канцелярские столы сдвигались в большую букву «П», подавались салаты, женщины ставили

приготовленные дома блюда и выпечку, на стол громоздились огромные бутылки безалкогольных напитков типа Кока-колы, Джинджера, Спрайта, и пиршество начиналось. Американцы общались, в основном, между собой и довольно живо. «Русские» сидели своей группой почти молча, потому что говорить было не о чем, а совместная закуска без выпивки напоминала пионерский лагерь времен далекой молодости. Впрочем, на «русских» никто не обращал внимания, да и вопросов никто не задавал. Портнов давно заметил, что американцы не любят общаться с людьми, плохо владеющими английским, их это раздражает.

Апогеем праздника была беспроигрышная лотерея и последующий обмен призами по обоюдному согласию. Алексу удалось однажды обменять флакон одеколona на красную футболку с эмблемой родного колледжа, которую он бережно хранил потом долгие годы.

Так Портнов прожил три счастливых года, прирабатывая к своему пособию в 550 долларов еще почти пять сотен в месяц. Но в один несчастный день он получил письмо от *Social Security Administration*, что они три года за ним наблюдают, и что он три года получает такую-то сумму и не ставит в известность об этом SSA и посему ему предписано явиться в офис к 11 a.m. марта 25 сего года. В случае неявки он получит еще месяц отсрочки, после чего будет лишен медицинской страховки и пособия... Портнов еле дожид до часа, когда Кэтти открыла дверь, сел за стол и стал напряженно ждать появления Натана. «Что делать? Что делать?» — вертелось у него в голове. Тут он вспомнил, что при поступлении в тьюторы Натан предупреждал его о необходимости держать при себе копию разрешения студентам от правительства штата прирабатывать, помогая отстающим. Надо же быть таким ослом и забыть о важнейшей вещи!

Все-таки пословица — *дуракам везет* оказалась верной. Первым, кто вошел в комнату после Алекса, был Минц, пришедший в колледж через год после Портнова. Стараясь

не истерить, Алекс спросил его, нет ли у него копии разрешения на приработку. Оказалось, что да, есть, но она у него дома, так что если дело терпит, то завтра он её принесет. А что Натан сегодня будет? — Нет, он поехал к детям в Чикаго на пару недель. Он с Кэтти договорился заранее.

Мицц был человеком ответственным и немногословным. Был он из Питера. Помогал студентам по математике и физике, которые знал отменно еще и потому, что был кандидатом технических наук. Портнов ждал его появления на следующий день, как католики ждут появления папы на балконе. Получив заветную копию, он помчался вниз на «Ксерокс» и сделал для себя целых пять экземпляров. Всё! Теперь он мог спокойно ждать даты вызова в SSA.

И этот день настал. Нервы у Портнова были натянуты, как струны у виолончели. В зале ожидания было немало народу, некоторые пришли с детьми, кто-то приехал на инвалидном кресле. Портнов отметил на регистрирующей машине, получил билетик с номером *B69* и приготовился ждать. В зал выходило три окошечка для приема посетителей. Девчонки в окошках беседовали с ними, глядели в компьютеры, уходили вглубь офиса, возвращались с бумагами. Некоторые люди задерживались надолго, некоторые уходили через три-пять минут. Время шло. Увидев, что он сидит уже час с четвертью, Портнов превозмог страх и сунулся в одно из окошек, показывая свой вызов. Брюнетка с длинными ресницами взглянула и велела ждать. Наконец дверь офиса приоткрылась, и мужская голова выкликнула: *Алекс Портнофф?*

Алекс подскочил, словно двадцатилетний юноша, и последовал за чиновником, держа наготове вызов и документы.

— Вот ваше письмо, — сказал Алекс, — а вот разрешение штата для студентов колледжа работать в качестве тьюторов без предъявления справки о дополнительном заработке. Я являюсь студентом колледжа.

Чиновник, казалось, не слышал его сбивчивую болтовню. Он начал детальный опрос о дате приезда в США, о плате за квартиру, о программе медицинских услуг, о наличии машины и её стоимости. Он спросил также, знает ли Портнов о наказании за дачу неверных сведений. Алекс энергично закивал, — разумеется. После этого чиновник велел ему поставить подпись в конце опросного листа и занялся изучением копии разрешения на приработку. Время шло, сердце у Портнова билось тревожно, но он сидел тихо, как мышь в норе. Потом чиновник встал с копией в руках и ушел минут на пятнадцать, не менее. Пятнадцать мучительных минут. По возвращении инквизитор (как его назвал в уме Алекс) начал прилежно заносить данные в компьютер. Спустя еще полчаса, Портнов получил на руки спасительную копию, распечатанные листы на бланке SSA и пожелание доброго дня. Портнов вышел от чиновника и сел на первый попавшийся стул отдышаться. По дороге домой он ощущал неприятный холодок от намокшей футболки.

Эта громоздкая процедура стала повторяться у Портнова каждые три месяца. Чиновники менялись. Мужчины, женщины, совсем молодые девушки... Все они дотошно изучали разрешение на приработку, опять задавали вопросы об источниках финансирования, потом долго заносили данные в компьютер и, наконец, вручали Алексу новую распечатку его данных, которая ничем не отличалась от предыдущей.

Как выяснил Портнов у коллег, никого из них в SSA не вызывали ни разу. Натан объяснил ему ситуацию:

— Тут могут быть две причины. На вас они вышли случайно, как в игре в рулетку. Другая причина посерьезнее. У вас есть недоброжелатель, который настучал в SSA. У американцев это считается гражданским долгом. Они без конца стучат друг на друга и на всё, что происходит перед их глазами. Это почитается за высокую добродетель.

— А у нас в России это считалось первойшей подлостью! Еще Достоевский писал, что доносительство вызывает презрение, какими бы причинами это ни оправдывалось.

— Значит, наша ментальность отличается от американской. Вот такие мы разные...

Если наблюдать любой «наш дружный коллектив» в течение пяти-восьми лет, то легко заметить, что как всякий организм, он меняется по составу и, соответственно — по качеству. Вот, к примеру, сидел среди них Майкл, которым Григорий не уставал восхищаться. Майкл был преподавателем-универсалом. Он мог помочь по статистике и бухгалтерскому делу, по физике и математике, по теории вероятностей и даже по химии. Но он ушел в аспирантуру, а на его место пришел Роберт. Толковый мужик, но до Майкла ему было далеко. Он был обыкновенным.

Потом пришла очень толстая девушка и стала помогать первой толстушке по анатомии, а Женя забеременела, ходила важная, всё время прислушивалась, что там у неё внутри, потом где-то на седьмом месяце ушла и в колледж не вернулась. По слухам, родила сына.

Кэтти за это время постарела и ушла на пенсию, а вместо неё появилась милая пожилая мисс Делия, которая никак не руководила коллективом. Просто приходила и сидела. Помогала «русским», если возникали проблемы.

Однажды Портнову пришла в голову мысль изготовить несложный приборчик для измерения силы взаимодействия магнитов в зависимости от расстояния. Это была короткая градуированная стеклянная трубочка, внутри которой помещались два магнита, один подвижный, а другой неподвижный. Требовалось только приобрести чувствительный динамометр для измерения силы притяжения или отталкивания. Дальше студентам предоставлялось построить график изменения сил от расстояния между магнитами. С этим нехитрым предложением и эскизом опыта он поднялся на третий этаж в сопровождении Делии и зашел на кафедру физики. Там сидели две молодые дамы, которые молча выслушали Делию, а потом уставились на Алекса,

словно на пришельца с Марса. Алекс осмотрелся в поисках хоть какого-нибудь практикума по физике, помня, как богато были обставлены лабораторные работы по физике в его ВУЗе. Большое помещение было заставлено лишь канцелярскими столами. Он оставил свой эскиз у милых дам и в полном недоумении спустился к себе.

— Ты пойми, — втолковывал ему Григорий. — Наш колледж дает лишь начала знаний. Кто захочет идти дальше, должен поступать в более серьёзные заведения, которые готовят инженеров-строителей, инженеров-электриков и так далее. А здесь, у нас весь практикум заложен в компьютере. Хочешь собрать электрическую цепь — нажимай соответствующие кнопки на пульте и если правильно собрал, то получишь зачет.

— А зачистить концы и закрепить их в клеммах за него должен Пушкин?

— Вот, если парень поступит в серьёзный колледж, его там всему научат. У нас он получает как бы элементарное образование.

Коллектив «русских» преподавателей продолжал усыхать. Вот уже и Натан сказал, что ему стало тяжело отсиживать часы со студентами. Возраст, возраст... Евгений, брат Григория подался в соседний город, там был хороший колледж с сильной кафедрой математики. Там тьюторам и платили больше. Евгений решил получить там диплом преподавателя, успешно сдал экзамены по математике, но вторым экзаменом был английский, и он понял, что с его произношением и словарем он не пройдет, и оставил это дело. Портнов в то время еще посещал спортивный комплекс под названием *JFS* (Jewish Family Service) и нередко видел Евгения, сидящего на *reception*, где регистрировались пришедшие отдохнуть и потренироваться члены *JFS*.

С уходом Натана и Евгения от «русской» группы остались только Портнов, Григорий и Минц. Правда, ненадолго пришли два близнеца — брат и сестра Шмелькины, годящиеся

по возрасту во внуки Минцу и Портнову. Сестра была поумнее и побойчее. Однако эрудиции у неё явно не хватало, так что через пару месяцев она сама отказалась от преподавания химии. Брат попытался преподавать, но у него вообще ничего не получилось. Потом пришла девчонка из Вьетнама. Страшная, как смертный грех, но умная и хитрая, как сам дьявол. В то время как Григорий едва вытянул годовую оценку по физике на *B-*, эта получила *A+*, что больно задело мужское самолюбие Григория. Когда она говорила на английском, Алекс вообще не понимал ни слова, но американские студенты её понимали, а она вела с успехом высшую математику и физику. Ей для получения диплома об окончании необходимо было сдать еще и химию. Видно, ей этого делать не хотелось. Проходя мимо стола Портнова, она заметила последнюю семестровую контрольную и с легкостью позаимствовала. Алекс возмущился таким самоуправством и, подойдя к её столу с пафосом сказал: *Aren't you ashamed!* Она глянула на него нахальными раскосыми глазами, потом протянула ему украденную контрольную и демонстративно повернулась носом в окно.

Спустя год, из-за финансовых проблем дирекция сократила число часов у оставшихся преподавателей вдвое, так что, вроде бы, таскаться в колледж уже не имело смысла. По непонятным Алексу причинам поток студентов, нуждающихся в помощи, тоже упал до вялого ручейка. Возможно, что на пути желающих поступить выстроили более высокую стену приемных экзаменов.

Часто оставаясь в комнате с Робертом и молчаливым Минцем, он с ностальгическим чувством вспоминал столь недавние теплые отношения между «русскими» преподавателями, их бесконечные споры о преимуществах и недостатках российской системы обучения. Особенно жаркими спорщиками были Евгений Резник и Натан. Натан неизменно превозносил русскую систему. Евгений говорил, что школьная дисциплина и обращение учителей с уче-

никами напоминало скорее тюремные порядки, что там не могло быть и речи о сохранении собственного достоинства у школьников. Это ежедневное травмирование детской психики имело тяжкие последствия для последующей жизни.

— Вы просто всё позабыли, — неизменно повторял Евгений.

— Если бы не наша система обучения, мы бы не победили в послевоенном восстановлении страны! — заключал Натан.

— Что, немцы были хуже обучены, чем наши Ваньки в своих деревнях, в глухомани? — не выдерживала Женя. — Вы что, Натан, с люстры упали?

— Немцам помогали американцы, план Маршалла, если вы слышали, — горячился Натан.

В другой раз зацепились за тему, почему отечественный ширпотреб такого низкого качества. Натан сказал, что это только в гражданской отрасли, а военная приемка заставляет промышленность выпускать изделия исключительно высокого качества. Пример — мы первыми вышли в космос!

— Вы, Натан, забыли упомянуть, что в области балета мы тоже впереди планеты всей, — съязвил Евгений. — Я вам могу объяснить, почему в нашей стране вечнозеленых помидоров никогда ничего хорошего в массовом масштабе выпускаться не может.

— И почему же? — с вызовом спросил Натан.

— Потому что работнику, который способен работать качественно, платят ту же зарплату, что и халтурщику. Нет стимула работать хорошо. Я уверен, что к сборке космического корабля допускались детали, которые русские умельцы доводили до ума на коленке.

Эти споры велись, разумеется, при отсутствии Кэтти и студентов. После споров у Натана на щеках проступал старческий румянец; видно, он очень переживал за родину-мачеху.

— *Иных уж нет, а те далече*, — вздыхал Портнов.

Комната с компьютерами была на замке. Сидеть и пялиться в окно было бы неприлично, да и скучно. Алекс нашел том органической химии, выпущенный в девяностом году, и стал смотреть главы по изучению строения синтезированных соединений спектроскопическими методами. С удивлением он обнаружил, что те методы, которые в России даже сейчас считались супер-современными, а их применение в исследованиях облегчало защиту диссертации, здесь в Америке уже стали рутиной, и любой химик-органик мог использовать их для идентификации и контроля чистоты синтезированного продукта.

Он вспомнил анекдот, как *наши* ходят по японской промышленной выставке, устроенной в Москве и восклицают: «На сколько же мы отстали!», а гид-японец кланяется низко и отвечает: «Навсе-да, навсе-да»

А ведь близко к правде. Году в восьмидесятом Галка Бондаренко хвасталась, что подошла на международной выставке к стенду с шведскими приборами фирмы *Perkin Elmer* и ей разрешили снять инфракрасный спектр катализатора для синтетического каучука. Подумать только! — в академическом институте, в лаборатории академика Долгопоска не было современного инфракрасного спектрофотометра. Были лишь гробы из *ГДР*, а про отечественные приборы даже говорить не стоит.

...Наконец, пришла студентка. Красавица-негритянка. Бывают же такие красавицы! Портнов подошел к ней и спросил: «*Chemistry?*» — она еле заметно кивнула. Через пять минут она поднялась, подошла к Роберту и недовольно сказала, что не понимает, на каком языке Портнов изъясняется, и не может ли Роберт его заменить. Алекс долго переживал эту вполне заслуженную пощечину, хотя Роберт потом пытался его утешить.

Чтобы отвлечься, Портнов стал раздумывать, насколько изменился научный мир с тех пор, как он покинул свой НИИ десять лет назад. Специалисты, занимающиеся исто-

рией науки, вывели, что каждые десять лет научные знания в любой области удваиваются.

Тут что-то не то! Получается, что к существующим фундаментальным законам физики или химии добавляется столько же каждые десять лет. А ведь тонны ежегодных научных статей и авторских заявок еще не означают серьезного прибавления принципиально новых научных знаний. Можно сказать, что даже новый многотомный справочник химика пока не торопятся издавать, а ему уже лет двадцать, не менее.

Через пару недель к нему подошла Делия и с извинениями сообщила, что администрация решила аннулировать ставку тьютора по химии. Портнов воспринял эту новость даже с облегчением. Если к Минцу время от времени приходили студенты, то к нему за три часа сидения не наведывался никто.

— Вы знаете, — сказал он Делии, — я и сам собирался поговорить с вами относительно моего волонтерства. Я прямо сейчас напишу заявление, если это необходимо, чтобы я мог сюда приходить и преподавать.

— Конечно, конечно, напишите, а я подпишу в дирекции.

«Ну, и слава Богу, — подумал Портнов. — Приду, когда захочу, уйду, когда захочу. Всё-таки насколько приятнее провести здесь пару часов, особенно в жару, чем бок-о-бок с законной подругой. Обратное же — можно заодно повисить научный потенциал...».

Он давно приглядывался к огромной книге с названием «Molecular Biology of the Cell», то есть, проще говоря — всё о «КЛЕТКЕ», в соавторах которой числился и нобелевский лауреат Джеймс Д. Уотсон. Книга содержала почти тысячу триста страниц и весила не менее четырех килограммов. Надежда, что он её прочтет на английском языке и поймет, была весьма призрачной. Однажды он в молодости уже совершил подобный подвиг, готовясь к экзамену по специ-

альности. Это был огромный том академика Ельяшевича, который надо было освоить за месяц, но там был родной русский язык и более или менее знакомый предмет, а тут...

Недавно устроившийся на работу Джереми Ривз, который явно был из «блатных» и потому ничего не делал, только болтал с пышной дамой, ожидающей неуспевающих по анатомии или гистологии, каждый раз приходил в восторг, созерцая, как Портнов выуживает талмуд по «Клетке» из этажерки. Он обязательно подходил к столу и смотрел, какую страницу Алекс осилил, после чего он рассыпался в комплиментах *Человеку*, который способен читать такую книгу.

Шел летний короткий семестр, за окном жарко горел июль, температура редко опускалась ниже 28 по Цельсию, а тут в тишине и прохладе бесшумно струился ручеек жизни одного из тысяч ничем не примечательных беженцев, которому так отчаянно повезло ни за какие заслуги перед Америкой. И если бы не идиотское противостояние двух государств, пытающихся друг другу доказать преимущество одного политического устройства перед другим, сидел бы Портнов с книжицей на лавочке перед своей *хрущевой* или стоял бы в очередях за дешевыми продуктами, потому что на пенсию в России шибко не загуляешь.

ОБРЕТЁННЫЙ РАЙ

*По великой благодати Его
никогда не доставало нам
и не будет недоставать еды
во веки веков...*

Блюмкина отец нарек Авраамом, но как во всех еврейско-советских семьях, его звали Аркашей или Адиком. Для облегчения общения с населением.

О том, что он Абрам, Аркаша узнал в первый день первого урока, когда пожилая тетка Олимпиада Петровна выговорила перед всем классом: «Блюмкин Абрам», споткнувшись на втором длинном «а». На партах при этом произошло движение и хихиканье. Пацанчики в свои семь лет уже знали, что Абрам живет с Сахой, и они любят брынзу и чеснок. Был еще в классе Кацман Давид, но его имя в анекдотах тех лет еще не фигурировало, и класс принял его молча. Карасик Николай вообще прошел за своего, несмотря на специфическую внешность.

— Мама, почему вы называли меня Абрамом? — спросил семилетний сын со слезами на глазах, едва войдя в дом. Перед школой он еще немного картавил, но отец Лева в один день научил его рычать по-русски с помощью ремня. Сейчас он преподавал сыну первый урок еврейского самосознания, который сводился к тому, что сын должен гордиться своей принадлежностью к самому талантливому и древнему народу мира и, соответственно, данным ему именем великого праотца Авраама.

Отец, окончивший рабфак и выросший в атеистической среде, скорее всего, не знал, что второе «а» было дано праотцу Авраму самим Богом и потому имело священный глу-

бинный смысл. Однако отец упомянул, что деда Александра Пушкина тоже звали Абрамом, и он был генералом при императоре Петре Первом. Отцовское назидание закончилось тем, что Адик должен учиться только на пятерки, чтобы не позорить свой народ.

Прошли годы. Аркаша поступил в институт связи, куда пока принимали евреев, и стал инженером-связистом и младшим лейтенантом в роте связи. Перестройка застала Аркадия Львовича в должности заместителя начальника отдела в Институте Связи, что рядом с метро «Измайловская», с окладом двести двадцать рублей плюс шестьдесят рублей премиальных в квартал за выполнение плана. Квартирка с двумя смежными комнатами в пятиэтажке с видом на общественную помойку была единственной ценностью и досталась в наследство от недавно ушедших родителей жены, с которой он тихо-мирно прожил тридцать лет. Сейчас ему было пятьдесят шесть и ничего впереди не светило. Дети, выросшие в тесноте, разъехались. Сын, смертельно рассорившийся с отцом из-за столового сервиза, уехал в Ростов и посылал одно-единственное письмо ко дню рождения матери. Дочка окончила пединститут и стала преподавать английский в школе, но, выйдя замуж за динамичного парня, устроилась на работу в «Джойнт», получала зарплату в валюте. Зять организовал фирму в институте коммунального хозяйства и стал ворочать большими деньгами. Два года назад молодые купили большой участок в престижном месте под Москвой и выстроили шикарную дачу. Разъезжали в новеньких темно зеленых «Жигулях» и присматривали иномарку. С родителями общались редко даже по телефону. К себе в гости не приглашали, о чем жена Авраама в минуты раздражения высказывалась в том духе, что все родители — дураки, а дети — свиньи.

Так бы оно и продолжалось до самого ухода на пенсию или даже до самой смерти, если бы школьный приятель Аркаши Карасик не позвонил однажды под Новый год и не спросил с сарказмом:

— И долго ты еще собираешься жить в этой стране, втянув голову в плечи?

— А что прикажешь делать? — спросил в свою очередь Аркаша.

— Пробиваться на Запад, пока там принимают, или в Израиль.

— В Израиле все время воюют, — заметил Аркаша, — а в Америке у меня никого нет.

— А ты участвуешь в лотерее на *Грин*-карту?

— Так ведь на сколько тысяч один шанс!..

— Ты давай играй. Люди выигрывают и выезжают.

— А сам-то ты, что же?

— Брат выехал по вызову к сыну и обещал мне поддержку. С работы я уже уволился, чтобы потерять третью форму допуска. Учю абитуриентов математике и зарабатываю в три раза больше, чем имел ведущим инженером. А для отмазки, чтобы не обвинили в тунеядстве, дежурю в котельной двое суток в неделю.

Разговор растревожил Аркашу. После совещания в кровати, где взвесили все *за* и *против*, решили попросить помощи у дочери и подать документы. Дочь согласилась подключиться, но на вопрос матери: «А ты?» — только рассмеялась: «Мама, то, что мы имеем здесь и сейчас, мы вряд ли получим в Америке!»

И надо ж такому случиться — они выиграли *Грин*-карту с первого захода! Справедливости ради следует заметить, что Аркадий был совсем не рад. Он втайне надеялся, что спокойно доживет до пенсии, потом будет много гулять в парке, читать книжки и толстые журналы, забудет об общественном транспорте и раз или два в год на сэкономленные деньги они будут ездить теплоходом по Волге или Лене.

Коля Карасик, узнав об успехе предприятия, крикнул в трубку:

— Радуйся, старик, и поскорее собирайся, пока выпускают! Не забудь, за тобой бутылка хорошего коньяка! Жду приглашения!

— Ты же знаешь, что за мной не заржавеет, — промямлил будущий Авраам, посматривая через плечо на бутылку грузинского кв. вк, темнеющую за стеклом горки со дня его пятидесятилетия. Дочка с зятем достали по своим каналам.

Аркадий пытался отлынивать и даже после прохождения американского посольства, все почесывал голову перед сном и прикидывал, не продешевить бы. Как еще там жизнь сложится... В посольстве он знал, что надо давить, если спросят, на антисемитизм, на страх перед возможным насилием и прочее, хотя последний раз слышал от сверстников «жидовская морда» в пятьдесят втором году, когда власти стряпали «Дело врачей».

Вспомнилось, как однажды схлестнулись за столом, когда праздновали двадцать пять лет окончания института. Жена Вовки Иванова, черноокая красавица-еврейка, которая три года проработала с мужем на Кубе, а потом столько же в Чехословакии, вскинулась, когда кто-то стал жаловаться на притеснения на работе по национальному признаку.

— Бросьте эти глупые разговоры! — прикрикнула она на Рувима Сапожникова. — Ты, вот, кандидат наук, начальник лаборатории, твои друзья-евреи сидят начальниками в цехах и конструкторских бюро, и в закрытых организациях. Вы слышите, когда кто-то кому-то сказал «еврей», но пропускаете мимо ушей, когда кругом говорят с презрением «армяшка», «татарская морда», «чукча». Это говорят одни и те же люди — импотенты и неудачники, пьянь и рвань. Так устроен человек, что если что-то не по нему, то он тут же формирует образ врага. Всегда в неудачах легче винить кого-то, чем самого себя. А я, между прочим, и от наших евреев много раз слышала те еще эпитеты в адрес украинцев, русских и даже негров, которых они видели только в кино.

— Да, но недавняя историческая память... — начал было мямлить Игорек, но был встречен резким вопросом в лоб:

— Нет, ты лучше, Игорь, честно ответь, сколько ты имеешь в месяц? Четыреста пятьдесят? А за внедренные изо-

бретения и прочее? Еще столько же? Ну, понятно, что с вычетами получается меньше. Я вам вот что скажу: «Если лично вас притесняют, и вы бедствуете, это одно, а если вы живете — не тужите и плачете над клубникой со сливками — это совсем-совсем другое».

До драки, как говорится, не дошло, но каждый ушел со своим мнением. Жена попросту сказанула сквозь зубы, что Лилька примазалась к русскому, вот и агитирует.

— Да прекрати ты, — озлился Аркаша. — СССР нарушает конвенцию о правах человека, не дает возможности людям выехать за рубеж, издевается над ними. Человек имеет право жить там, где хочет — вот в чем главный принцип.

Совпадения по месту и времени бывают не только в романах и пьесах. Через два с половиной года оба приятеля встретились в городе Л., куда их Карасик позвал, а Аркаше было всё равно, лишь бы хоть кто из знакомых был рядом. Городишко поразил его обилием мусора на улицах, обилием цветных и черных жителей и отвратительным состоянием мостовых. «Еще хуже, чем у нас на Щербаковке», — заметила жена. Город, насчитывающий менее ста тысяч населения, рассеялся одно- и двухэтажными фанерными строениями по огромной территории вдоль побережья Атлантики. «Юнион Стрит», одна из старейших улиц, была сплошь забита ресторанчиками и лавками, а по обилию парикмахерских напоминала Старгород Ильфа и Петрова. В салонах молодые латиноамериканцы плели невыносимой сложности кружева на головах чернокожих красавиц. Внушительное здание в стиле «модерн» принадлежало банку. В офисе рядом, на первом этаже располагалась контора по устройству приехавших из бывшего СССР.

Важная, но любезная дама, наставлявшая приезжих, куда идти и где селиться, с гордостью сказала, что в Л. проживает семь тысяч евреев, а также, что в городе три действующие синагоги и масса церквей самого различного толка, в том числе и греческая ортодоксальная. Аркадию все эти рели-

гиозные конторы были, как выражаются новые русские, — *по сараю*, ибо он привык в пятидесятивосьмилетней борьбе за место под солнцем спасать тело, а не душу, да к тому же с детсадовского возраста знал, что никакой души не существует.

Карасик, прошедший все процедуры два года назад, здорово им помог на первых порах, каждый раз приговаривая: «В Америке больше всего ценят толковый совет!». Всю бестолковщину, которую несли порой приезжие, он презрительно называл *народными русскими песнями*. Он же и вывел Адика на *нужных* людей. Один из них, Самуил Борисович, обладатель густых черных бровей *a la* Брежнев, постоянно одаривал Алика газетными перлами типа «наука обладает большой производительной силой» и собственными находками, которые озвучивал с необыкновенным достоинством.

— Мм-э...так как ты не обладаешь статусом беженца, тебе предстоит за все платить самому... Но!.. Не спеши найти работу. Поезжай с Колей и подай заявление на материальную помощь.

Совет был весьма и весьма кстати, ибо Аркаша с женой ютились в небольшом помещении, где кухня отделялась от остального пространства невысокой перегородкой, а санузел вызывал у него приступы клаустрофобии. Платить за эту, с позволения сказать, квартиру приходилось пятьсот пятьдесят долларов в месяц, и супруги с тревогой подсчитывали, надолго ли хватит денег, оставшихся от продажи московского жилья.

Карасик, со своей стороны тормозил Аркашу:

— Иди, запишись на бесплатные курсы английского. Больше внимания устной речи!

Он же и отвел его на курсы, где помог заполнить анкету. Аркаша начал заниматься языком с остервенением. Выяснилось, что он не понимает даже элементарных вопросов. Каждое утро, открывая почтовый ящик, он впадал в полубморочное состояние от количества писем, поступающих от

самых различных организаций, названия которых он был не в состоянии перевести даже со словарем.

Несколько раз Карасик вытаскивал супругов на берег океана, где прохаживались приезжие и бегали, как угорелые, коренные американцы. Чтобы не выпасть из общего ритма, друзья тоже прохаживались, иногда останавливаясь со знакомыми Карасика. В глазах обтекающей их с двух сторон публики Аркаша читал острое желание подслушать, о чем *там у них* идет разговор. Некоторые даже присоединялись и тотчас вступали с полезными советами к вновь прибывшим.

— Послушайте меня, старую дуру, — влезла одна из крутившихся около и, наконец, дождавшаяся паузы. — Это я вам на опыте моей семьи подскажу. Пока у вас нет языка, никакой нормальной работы вы не получите, а черную работу будете делать вплоть до пенсии, до 65 лет! Нужно вам это? Так не идите на работу, а идите в поликлинику и жалуйтесь на бессонницу, на желание выброститься из окна, на какие-то страхи по ночам... я знаю? У них это называется депрессией. Да, вам-таки придется попотеть над бумагами, но это лучше, чем возить тележки в супермаркете. А устроиться на работу надо на «кэш». На наличные. Вам понятно?

— А ведь она права, — согласился Карасик. — Тебе скоро пятьдесят девять. Если упорно учить язык, все равно раньше, чем через год лепетать не начнешь, но главное для нас, *русских* — это понимать. А это от природы. Если нет таланта, никаким сидением не осилишь... Тут тебя Самуил спрашивал. Хочет взять тебя с собой в церковь в понедельник. Там раздают бесплатный хлеб. Только не делай гордых поз. Станешь на ноги — сам можешь помогать другим. В Америке, кстати, в очень большом почете филантропическая деятельность.

Понедельник выдался дождливым. Раздача хлеба началась в десять, но Самуил велел прийти к половине девяти к церкви Девы Марии. У входа в подвал уже стояла толпа человек в двадцать, все с зонтами и в плащах, с боль-

шими тележками. Разговор шел национальный по форме, но исключительно русский по содержанию. Говорили все сразу и громко.

— Видишь? — люди встали рано, пришли к восьми или даже раньше и теперь выберут самый свежий и самый дорогой хлеб, а нам достанется то, что останется, — в голосе Самуила чувствовалась досада. — Когда мы войдем, слева будет лежать ватный хлеб, который едят американцы. Они в него закладывают горячие сосиски или котлетки и едят с кетчупом и соленым огурцом. Это не для нас. Наш хлеб будет лежать справа в картонных коробках, если, конечно, достанется. — Самуил вздохнул: «Кто рано встает, тому сам Бог подает, как говорили в Советском Союзе».

Дождь усиливался, и раздатчики решили дать приют стоявшим на улице. В девять толпа влилась в подвальное помещение, где наиболее предприимчивые сразу заняли стулья. Большинству пришлось стоять до десяти. Самуил успел ухватить стул возле двери и теперь подремывал. Аркаша с любопытством рассматривал авангард, клубившийся у входа на раздачу. Картина очень напоминала очереди у автобусных касс где-нибудь во Владимире с той лишь разницей, что там толпа была молчаливо-угрюмой, а эти не закрывали рта ни на секунду. От громкой и глупой трескотни, прерываемой общим смехом, от влажной духоты у Аркаши разболелась голова. Самуил начал похрапывать. Время ползло черепашьям шагом. Аркаша обернулся. Очередь уже заняла всю лестницу и вилась по улице. Преобладали латиноамериканцы и черные. Многие женщины были с чудовищными животами и ногами непомерной толщины. Впрочем, комплексами неполноценности они по этому поводу явно не страдали, ибо носили футболки и джинсы *в облизку*. Стояли они группами вместе с малолетними детьми и на руках, разговаривали так же громко, только по-испански или по-английски, и тоже хохотали.

Ровно в десять стали пропускать жаждущих хлеба насущного. Первые двадцать *русских*, оснащенных огромными

корзинами на колесах, весело и споро наполняли их перешупанными на предмет свежести батонами, булками и бубликами. Очередь молча переминалась в ожидании, пока авангард отоварится. Наконец, последний *русский* двинулся к выходу, и очередь, дрогнув, поползла вперед.

Самуил на обратном пути сказал, что нужно как можно скорее получить карточку на фудстэмпы.

— Сумма там небольшая — долларов двадцать, но с этой карточкой можно и *нужно!* — подчеркнул он, — пойти в церковь и встать на учет для получения раз в месяц продуктовых пайков. Напротив нас живет Цеховольский. Аркадий. Настоящий Аркадий, а не Абрам, как ты. Так вот. Он составил список всех церквей вокруг и в течение месяца объезжает их, так что практически не тратит деньги на еду, да еще и детям помогает.

— Да вы тут прямо профессора по выживанию в экстремальных условиях, — съязвил, не удержавшись, Аркаша-Авраам.

Самуил взглянул на него сурово.

— К слову сказать, мы не только сохранили привезенные доллары, но еще и прибавили к ним несколько тысяч, так что помогли сыну в покупке квартиры. Регулярно путешествуем. Я, например, был в Испании, в Париже, в Мексике, на Карибском море...В Италии. Недавно посетил древние Помпеи. Кхе! — тут он усмехнулся, полез во внутренний карман пиджака и вытащил открытку. — Вот, прямо из *Помпеев!*

На открытке, сделанной с помпейской фрески, мускулистый мужик положил огромный необрезанный пенис на чашу весов и перевесил мешок с деньгами на другой чаше. — Видишь? — дороже золота!

В целом поход оказался удачным. Отягощенный новым жизненным опытом и четырьмя увесистыми батонами Авраам возвратился под довольное воркование жены.

Пока вся страна от Атлантики до Тихого праздновала Рождество Христово, еврейская общественность организо-

вала встречу Нового года в «русском» ресторане «Мираж». Русского, по правде сказать, там ничего не было, даже фальшивых вышитых рушников и рубашек *а ля рюс*. Икра и копченая колбаса присутствовали. Это был стандартный советский праздничный стол со стандартными тостами и оркестром из трубы, скрипки, электрогитары и ударника. Мощные усилители превращали аккорды гитары в грохот, напоминающий падающую с третьего этажа мебель. Все старались перекричать оркестр и друг друга. Жена Авраама была довольна, ибо «они засели в своей комнатенке, как прыщи», а тут она была нарасхват — свежая женщина, не старая, из Москвы. Местные ловеласы в чудесном безопасном возрасте от семидесяти и старше вполне её устраивали.

За столом после выпивки и закусок образовались «кружки по интересам». Все уже были знакомы тысячу лет, панибратства было, как на студенческой вечеринке, хоть отбавляй, а остроты и анекдоты явно были времен Очакова и Хрущева.

Авраам-Аркадий употребил свои двести, разнежился и загрустил. Нет, это была тоска не по Родине, а скорее, по оставшимся там коллегам и друзьям, по серьезным разговорам и метким подковыркам. Тут, напротив, царил какой-то собачье-обезьянный уровень. Хвастались, что прогуливают американских собак и кошек и зарабатывают тем самым на турпоездки на Карибы: «Ах, если бы вы знали, какое там круглосуточное питание!!»

— При таком изобилии и дешевизне продуктов и выпивки в Америке какие еще могут быть радости от круглосуточного питания? — хмыкнул Авраам, не заметив, что обращается к пожилому высокому господину с желчным лицом и золотым пенсне, — ни дать, ни взять — супруг Анны Карениной.

— Эдуард Домбровский, — неожиданно и с приятностью представился обладатель пенсне. — Вижу, недавно прибыли. Полгода? Я уже здесь девятый год. Сейчас на пенсии. Пре-

подавал термодинамику в Университете в Айове, а сейчас решил поселиться поближе к детям... Ни за что не пришел бы сюда, если бы не брат жены. Вон он сидит слева. Настоял «повеселиться вместе».

— Фамилия у вас известная, — заметил Авраам.

— Да, один из моих предков был тот самый французский генерал Домбровский. Вот, фамилия сохранилась. А вы, Авраам, по какой будете части? — Имя он произнес с удовольствием, смакуя.

— Я — инженер-связист. Думаю, что устроиться на работу по специальности не смогу. Разговорный язык не идет, да и возраст к шестидесяти. Никто не возьмет, хотя у меня более тридцати авторских свидетельств.

Собеседник оказался настолько интересен, что Авраам твердо решил сойтись с ним поближе, а ведь лучший способ общения — проявлять интерес к собеседнику и пореже вставлять свои *пять копеек*.

Эдуард прошел в молодости хорошую школу в Институте высоких температур, потом осваивал теорию и практику синтеза полупроводниковых кристаллов. Для «расширения головы» закончил еще и мехмат в университете для инженеров. Сюда поехал вслед за детьми. После напряженной и насыщенной творчеством научной жизни в СССР приткнулся здесь преподавателем скромного университета, чтобы иметь возможность заниматься разумной деятельностью еще лет десять. За это время скопил достаточно денег на кондоминиум, который продал, когда переехал в Л. Сын подыскал им небольшую квартиру недалеко от океана.

— Как-то не удалось завести новых друзей. Возраст, что ли мешает... Да и местная публика не нравится, — говорил Эдуард. Авраам позвонил ему через месяц и пригласил пройти перед сном. Они шли по набережной, наблюдая игру фонарей в легких плоских волнах, шуршащих по песку. — В шестидесятых в Академии ходила такая шутка, — продолжал он. — В чем сходство между морской свинкой

и ученой женщиной? — Морская свинка не имеет никакого отношения к свиньям и к морю, поскольку едва ли умеет сносно плавать. А ученая женщина не имеет никакого отношения к науке, да и не женщина вовсе.

Прямо-таки напрашивается аналогичная шутка, что такое есть советский еврей, приехавший в США в около пенсионном или пенсионном возрасте? Во-первых, он никакой не еврей, так как не знает ни аза на иврите и на идише — ни писать, ни говорить, ни читать и чаще всего имеет очень смутные понятия насчет еврейской традиции и четырех тысячелетней истории. Во-вторых, какой же он советский? Он уже почти сорок лет не разделяет идеологию социализма и коммунизма и если носил партбилет, то только в корыстных целях. Он считался в СССР человеком второго сорта и вполне к этому адаптировался, — наш общественный строй способствовал формированию такой психологии. Вы не думайте, что я себя от них отделяю, — заметил Эдуард, взглянув на озадаченное лицо Авраама. — Я в некотором смысле везунчик. Язык освоил еще в семидесятых и поддерживал все время «спортивную форму». Поддерживать ведь проще, чем осваивать почти с нуля? А идиш я более или менее понимаю, потому что жил с бабушкой на Урале с сорок первого.

— И все же у вас получается, что мы, лишенные языка и национальной культуры, как бы виноваты в невежестве и в своем совковом сознании.

— В совковости — безусловно! Потому что система, уродующая человека, скончалась. Мы все, кроме открытых борцов с режимом, представляем собой уже не политическую, а экономическую эмиграцию. Нам всем повезло. Так давайте очистимся. Давайте жить шире, не скаредничать, давайте волонтерить — учить, помогать, убирать мусор, не копить тоннами продукты, которые уже не в состоянии съесть. Давайте быть добрее друг к другу!

Сила приспособленчества сейчас сыграла со старшей группой советских эмигрантов злую шутку, потому что за-

каленные в режиме выживания в течение семидесяти лет Советской власти, наши евреи способны прокормить, одеть и обуть себя, получить деньги на жилье и медицинскую помощь, не сделав для простодушной страны-хозяйки ни на грош работы. Поверьте мне, что пройдет год, и вас тоже начнут раздражать дурные манеры соотечественников.

— И все же я совершенно не согласен с вашим обобщением касательно еврейской адаптации к режиму и стране. Сколько было борцов за свои права и сколько их пострадало, пока стали выпускать в Израиль! И диссидентов-евреев было полно, и в лагерях им доставалось хуже, чем русским. Нет, решительно с вами не согласен.

Авраам чувствовал, что недавний шарм от изысканной речи и манер Эдуарда теряет свою силу. Отсутствие согласия даже по теоретическому вопросу неизбежно приводит к ухудшению отношений. Такова жизнь.

— Вы не вполне меня понимаете, Авраам, — в голосе собеседника появилась нотка усталости. — Власть и окружение — это внешний враг, а совковая ментальность — это враг внутренний и одержать над ним победу крайне сложно, потому что он растет в мозгу с малолетства. Еще Герцен отмечал, что люди, ненавидевшие царизм и бежавшие во Францию или Англию, втягивались в склоки, деля портфели несуществующих министерств, интригуя друг против друга. Ладно, оставим это... Помните Оруэлла 1984?

Авраам Оруэлла не читал, не привелось, хотя слышать — слышал. Признаться же перед Эдуардом не желал. Тоже мне экзаменатор нашелся!

— Жизнь по двойному стандарту, — продолжал Эдуард. — А как он воплощается здесь, в свободной стране, где никто ни на кого не имеет права давить?

— Но давят и еще как! — воскликнул Авраам скорее от злости, потому что примера в голове у него не было.

Эдуард отмахнулся. Ему хотелось закончить мысль.

— Вот пример. Некоторые эмигранты хотят приобщиться к вере отцов и начинают посещать синагогу.

— Это похвально.

— Что же *вы* не посещаете? — насмешливо спросил Эдуард.

— Я буду! Скоро начну посещать! — с вызовом ответил Авраам.

— Я не о том хотел вам сказать, — продолжил Эдуард. — Некоторые посещают, но надолго их не хватает. Тогда они ограничиваются возжиганием субботних свечей — дешево и сердито. Тору они не изучают. Скучно. Из десяти заповедей соблюдают лишь те, которые не требуют активной деятельности. И уж конечно не отдают седьмую часть своих доходов нуждающимся в помощи.

— А вы-то сами! — с некоторым даже ожесточением ткнул Авраам.

— И я почти такой же, — с легкой улыбкой ответил Эдуард, — но я не хожу в синагогу и не делаю вид, что поклоняюсь еврейскому Богу. Я для всех — агностик, хотя верю в божественное начало жизни.

Авраам настолько устал от разговора, что был весьма доволен, когда они распрощались и притом довольно холодно. Он жалел, что не сумел достойно противостоять Эдуарду, шел домой в раздражении, приговаривая: «Академик чертов! Спец по всем вопросам!»

Прошло еще полгода. Авраам с женой получили *дизабилити* — письменное подтверждение, что работать они неспособны. Да, пришлось попотеть над бумагами, но и только. Американцы оказались доверчивыми, как дети. Даже в комиссию не вызывали. Поверили заключению доктора из *русских*. Получили Авраам с женой по пять сотен зеленых на нос ежемесячно, подыскали себе неслабую квартирку из двух комнат на тихой улочке всего за сто семьдесят долларов и стали жить-поживать и добра наживать.

А как же не наживать, когда такая куча денег каждый месяц остается!

Народ в коммьюнити подобрался исключительно образованный. Каждый пятый — кандидат наук. Роскошная библиотека, даже две. В каждой — русский отдел. И что еще интересно — люди, приехав из СССР, стали писать стихи и прозу и издавать за свой счет книги. Можно сказать, что раскрылись творческие возможности, которые были задвлены раньше советским строем и враждебной антисемитской средой. И какие разносторонние люди! Один доктор технических наук оказался не только талантливым поэтом, но еще и на гитаре играет, поёт вместе с женой. Жена Авраама даже прослезилась. Потом в постели рассказывала, что доктор тот бросил семью в Ленинграде и уехал с молодой и с двумя её дочерьми, и души не чаёт в ней. Вот, сочиняет в её честь любовные романы. Недавно праздновали его юбилей в библиотеке. Оказывается он еще и знаменитый коллекционер. Выставил стенды с карманными календариками, которые собирал почти сорок лет. Да и другие не хуже, хотя и без ученых степеней.

Авраам с женой словно проживали заново медовый месяц. Вступили в общество «Хаверим». Взносы небольшие, а выгода огромная — все турпоездки за треть или полцены. А кто спонсоры? — Наверное, богатые американские евреи дают пожертвования. А что? У них, небось, денег — куры не клюют! Говорят, что те евреи очень хотят, чтобы приезжие ходили в синагогу, молились и соблюдали еврейскую традицию, изучали Талмуд, праздновали субботу. Никто, конечно, не давит. Это вам не СССР! Мы в свободной стране живем. Жалко, раввины по-русски не говорят. Мы бы с удовольствием приобщились — а как их понять? Вот и получается, что придешь, посидишь раз, другой и что? Все встают и с книгой в руках начинают раскачиваться и бормотать. Авраам попробовал подражать — ну вылитая мартышка! Устыдился он и перестал ходить в синагогу. Да и жене не понравилось. Что это такое — мужики внизу, а баб наверх послали, как нечистых!

Еще ему было странно, почему это евреи все время ходят по церквям за пайками. Спросил он Карасика.

— Да потому, что в синагоге тебя в субботу попотчуют самой дешевой и вонючей водкой из пластиковой бутылки, да соленым печеньем в виде плетенки, словно вымоченном в Мертвом море. Не любят наши пастыри свой народ подкармливать. А любят они драть жуткие деньги за всякую услугу, особенно бармицвы-шмицвы и свадьбы. Очень хорошо также оплачиваются занятия с детьми по еврейской традиции. Богатенькие дают на это, не скупясь. Рэбаи жиреют на этом во всех смыслах. Некоторые едва в машину влезают. Но на плодовитости, слава *Б-гу*, это не сказывается. Каждый год по новорожденному — так *Г-дь* повелел.

— Да тебе-то что, чужих денег жалко? — спросил Авраам. — Или ты заплатил десять тысяч за обрезание? Сам-то, небось, седьмую часть дохода ближнему не подаешь!..

— Я — агностик, у меня с Богом свои счета, — резко ответил Николай. — А вот, ты...

— Еще один агностик! — с досадой воскликнул Авраам. Я — вообще атеист. Я и свечи не стану зажигать, особенно когда жара.

— Ну, вот и договорились! — весело подытожил Карасик. — Главное ведь чувствовать себя *своим* среди *наших* и не высовываться,... не то сожрут, — страшно прорычал он, наклонившись к уху Авраама. — Даром, что всё у всех есть. Тут у меня хороший коньячок во фляжке, давай по глотку — и на океан. Там сейчас хороший ветер, свежий, романтикой пахнет.

Коньяк приятно грел горло, высокие травы качалась, выписывали восьмерки, ветер срывал пену с волн. Навстречу утиной походкой тяжело переваливались пожилые женщины, некоторые при мужьях в разноцветных кепках с длинным козырьком над темными очками. Это сочетание придавало им таинственно-зловещий вид, словно шли не мирные и пугливые евреи, а опасные арабские террористы. Авраам не замедлил поделиться с другом.

— Ничего удивительного, и мы, и они — семиты!.. Глянь, — захохотал Карасик, — все, как один, при ходьбе держат руки за спиной, как в тюрьме на прогулке... А туловище... наклонено к земле под углом семьдесят пять градусов. Почти все малорослые и потому страшно напоминают ворон, к тому же и носы вороны. Гляди, гляди!

Публика смотрела на веселых друзей весьма и весьма неприязненно, хотя комментариёв, скорее всего, не слышала.

— Ты, того, потише. Неудобно так в лицо смеяться, — сказал Авраам, после очередного глотка из фляжки. — И потом, твои насмешки очень напоминают фашистские листовки про евреев. Там тоже советовали отличать нас по изогнутому носу, мясистой нижней губе, выпуклым глазам и развинченной походке. Я сам читал ...

— Да брось ты, не лезь в бутылку. Если ты на кого глянул, а тот в ответ улыбнулся, — сто рублей, что он американец. Наши будут идти навстречу и сверлить тебя глазами, как из дустволки. Сам заметишь.

— Так это у них российское, — бросил Авраам. — Вспомни-ка, как *там* на транспорте или в очереди люди друг на друга волками глядят. А относительно типичной еврейской внешности, то я тебе так скажу: она изменилась за последние сто лет и еще как! Не знаю, в результате ли мутаций, или влияния окружающей среды, но фашистский портрет еврея явно устарел.

— Мне пришло в голову, что если хочешь узнать, кто ты есть на самом деле и как ты выглядишь, послушай, что о тебе говорят враги. Друзья, как правило, тебя идеализируют. Согласен?

По средам Авраам стал наведываться в раздачу продуктов при церкви Девы Марии. Он смекнул, что с продуктовой карточкой с Иисусом на первой странице незачем тащиться к восьми утра, и приходил где-то к одиннадцати. Народу меньше, спокойнее. В этот раз в «предбаннике» было всего четыре человека. Прошло каких-то две минуты, дверь

отворилась и в подвал спустился с корзиной на колесах сам товарищ Цыплянский, президент местного товарищества «Хаверим». Авраама он не узнал или не пожелал узнать. Станет еще сам президент здороваться с рядовым членом, да еще в таком пикантном месте — подумайте сами: «Хаверим» — и подвал церковного строения, где подают жратву именем Христа!

«Положено — отдай! Недвусмысленный пример пайковой психологии», — подумал Авраам, искоса наблюдая, как президент сел, уложив арбуз живота своего на колени, вытащил огромный бумажник и стал рыться, разыскивая продуктовую карточку с Христом, который всех страждущих и обремененных приведет к Свету.

«А что нам положено? Ясно, что: квартира, деньги на проживание, фудстэмп, бесплатная медицина и лекарства; даже дорогие услуги зубных врачей покрываются с помощью писем в «Медикейт». Авраам вспомнил лицо пожилого охранника, который дежурил у них в холле субсидального дома. У того во рту торчали только два верхних зуба, видимо, денег на протез не было, а американцы сами должны о себе заботиться и копить деньги на подобные расходы в течение всей жизни. Другое дело, мы!» — Тут Авраам вспомнил Эдуарда и помрачнел. — «Так, пожалуй, скатись на позиции эрудита-злопыхателя».

Товарищ Цыплянский тем временем понял, что карточки в бумажнике нет, и шагнул в комнату раздачи, где вежливые американцы тут же сделали ему новую и поставили в очередь за пайком впереди Авраама. Мелочь, конечно, но эта мелочь ожгла его сердце, и весь путь домой с пайком он злился на нахала-президента.

Мало ему, что он там химичит с общественными деньгами; будь здоров, сколько к рукам прилипает! Так он еще таскается за пайками, сука такая!

А ведь есть в Л. чудесные люди. Вот, к примеру, Марк. Тоже с огромным пузом, но не вызывает неприятных мыс-

лей. Трудяга и руки у него золотые. Сколько народу к нему ходит! — то сделай, это почини. Он в свои семьдесят лет работает уборщиком в синагоге и ведет непрерывный ремонт всего, что ломается. Уделили ему конуру, где он держит инструмент и пылесос. Стояли в очереди за пайком. Слово за слово — познакомились. Даже подружились. Пару раз Марк заходил к ним, выпивали по паре-другой рюмочек. К себе не звал. Жена у него строгая и властная. Сама не готовит, только дает указания: это помой и порежь, это посоли и добавь перец и чеснок. Марк стоит у плиты, готовит, исполняет приказы. За сорок пять лет брака привык, вроде так и нужно жить. Отпускают его только по делам, скажем, сидеть с внучкой, пока дочь и зять на службе, или в синагоге подработать, деньги лишними не бывают.

Так получилось, что ближе к осени Марк позвонил Аврааму и предложил сменить его на уборке мусора за детьми, которые учатся ивриту и Торе два раза в неделю по вечерам. Авраам согласился. Восемь долларов в час, два раза в неделю по четыре часа. Марк взял его с собой ознакомить с «оборудованием». Начали уборку вместе. Перетаскивали стулья, сдвигали огромные овальные столы, которые использовались для случая праздников. Потом спустились вниз, взяли пылесос и приступили к уборке холла и классных комнат. Обилие мусора просто поразило Авраама.

— Это что же, дети не приучены соблюдать чистоту? — спросил он. — Здесь два месяца не убрали?

Марк усмехнулся.

— В четверг на прошлой неделе всё пропылесосил, вынес шесть мешков разного мусора. Дети бросают, а мое дело подбирать.

К концу уборки Авраам так устал, что хоть прямо ложись на серый *карпет* и спи. Как же Марк справляется один?

— Я о тебе говорил рэбаю. Он велел пойти к нему вместе. Хочет на тебя посмотреть. Да, пока не забыл. Деньги за работу он платить не любит. Я ему всегда напоминаю, а он

спрашивает, сколько и никогда сразу не дает. Иногда приходится два раза напоминать. Ну, это не страшно. Мы люди не гордые.

В четверг они опять пошли вместе на уборку. Обертки конфет, клочки бумаги, перепачканные красками, карандаши и ластик, мелкие монетки, куски веревок, крошки булочек и печенья, недопитые бутылки с подкрашенной водой опять покрывали пол, стулья, столы и подоконники. Кроме того, в холле высился холм из упаковочного материала. Прибыли игрушки к празднику. На столах вдоль стен холла там и сям были рассыпаны копеечные конфетки. Закончив уборку, Авраам решил взглянуть на конфетку в форме звезды. Протянул было руку — и тут же услышал резкий окрик на английском: «Конфеты только для детей!»

Оглянувшись, он увидел среднего роста мужчину в кипе на лоснящемся круглом лице с тройным подбородком и неохватного размера животом. Мужчина смотрел на Авраама с явной неприязнью.

— Это что за бочка с жиром? — спросил Авраам.

— Это помощник рэбая.

— Он что же, следил за мной, пока мы работали?

— Нет, пришел случайно, я думаю.

Они вынесли восемь огромных черных пластиковых мешков с мусором и стояли-блаженствовали, вдыхая свежий вечерний воздух. Решение пришло в секунду.

— Извини Марк, но я сюда больше ни ногой. Смотреть противно на этого жлоба. А хозяин, наверное, еще гаже. Прости, друг.

Марк посмеялся и похлопал Авраама по плечу: «Вольному воля...»

Авраам злился, в первую очередь, на то, что его — шестидесятилетнего старика, как мальчишку, подловили на желании стибрить конфетку. И он подчинился, положил на место, а должен был демонстративно сунуть в карман и послать толстопузого на три стороны света по-русски или крикнуть «Фак ю!». А еще противней было то, что жена,

услышав об *инциденте* с конфеткой, сказала, что Авраам кругом не прав. Не твое — не бери!

Всегда-то у нас найдутся *понимающие* ситуацию, *объективно* рассуждающие. Приятель по Москве был в Иерусалиме и попал на день Холокоста. Ехал в автобусе и вдруг — сирена. Автобус встал, весь транспорт — тоже. Память жертвам. Внутри автобуса все стоят. Один-единственный еврей в пейзажах сидит как ни в чем ни бывало, читает книгу. Ему Холокост до лампочки. Знающие люди объяснили — он не один такой. Таких мудрецов целый батальон наберется. Они считают, что шесть миллионов жизней — это не преступление фашизма, а проявление Гнева Господня на евреев, которые Его то ли забыли, то ли стали забывать. И что всё правильно!

Авраам тогда сказал приятелю, что если бы в Питере во время Минуты Молчания кто-либо на транспорте остался сидеть и листать книгу, его бы вместе с книгой выкинули из автобуса, да еще морду бы расквасили. Тут приятель обозвал Авраама экстремистом, сказал, что надо уважать чужое мнение, даже если оно с твоим не совпадает.

— Послушай, — сказал в сердцах Авраам. — Если тому еврею не нравится Израиль, как страна грешников, пусть он едет в другую страну, которая ненавидит евреев и мечтает стереть их с лица земли, пусть поспособствует Гневу Господню. А этот жрет, читает и гадит на тех, кто его защищает и кормит. Он-то, наверняка, не вложил ни капли крови в Израиль. А ты, лично, должен непременно уважать мнение господина Гимmlера, будь последователен.

— Почему же он непременно *гадит*? — поморщился приятель.

— Как вы все не любите слово патриотизм! — воскликнул Авраам. — После старого дурака Толстого, который где-то брякнул, что патриотизм есть последнее прибежище негодяев. Слушай, если ты строил сорок лет эту страну своими руками и защищал её на фронте, тебе не может быть безразлично, если кто-то на неё плюёт, живя в ней и питаясь её

соками, как вредная личинка. Почему вредная? Да потому, что он и многочисленных своих детей выстругает по своему образу, и его умственная пакость размножится.

А теперь вот, еще жена стала *понимающей*.

— А то, что эти жлобы платят старику по восемь долларов в час за адски тяжелую работу, это как?

— А это — не твоё дело, а дело Марка. Раз он у них работает, значит, его эти условия устраивают, — ответила жена.

Карасик, узнав о происшествии, очень смеялся и советовал не брать близко к сердцу.

— Я не понимаю, — кипятился Авраам, — как можно учить Тору и при этом сидеть по уши в мусоре, ждать пока придет старик и за всеми уберет. Даже в нашей поганой советской школе обязательно после уроков была уборка класса. А тут!

— А тут — другая страна и другая ментальность, — спокойно ответил Карасик. — Хочешь здесь спокойно жить — приспособляйся.

— Ты вот что, — продолжал он. — Нечего дурью маяться. Поступай в колледж на курс английского для иностранцев, *English as a Second Language* называется. Возьми аттестат об окончании средней школы, о высшем образовании — ни слова! Понял? Пусть жена с тобой тоже ходит, легче будет домашние задания выполнять. Возраст? — А возраст здесь не имеет значения. До ста лет можешь учиться.

Авраам был человеком честлюбивым и, когда его послали на пробный экзамен для определения уровня английского, он постарался сделать всё — и грамматику, и понимание устной речи, и письменное задание — по максимуму. В результате его сразу же определили на седьмой уровень из девяти, в чем он через полтора года горько раскаивался. Конечно, будь на месте компьютера живой экзаменатор, Авраам оказался бы на третьем или даже на втором уровне. Карасик его тогда же спросил, куда он так торопится.

— Работать. Причем заниматься квалифицированным трудом.

— Ну-ну, давай, товарищ Блюмкин, жми. Поглядим, что из тебя получится.

Довольно скоро Авраам увидел, что отличные оценки совершенно не сказываются на умении говорить и понимать живой английский. Жена в рейтинге отстала и её определили на пятый уровень. Группа у Авраама состояла сплошь из латиноамериканцев. Молодые парни и девушки, парочка из них на сносях, все они бегло тараторили на английском. Авраам с завистью слушал, как они перебрасываются с учителем шутками, и думал, что их способности ему вполне хватило бы, чтобы занять достойное место среди американских инженеров, да вот, бодливой корове бог рогов не дал.

У жены группа подобралась сплошь из *русских*. Жена приходила после занятий накаленная, словно после перебранки на коммунальной кухне и с долгими подробностями доказывала, что среди *этих выскочек* ей совершенно невозможно заниматься. Все лезут со своими замечаниями, как в очередь на последний автобус, кричат, разве только не отпихивают локтями друг друга. Бедная Сандра стала приносить на занятия увесистый колокол и когда страсти особенно накаляются, начинает звонить. Особенно там две противные особы Муза Кисина и её старшая сестра Любовь Кисина, незамужние. Младшая окончила когда-то двухгодичные курсы английского и всем-всем об этом доложила. Если кто отвечает на вопрос Сандры, она тотчас начинает поправлять, не дожидаясь ответа преподавателя, а если доходит очередь до сестры Любы, она просто её съедает заживо. Та обижается, разгорается скандал, и все должны это слушать! Есть еще одна, бывшая учительница литературы с голосом иерихонской трубы; когда ей что-нибудь неясно, может крикнуть на весь класс «Стоп!» и начать по-русски пытаться Сандру. Та останавливается и не понимает, что эта иерихонская труба от неё хочет. Шум подымается, как в пивной.

— Ты подумай, — продолжала жена, — пожилые люди, лысые, седые, морщинистые, согнувшиеся, а так себя ведут. Совсем всякий стыд потеряли.

К концу семестра Авраам получил от колледжа чек на четыреста пятьдесят долларов и уведомление, что если он бросит посещать занятия, то чек придется вернуть. В полном счастье он пришел домой и похвастался перед женой. Вот что значит Америка! Ничем не хуже России! Не только учит, но и стипендию дает! Четыреста пятьдесят долларов!

— Подумаешь, — пожала плечами жена, — мне выписали восемьсот пятьдесят. Ты лучше пойдя да выясни, почему тебе дали меньше.

Замечание жены вмиг испортило солнечное настроение Авраама. Действительно, с какой стати ей заплатили больше? Учится она хуже, уровень ниже...

«Никуда я не пойду, — решил он, поразмыслив. — Начну качать права, так у тебя деньги срежут, а мне не добавят, и получится, что мы, дураки, просвистели четыреста долларов из-за собственной жадности».

Со следующего занятия жена пришла ликующая.

— Послушай, как я их всех умыла! Пришла в группу, а там страсти кипят. Стоят, сбившись в кучу. Глаза сверкают от жажды узнать от каждого входящего, сколько ему начислили. Ко мне сразу трое кинулись — сколько тебе дали? Я возьми и скажи: тысячу семьсот пятьдесят два! И тут разыгралась прямо-таки немая сцена из «Ревизора». Наши «добродушные» еврейские лица — перекосило от зависти.

Один крикнул: «Как это может быть!?!», другая крикнула: «Надо пойти выяснить, почему такая несправедливость! Что я — хуже её учусь?» Третья догадалась: «Она врет! Пусть покажет чек! Пусть покажет!» Тут я взорвалась и сказала: «Не имеете права смотреть мой чек. Мы в Америке, а не в вашем Союзе! Не хотите — не верьте!» Тут вошла Сандра и никак не могла понять, отчего у всех такие красные озлобленные рожи. Она даже немного растерялась...

Безнадёжно отставая от темнокожих ребят в общении на английском, Авраам брал реванш на письменных упражнениях и осмыслении текста в учебниках. Выяснилось, что *болтуны* совершенно лишены способности мыслить логически, читают с ужасными ошибками и мало понимают прочитанное. Авраам, напротив, всегда на контрольных имел высший балл, но увы, — ни один магнит на свете не поднимет твой язык, сколько бы ты не съел железа.

Три семестра протекли сквозь сито времени незаметно, а привычка получать два раза в год денежки осталась. Чем бы заняться дальше? Молодой мужик, который вел у них последний семестр, исчеркал красным карандашом сочинение Авраама и поставил Би-минус. Протягивая ему листы, он настойчиво не советовал идти на расширенный английский.

— Что же мне делать? — растерянно спросил Авраам.

— Это уж вам решать, — ответил преподаватель.

Перед женой Авраам хорохорился — видали, мол, мы таких специалистов! Однако получать низкие баллы, позориться на шестьдесят втором году жизни не хотелось, да и программа становилась всё труднее.

— Чего киснешь? — спросил один из студентов явно за семьдесят, ковыляя по коридору колледжа с палкой. — Английский не потянешь? На кой черт дался тебе английский? Иди и запишись на математику, пока не поздно. Там уже полно наших.

— А разве можно?

— В Америке все можно и возможно! Поторопись.

«Наши» уже захватили все нижние уровни по математике. Группы оказались укомплектованными. Пришлось идти и сдавать экзамен на «*Precalculus 1*». Впрочем, Авраам был доволен. Он любил строить графики, а гиперболические функции он вообще в свое время пропустил, так что теперь, у гробовой доски можно было и потренировать свой

склеротический мозг. В середине семестра он столкнулся в коридоре с нестройной толпой соотечественников, ковыляющих на занятия по элементарной алгебре. Среди них выделялись две старухи явно за восемьдесят. Эти вообще ползли еле-еле. Посмотрел на них Авраам и пронзило его чувство острого стыда за них, за всех с крепким высшим советским образованием, прикидывающихся «шнурками» целый год ради тысячи долларов. Откуда эта патологическая страсть к деньгам. Это что — генетика?

Молчаливое шествие по коридору напоминало средневековую графику о «Смерти». Одну из старух он знал. Это была Анечка Рувимчик, теща удачливого зятя-миллионера, который позволял себе снимать в Нью-Йорке квартиру в престижном районе за сто двадцать тысяч в год (сама хвалилась), тогда как сама она жила в Л. в доме для неимущих.

Чувство стыда вылилось в раздражение, которое он сорвал на своей жене.

— Что ты к ним прицепился? — крикнула она. — А ты чем лучше?

— Я не хожу на элементарную алгебру и потом, мне не восемьдесят шесть, а шестьдесят два! Ты не видишь разницы?

— Не вижу! Ходит и ноет. Завалил квартиру вонючими книжками с барахолки. В квартире дышать нечем. Посмотри лучше, как они хорошо и ласково друг к другу относятся. Никто не брюзжит, никто не лает, все друг другу помогают.

— Помогают убивать время. Все бездельничают, умирают со скуки. Даже в магазин на своей машине не поедут. Нанимают службу из *русских*. Обеды им на дому готовят преподаватели консерватории, инженеры. Живут не по совести. Я тогда разозлился на Эдуарда, а теперь вижу, что он кругом прав. Я тебе так скажу: Если евреи действительно самый талантливый и умный народ в мире, то они должны показывать примеры достойного человеческого поведения, платить добром за добро, помогать стране, которая их приняла и всем обеспечила...

— Вот и помогай. Чего сидишь? Пойди волонтером ухаживать за стариками. Болтун. И всю жизнь болтуном был. Как до дела — так нет его. Посуду помой, теоретик!

Поразмыслив, Авраам понял, что истоки его раздражения кроются в недовольстве собой. Это он, еще вполне сносный специалист, не смог за четыре года реализовать свой потенциал и вместо того, чтобы пропадать по десять часов в день на работе, занимался ерундой, наблюдал за соотечественниками, которые тоже были людьми незанятыми. Кроме того, это были давно примелькавшиеся лица. Он их встречал то в магазине, то в очереди к врачу, то на концерте. Они всегда что-нибудь потребляли. Это было поколение потребителей. Когда он поделился настроением с Карасиком, тот ответил, что все правильно, так оно и есть, и должно быть. Просто Аврааму, выросшему в огромном городе, тяжело крутиться в маленьком мирке с его микроскопическими событиями.

— Вот, представь, что у тебя через лестничную площадку живет хороший мужик. Ты встречаешь его то на лестнице, то по дороге к дому и пока раскланиваешься, шутишь. Потом случилось, что ты стал его встречать в бассейне, в очереди к врачу, в магазине, в кино и, наконец, он стал регулярно сидеть у тебя на кухне. Ты пришел с работы или из колледжа, а он уже там. Курит, травит байки с твоей женой, морочит тебе голову последними новостями из газет. Я уверен, что вскоре ты взбесишься и станешь его избегать всеми силами.

— Я был в среду на похоронах Лёни-архитектора, — сказал Карасик, помолчав. — Мы с ним общались изредка. Хороший мужик. В войну командовал танковым взводом.

Наверное полгорода собралось в похоронном доме на Вест-Стрит. Для нашей *комьюнити* каждая смерть — интереснейшее событие! Думаешь им Леня шибко нужен? — Им развлекуха нужна. Они все нарядились, особенно бабы, сидели в зале, сплетничали, слушали в четверть уха воспоми-

нения сына и дочери об отце, а тем временем изучали, кто во что одет и кто с кем сидит. Зачем дети Лёни надрывались перед этой совершенно равнодушной толпой, ума не приложу. Выкатились после панихиды всем скопом на улицу, расселись по машинам. Все на машинах! Все! Доехали до кладбища, теснота, припарковаться негде. Вылезли. Вылупили зенки. Кто шепчется, кто хихикает. Забыли, зачем приехали. Одна дубленкой хвастает — дешево купила, другая о телесериале дудит подружке. Ни один не вышел, доброго слова о Лёне не сказал. Никто горсти земли в могилу не кинул. Вдова с детьми обходит всех, приглашает помянуть в ресторане. И едут, потому как — продолжение спектакля.

Я, лично, считаю, что горе надо делить только с самыми близкими. Вот если ты счастлив — не стесняйся, показывай, веселись, корми и пои! Пусть жрут, пусть завидуют, пусть сплетничают. От тебя не убудет. А в горе надо спрятаться и пережить его самому. Вот я *так* думаю.

— Я сейчас вспомнил своё детство в Харькове, — сказал Авраам. — Мы тогда жили недалеко от вокзала и от кладбища. Иногда мимо дома проезжала медленно-медленно трехтонка с покойником. Родные сидели в кузове по обе стороны гроба, за машиной шел оркестр и несколько друзей и знакомых. Ну, люди выходили из ворот, смотрели минуту и шли по своим делам. Но всегда было несколько человек, которые шли до самого кладбища и глядели, как опускают гроб в могилу, и слушали, как родные рыдают по усопшему. Так говорили взрослые. Потом, через много лет я убедился, что это правда. Это, наверное, отклонение в психике от нормы...

Прятели помолчали.

— Знаешь, что это за контора? — спросил Карасик, когда они проходили мимо внушительного здания на «Честнут Стрит».

— Ну, судя по тяжелым бархатным шторам на окнах, это должна быть солидная страховая компания.

— Ошибся, друг мой! Ошибся! Это культурно-оздоровительный центр «Будь Здоров», где многие наши соотечественники проводят добрую половину дня. Давай зайдем. Посмотришь, как о них заботятся.

— Так нас же выгонят.

— Никак нет! Мы скажем, что хотим стать клиентами заведения «Будь Здоров».

Они пересекли асфальтированный двор и вошли через двустворчатые неприметные двери в «предбанничек», где за конторкой сидела длинноногая леди лет сорока.

— Вам к кому?

— Мы хотели бы узнать, как оформиться в ваш центр.

— У вас есть *медикейт*? Хорошо. Пройдите налево и спросите Аллу Беленко.

Приятели прошли конторку и оказались в огромном зале, где за шестиугольными столами в тишине сидело и жевало человек сто, не менее. Вдруг тишина взорвалась боем столовых ложек по столешнице. Три старухи вполне пристойного вида колотили громко и вразнобой, и потому их стук особенно терзал уши. Публика за столами реагировала вяло. Авраам удивленно посмотрел на Карасика:

— Так это дом умалишенных? Мне, вроде бы, туда пока не надо.

— Это нормальный дом отдыха с двухразовым питанием и развлечениями, а что мы видим, я объяснить не могу.

К старухам с двух сторон уже шло несколько человек обслуги с пышногрудой дамой во главе, очевидно, начальницей. Старухи перестали колотить ложками, состоялся тихий успокаивающий разговор и обед продолжился.

Алла Беленко оказалась симпатичной белокурой со слегка вздернутым носиком. Таких любят помещать на американские открытки с пупсиком на руках. Она с охотой показала будущим клиентам соседний зал человек на сто, с креслами вдоль стен, музыкальную установку и рояль, компьютерный

зал (совершенно пустой), множество шахматных столиков, уютную библиотеку и небольшой бильярдный зал, где развлекало троё игроков.

— У нас двухразовое питание семь дней в неделю, поездки в бассейн, на экскурсии и прогулки в лес, выступают приезжие артисты и своя самодеятельность. Жизнь у нас бьет ключом. Вот буклеты, посмотрите потом.

— А сколько же стоит пребывание у вас? — поинтересовался Авраам.

— Ничего не стоит. Всё оплачивает *Медикейт*, — она пожала плечами и улыбнулась. В первый раз, мол, слышу такой наивный вопрос.

— Если не секрет, как часто у вас происходят выступления с ложками? — спросил Карасик.

— Да вы что! Просто эти дамы не хотят сидеть спиной к туалету, потому что мимо них все время ходят, и потребовали ротацию, неделю они, неделю другие и так далее. Мы, разумеется, пообещали исполнить.

Любезно распрощавшись, друзья вышли на улицу.

— Постой-ка, — недоумевал Авраам, — это что же получается? Восемьдесят человек, не менее, живут в бессрочном доме отдыха повышенного типа совершенно бесплатно? А денежки, которые им штат дает на проживание, они складывают в чулок? Так что ли? А во что обходится каждый человек, посещающий «Будь Здоров»?

— Точно не скажу, но где-то сто долларов в день набегает, но, может быть, и поболее... Эти милые старички и старушки уже почти сожрали деньги, отпущенные штатом на поддержание здоровья наших детей и внуков...

— Погоди. Так. Это примерно четыре миллиона долларов в год спускается в унитаз в буквальном смысле слова! И это при том, что состояние улиц у нас даже в центре города хуже, чем в Москве в районе Преображенского рынка. Что же за лохи сидят в правительстве штата! Нет, я решительно отказываюсь понимать такое транжирство. Старики выгля-

дят бодрыми, ездят в бассейн и на прогулки, денег у них не меряно. Полтинник на автобус — и езжай, купайся.

— Так сам бассейн денег стоит! А денег жалко! — ощерился Карасик. — Ты не волнуйся. Всё рассчитано. Одна семья взяла на себя труд устроить такой дом отдыха, выбила у штата деньги, обеспечила двадцать рабочих мест, если не более. Чего ты кипишь? Ты мыслишь советскими понятиями дележа общего пирога *по справедливости*. Так я тебе скажу — такого нигде в мире нет и никогда не будет. И слава Богу!.. И не бери на себя решение экономических проблем Америки. Надорвешься.

— Тогда ты, такой умный, скажи, почему в «Будь Здоров» ходит всего сто человек? У нас ведь пожилых под тысячу наберется. Чем эти сто отличаются от остальных?

— Скажу. От природы или от воспитания некоторые люди хорошо чувствуют себя в коллективе, их соседи не раздражают. А другие более комфортно чувствуют себя в одиночестве. Вот, к примеру, я даже с женой разъехался. Мне приятно ходить по квартире голым, есть что хочу и когда хочу, не слушать замечания и поучения. Даже в присутствии жены, которая знает мое тело наизусть, мне голышом ходить по квартире некомфортно.

— Получается, что коллективисты образуют меньшинство?..

— Не знаю. Возможно. Вот, к примеру, в кибуцах работает не так уж много народу. Да не в том дело. Не в том, что они всё получают по первому требованию, а в том, как они при этом ведут себя. Нагло и некрасиво! Впрочем, почти всё окружающее нас большинство ведет себя так же.

В среду Авраам по пути к врачу столкнулся с Самуилом Борисовичем. В последнее время тот стал его раздражать страшно деловым видом и нудными назиданиями. Сейчас Самуил загружал в багажник «Форда» не менее полусотни банок с солеными огурцами и покряхтывал от удовольствия.

— Чего глядишь? Иди, покупай, пока *сэйл в Стоп-энд-Шопе*.

— Куда вам столько? Где это всё хранить?

— Это уж моя забота, — в голос Самуила появились начальственные советские нотки. — Экономика должна быть экономной! Помнишь, кто это сказал? Нет, не Маркс. Брежнев это сказал и правильно сказал, хотя, — скорее всего, повторил за умным человеком.

«За таким, как ты», — подумал Авраам, но промолчал.

— Значит так, — голос Самуила приобрел особую значительность. — Мы с супругой решили пригласить вас на мой семидесятипятителетний юбилей в воскресенье. В субботу мы, как евреи, стараемся ничего не делать. Вина не приноси. Здесь все дарят деньги. Но лучше, если ты принесешь букет цветов.

Самуил арендовал зал и позвал человек шестьдесят гостей, людей пожилых и совсем старых, так что Авраам с женой сошли за молодежь. Знакомых не было, хотя со многими они сталкивались очень часто. Рядом сидел малорослый, но весьма упитанный господин с необъятного размера супругой, который, едва успели принять первую рюмку, стал заваливать Авраама вопросами: «Давно приехали? Где живете? На каком этаже? Кем работали раньше? А где дети? Почему в Москве?..» Авраам чувствовал, что начинает накаляться:

«Что ему, постороннему, до моих дел, до моих детей?» — он стал отвечать все неохотней, и сосед тут же с обидой изрек:

— Не хотите отвечать, — так не надо! — и повернулся к своей «снежной бабе».

Торжество было задумано с большим размахом. Между второй и третьей рюмками в центр зала вышло человек восемь женщин в бумажных поварских колпаках и один мужчина-запевала. Все они держали листочки с текстом. Солидная дама с высокой седой шевелюрой села за кейборд, и представление началось:

*Снова годовщина
Опять у Самуила.
Снова все мы — за столом,
И летят телеграммы,
Только нет папы с мамой,
Но их память в сердце мы несем.*

*Годы пролетели
Все мы поседели,
Кто-то даже полысел,
Но вставными зубами
В жизнь вгрызаемся жадно,
Нам и девяносто — не предел.*

Авраам вспомнил из Шолома-Алейхема:

*У нашего рабэ реб Шмуел Габе
Пухлый и мягкий живот.
Он сидит у стола
И тащит из котла —
Прямо-таки пар идет...*

А певцы приступили к припеву:

*Зажги же лампу Муля,
Пусть ярче светит.
Ведь за столом сегодня — все друзья!
И наши дети с нами — какое счастье!
Вот, видишь, дожили — и ты, и вся семья.*

Авраам наклонился к жене:

— Это здорово у них получилось как они вставными зубами жадно...

— Тише ты, критик!

А октет тем временем создавал эпическую картину семейного счастья Самуила:

*Марик стал программистом,
Идочка — нёрс-ассистэнт,
Боря наш компьютер одоле-ел,
Аня школу кончает
И свой путь выбирает,
А Сёмочка в футболе преуспел.*

И мы здесь не скучаем, английский изучаем,

(тут Аврааму стало неловко — оказывается он с ними заодно, а хотел было дистанцироваться...)

*Молодым бы нашу прыть!
Ярд-сэйлы, и фильмы, и турпоездки, и интернет —
Океан мы можем переплыть!*

— Чтобы поцеловать родную землю, — добавил Авраам и получил локтем в ребра от любезной супруги.

Величанье Самуила продолжалось. Последовал «оригинальнейший» тост за супругу. Что-то подобное полуспущенному воздушному шару возникло над столом. Очки блеснули над ястребиным носом, тонкие губы раздвинулись, обнажив блестяще-белый американский протез. Как шар под ветром, она завертелась, раскланиваясь на три стороны под стишки на мотив «Чариты»:

Ай, как стройна! Прямо красotka...

Четвертая рюмка попала в цель. Авраам почувствовал блаженство и, заметив через три стула миловидную брюнетку, решил обязательно к ней подойти в антракте. К ужасу супруги, он довольно громко пропел своё окончание стишка:

*И задницей вертит и крутит она,
Как будто у ней чесотка...*

О счастье! Он был услышан брюнеткой. Она расхохоталась так искренне, что он почувствовал себя на двадцать лет моложе.

Чествование шло к концу. Перед горячим пожилая пара, держа перед двумя парами очков листок, продекламировала под аплодисменты сидящих:

*Мы милому Муле
Желаем здоровья.
Пусть Мулю минуют ненастья!
А также всем сердцем
Желаем мы Муле
Побольше еврейского счастья!*

— Послушай, *еврейское* счастье всегда принималось, как среднего калибра неприятность! За что же они его так?

— Набрался, пьяница! — в голосе жены зазвучали злые нотки.

Между тем, зазвучали советские песни. Публика оживилась, и вот уже появились первые пары. Самуил, видимо, считал участие в танцах ниже своего достоинства, сидел и рассуждал перед двумя серьезными стариками, а его супруга, тем временем, плыла в объятиях коротышки, который вцепился в оборки её платья, как в стропы парашюта. Как только нашелся кавалер для жены, Авраам быстро шагнул к незнакомке и с низким поклоном пригласил к танцу.

— Вы здесь в качестве кого? — спросил Авраам, стараясь прижаться к прекрасному бюсту. — Я знаком с Самуилом четыре года, но не пойму, за что мне оказана такая честь.

— Я — жена его непутевого племянника. Зовут меня Нина, и я не люблю, когда меня кличут Ниночкой, Нинулей, Нинусей и прочим с уменьшительными суффиксами.

— Понял. Всё понял. Я здесь — Авраам.

— То есть, *отец всего еврейского народа?*

— Почти. Наблюдая этот мир в течение пяти лет, я решил отказаться от отцовства.

В танце они поплыли мимо группы мужчин, откуда слышалось хвастливое:

— Между прочим, я — единственный во всей Америке, который получил в свое время *дизабилити* по моей болезни.

Нина не выдержала и расхохоталась, закинув голову. К счастью, они уже отделились шага на три-четыре.

Музыка кончилась. Гости сидели, лениво ковыряя остатки гастрономии. Кто-то еще хорохорился, подначивая допить остатки водки. Разговор утратил былую живость и всеобщность, подобно тому, как большой огонь распадается на малые очажки, в котором дотлевают отдельные поленья. Дама с седой шевелюрой сидела за кейбордом, старательно играла «Мурку» и напевала:

*Там сидела Мурка, и у ней под юбкой
дробом был зараженный наган...*

Авраам почтительно попросил «телефончик» у Нины и был осчастливлен. Настроение у него улучшилось, он стал мечтать о звонке и планировать свидание. Жена на него косилась время от времени весьма подозрительно. Чаши весов семейных отношений пришли в движение.

— Слушай, а ты был прав, когда озлобился на служащего синагоги. Тут в газете на русской странице одна американка чеховстит рэбая, — Николай вытащил четвертушку листа. — Вот:

...руководство синагоги использует авторитарные методы управления, игнорируя демократические принципы. В синагоге уже долгое время не проводятся финансово-отчетные и перевыборные собрания, все решения принимаются за закрытыми дверями. Администрация не заинтересована в привлечении молодых семей. Возникает угроза закрытия синагоги...

Ну, и так далее.

— Всё понятно. Рэбай ворует по-черному и не хочет, чтобы его проверяли.

— Самое интересное на закуску, — перебил Карасик. — Курсивом: *Письмо также подписали несколько русскоязычных членов синагоги, попросившие не публиковать их имена.* Как это похоже на наших! Кстати, здание синагоги было в свое время выкуплено у церкви. Колокольня, как ты видел, огромная. Что с ней делать — не разрушать же. Вот рэбай и придумал поставить вместо креста менору.

— Прямо как в старом анекдоте, где соревновались раввин и священник. Священник купил «Волгу», а раввин — «Запорожец», священник окропил машину святой водой, а раввин отрезал ножовкой по металлу радиатор...

— Я слышал, что новую церковь при открытии освящают, а что делают с новой синагогой?

— Наверное, благодарят *Б-га* за содействие в строительстве...

В одну из суббот Авраам провожал жену в двухдневную экскурсию в Филадельфию и с большой радостью наблюдал, как битком набитый евреями ковчег отчаливает от тротуара. Впереди было почти три дня свободы. Дома он тщательно побрился, постриг волосы в носу, помазал дезодорантом подмышки и позвонил по заветному мобильному телефону Нине. Стараясь скрыть волнение, он небрежно сказал, что рад бы встретиться, чтобы освежить первые впечатления и набраться новых. Нина без кокетства ответила, что она назначила свидание с подружкой в кафе «Панера», что на площади в Ньюпорте, и если для него это расстояние не препятствие, то она с удовольствием с ним увидится часов в двенадцать, не ранее. Нет, он не мечтал об интрижке. Зеркало не врало — он выглядел бодрым стариканом шестидесяти трех лет, и шансов завоевать сорокапятилетнюю миловидную женщину у него не было. Ведь он не был артистом, художником, музыкантом, писателем или поэтом. Он был *бывшим* инженером-связистом. Его остро-

умия, которое он накопил за последние пятьдесят лет, едва хватило бы на пару часов, а потом она посмотрела бы чуть внимательнее на засушенного Геркулеса и передернула плечами. Однако он был мужчиной, потому что чувствовал себя мужчиной и знал, что должен явиться в кафе с букетом цветов. И с небольшим опозданием, чтобы дать женщинам пообщаться.

Нина сидела с подругой у окна.

— Знакомьтесь, это Таня. Мы с ней подружились десять лет назад. Она работает в одном замечательном заведении, которое мы назовем «Мистер и Миссис Икс», и там обслуживает наших престарелых. Очень смешно и одновременно грустно слушать, как эти люди, которые в России были тише воды и ниже травы, стали воображать, что здесь им всё дозволено.

— Я все время удивляюсь, — продолжала Таня, — откуда взялась эта пена? Вот, приходит бывший начальник автобазы. Ему восемьдесят шесть лет. Требуется, чтобы ему дали тридцать тысяч долларов на зубы. Он явный агрессивный алкоголик, разговаривает совершенно безобразно. Мои девчонки плачут от унижения, а я должна его успокаивать, взывать к его разуму, совести.

«Давайте мне распечатку, куда вы тратите мои деньги! — орет он. — Это мои деньги, и вы обязаны дать отчет!»

Я ему объясняю, что «Медикер» такие расходы не покрывает, а он начинает стучать кулаком по столу. Хорошо, что не по морде!

Другой, чуть помоложе, пришел требовать «Виагру». Я ему говорю, что Медикер запретил выдавать без рецепта врача, потому что участились смертные случаи, а он кричит, что найдет на меня управу. Понимаешь, они осмеливаются на нас кричать! Они! Что я должна ему сказать? Я и говорю: «Ищите управу».

— Вот пакость! Вы правильно назвали их пеной.

— Нет, вы не представляете, что это такое. Звонит один тип и говорит: «Так! Чтоб негров ко мне не присылали во-

зить меня в госпиталь!» — Как вам это нравится! Это говорит человек, который в России при слове «жид» готов был сквозь землю провалиться.

— Знаешь, Таня, я готова понять этих скандальных стариков. У них каждый день что-нибудь новое болит...

— А как же они *там* жили? С кем они *там* скандалили? Кого они *там* унижали?

— А вот два совсем свежих анекдота. Звонит один ко мне: «У вас есть сервис, чтобы возить меня в лес?» «Нет». «Так создайте! Я — жертва КГБ!»

Другой звонок от не очень старого мужчины: «Запишите меня к невропатологу, но *цито*. Знаете, что такое *цито*?» — «Я знаю, что такое *цито*. Срочно можно записать вас только к психиатру и гинекологу». — «Вы закажите мне *аппойнтмент*, а я сам разберусь!» — «Мы не заказываем *аппойнтмент*. У вас есть сын или дочь?» — «Моя дочь работает. Ей некогда! Это *вы* должны нас обслуживать!»

— И так почти каждый день. От этого нахальства устает в сто раз сильнее, чем от работы, которую с тебя требуют.

— Что-то у нас слишком грустный разговор получается. Авраам, раз пришли, начинайте развлекать милых дам. Расскажите, чем живет община города...

— Недавно приезжал Александр Городницкий. Выступал в синагоге у Зайчика...

— Оказывается, не только у евреев есть синагога! — Замечательно! — засмеялись женщины.

— Что значит приятное общество! — с воодушевлением воскликнул Авраам. — Экспромты рождаются сами собой. Так вот, народу набилось под завязку, хотя его песнями в России увлекался далеко не каждый десятый. Я имею в виду и возраст, вполне преклонный еще в те времена, и вкусы тех времен. Наш бард превратился в красивого седого джентльмена. С него картину бы рисовать — лорд Городницкий с детьми и собаками. Жаль только — Гейнсборо нет. Послушали мы его, погрустили...

У меня был начальник, доктор технических наук Марк Колтун. Светлейшая голова. Английский знал, как нам и не снилось. Когда разрешили выезд, я спросил его, чего он не едет. Он был известен и в Европе, и в Америке. А он ответил: «Аркадий (я там в Аркашках ходил для удобства населения), только на русском я могу выразить себя максимально».

Что же касается нас, то почти все вообще английским не владеют, а литературным языком даже вы не владеете, я уверен. Только не обижайтесь. На правду обижаться нельзя... Не могу до сих пор привыкнуть к тому, что кофе пьют в Америке из такой примитивной посуды, — типичная химическая фарфоровая кружка на триста миллилитров. Теперь рассказывайте вы, Нина, у вас круг общения шире.

— Моя мама стала ходить в «детский садик». Как раз в вашем городке, Авраам. Уже через неделю она стала свидетельницей комического скандала. Аня Юдович каждый день приходила в новой кофточке. Её соседка по столу Ида Портнова возьми и скажи: «Ты что же, каждый день покупаешь новую кофточку, а на следующий день сдаешь в магазин обратно?»

Что тут началось! Ида, оказывается хулиганка и хамка, и её кофта, в которой она ходит целый год, уже воняет, она — неряха, у неё еда валится изо рта, она чавкает. И вообще она, Аня, никогда больше с этой грязной старухой не сядет. Пусть её пересадят немедленно! В противном случае она перестанет сюда ходить.

Администрация тут же на цыпочках побежала улаживать конфликт, а моя мама затосковала и вечером робко так спросила меня, неужели в этой затхлой атмосфере ей суждено пробыть до конца жизни? Я её утешала, как могла, и попросила подождать еще немного и если ей станет невмоготу, мы откажемся от этого «садика». Все-таки, там хорошая библиотека, концерты бывают, поездки в парк и прочее.

— А я там однажды был, — вспомнил Авраам и описал, как три старухи колотили ложками по столу. Тут они расхотались так, что Таня закашлялась.

— Самое неприятное в том, — сказала она, отдышавшись, — что все наши евреи, посещающие «садик», уверены, что всё окружающее их великолепие им *положено*. За что положено, за какие заслуги, их не интересует. Тот, кто взял на откуп у штата эти «садики», делает хороший бизнес и вопросы морали его не интересуют. Чем больше людей посещает его заведение, тем больше у предпринимателя денег, так что механика его бизнеса проста. Поэтому персонал лезет вон из кожи, чтобы угодить каждому клиенту. А некоторые клиенты уже и ноги на стол закинули, как в известной русской поговорке.

— Я тут мимоходом открыл один из законов истории: максимальными привилегиями пользуются не те, кто отдал за них силы, а те, кто сумел выжить и прожить долгую жизнь. К примеру, мой знакомый, которому сейчас восемьдесят пять лет, в войну служил в артиллерии стратегического назначения и ни разу не вступил в контакт с противником. Он благополучно закончил войну и стал театральным деятелем. Сейчас у него огромная пенсия участника войны, к его услугам госпитали и санатории высокой категории и прочее, и прочее. То же можно сказать про наших евреев от шестидесяти и старше. В семидесятых годах евреи боролись за право выезда из СССР. Их подвергали травле и издевательствам, выгоняли с работы, сажали в психушки. Но они, в конце концов, победили. И вот, теперь те, кто не внес в дело освобождения ни грамма, пользуются неисчерпаемыми привилегиями. — Авраам помолчал, вспоминая. — Когда я был в девятом классе, в Москве на одной из выставок демонстрировалась картина Ларионова «Обеспеченная старость». Среди баранок, сушек и самовара — улыбающиеся лица ветеранов сцены. Им бы, бедолагам, взглянуть на сосредоточенные, хмурые лица наших евреев за обеденным столом и спросить: «Чего же еще вашей душеньке угодно?»

Минуты встречи истекали. Авраам чувствовал, что он малоинтересен им, работающим и озабоченным своей карьерой и своими детьми, что второго свидания с Ниной, тем более, наедине — никогда не будет. Ему стало грустно. Надо было проститься поскорее и с достоинством.

— Леди, — сказал он, поднимаясь, — к сожалению, я вынужден вас покинуть. Сегодня я должен закончить очерк о космической связи для журнала «Вестник». Всего вам доброго.

— О, вы сотрудничаете с журналами! — воскликнула, правда довольно вяло, Нина. — Это интересно. И вам всего доброго. Где-нибудь и когда-нибудь встретимся. Мир тесен.

Наступил очередной еврейский Новый год — Рош Хашана. Авраам встретился с Карасиком у синагоги. Николай протянул ему синий с золотом томик древних молитв «Махзор».

— Дарю, — сказал он величественно, словно дарил полцарства. Прочти внимательно сто шестьдесят первую страницу и прими к сведению.

— А что там?

Карасик ткнул пальцем:

— Смотри: «Ибо Бог Всевышний грозен — Царь великий над всей землею. Он подчинит нам народы и племена (повергнет) к ногам нашим!» — Какие чувства, по твоему разумению, эти народы и племена питают к евреям, особенно тем, которые считают, что всё изложенное есть абсолютная истина?

— Антисемиты всего мира принимают эти слова всерьез, ты их и в Торе можешь найти. Знаешь, кстати, как Самуил доказывает превосходство евреев над всеми народами? Он говорит: «По числу Нобелевских лауреатов евреи занимают первое место». Я ему отвечаю, что среди англичан и немцев Нобелевских лауреатов не меньше.

— Да, — признаёт он, — но в *процентном* отношении к числу людей данной *нации*...

— И знаешь, — он прав, — добавил Авраам. — Евреи умнее других народов. Это статистика, а не пропаганда.

— В середине шестидесятых годов я слышал от одного крупного физика о проведенном социологическом исследовании, где было показано, что только четыре процента работающих в науке имеют творческий потенциал, остальные могут быть только исполнителями и идей не генерируют. Евреи с их тягой к образованию, как одному из немногих отпущенных им средств сделать карьеру, наверное, значительно превышают пропорциональный процент в научных коллективах, будь то научно-исследовательские организации или университеты. Отсюда и творчески мыслящих евреев в науке больше в переводе на проценты к остальным нациям. Статистикой, мой милый, тоже можно жонглировать да еще как!

— Ты что же, стал читать «Еврейский Мир»? — спросил Авраам, взглянув на газету, торчащую из кармана куртки Николая.

— Читать там нечего. Забавно, как они ругаются между собой и травят инакомыслящих. Тут один парень признался, что он стал христианином, хотя мать его еврейка. Что тут началось! Как посмела еврейская газета печатать письмо выкреста, «выродка»! Выгнать главного редактора! Это слюнтяйство есть угроза существованию еврейского народа! Одна образованная женщина осмелилась напечатать в «Вестнике» свое мнение: «Почему мы ожесточенно клянем человека, выбравшего не ту религию?» Кто или что поможет выздороветь тем, кто нетерпим к чужому мнению, не щадит чужого самолюбия, не чувствует чужой боли? — Так её тоже смешали с навозом. Помню, Кончаловский Андрон где-то писал, что российские евреи — своеобразная порода, что советская система оставила на них несмываемую печать. Это не просто евреи, — пишет он. — Это *юдо советикус*.

Блюстители еврейской чистоты издают газету «Еврейский Мир» на русском языке! Это ли не парадокс? Помню,

мой знакомый сочинил целый цикл пародий «Песни пересмешника», и там был стишок:

Да будь я хоть негром преклонных годов
И то без унынья и слез
Я иврит бы выучил только за то,
Что им изъяснялся Христос.

— А скажи-ка, Адик, почему еще до революции издали «Еврейскую энциклопедию» на русском языке?

— Не знаю, но не исключаю — для того, чтобы показать русскому народу, как велик вклад евреев в мировую и в русскую науку и культуру.

— Может быть, ты и прав...

— Я вот что хотел сказать. Нетерпимость евреев сегодня связана не только с советским режимом, который, разумеется, воспитывал все народы в духе «кто не с нами, тот против нас». Вся история евреев — это сплошной раздрай. На крошечной земле Иудеи никогда не было покоя и согласия. Исключение — короткий период правления трех царей. После Соломона опять началась свара. И я думаю, что тут виноват еще бешеный еврейский темперамент. Вот, люди с Кавказа, или как их кличут — люди «кавказской национальности» тоже очень темпераментные, и бывшие югославы тоже. Не зря у них до сих пор нет мира. Отсюда и нетерпимость, и зло к инакомыслящим, к инородцам.

«Люди, которые живут в пустыне, всегда интересуются Богом. А если очень жарко, им даже кажется, что они его видят. А если им сильно напечет голову, они начинают с ним разговаривать». — Это слова одного великого еврейского писателя, в которых, как мне кажется, видны истоки еврейского первенства в поисках Б-га. Темперамент ведь не есть только секс и свары, это еще и интенсивность работы ума...

Карасик посмотрел на Авраама с веселым удивлением:

*«Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Адик, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.»*

— А не пойдете ли *Ви к Бениной маме?*! — столь же весело осведомился Авраам.

— По поводу новой теории и Нового года надо выпить и немедленно! — воскликнул Николай, вытаскивая заветную фляжку с коньяком.

Прятели забежали во двор синагоги и, втиснувшись между пристройками, сделали по хорошему глотку.

— А теперь к океану, чтобы омыл наши истосковавшиеся вдали от отчизны души!

Постепенно, шаг за шагом Авраам приспособился к жизни в русской коммьюнити. Выходки соплеменников уже не так раздражали его, как в начале эмиграции. Теперь он много времени отдавал высшей математике. Его восхищало качество и содержание учебников, отпечатанных на потрясающей глянцевой бумаге. Он гордился, как мальчишка, получая высший балл на контрольных и экзаменах. Вскоре по совету одного физика, доктора наук из Петербурга он оформился на помощника преподавателя математики (тьютора) и стал прирабатывать по пять сотен долларов в месяц. Студентами его были в основном выходцы из Африканских стран и Центральной Америки. Начальной подготовки у них совершенно не было, и он учил их четырем действиям арифметики, потом десятичной системе счисления, потом простейшим уравнениям с одним неизвестным и неравенствам. Когда его студент бурно радовался, самостоятельно построив график прямой линии по уравнению, Авраам радовался вместе с ним.

Жена Авраама, окончив курсы английского, прочно осела дома. Весь день лежала на правом боку, смотря бесконечные американские фильмы и программы путешествий. Она

очень располнела, была недовольна собой, но отказать себе в удовольствии поесть острого или жирного не могла. Не умея разрядить накопленную энергию, она стала очень раздражительной, делала бесконечные замечания мужу, а он смотрел на сварливую, толстую, старую бабу и, чувствуя, что сам может вот-вот взорваться, старался побыстрее выскользнуть из дома. В колледже ему было комфортно. Он брал с собой книгу или учебник и заранее радовался нескольким часам, которые проведет в тишине и покое, сидя в удобном кресле.

Ему очень хотелось встретиться с Эдуардом и вновь поговорить без лишних эмоций о жизни, «о королях и капусте». Он ведь теперь стал мудрее, лучше понимает окружающий мирок... Наконец он собрался и позвонил.

Эдуард вспомнил его и пригласил к себе домой — на улице дул свирепый океанский ветер с сырым снегом. Авраам вошел в квартиру и поразился аскетизму и роскоши, в которых жил Эдуард. Гостиную занимал огромный стол, за которым хозяин творил. Его творения — коллекции минералов, гипсовые скульптуры, графика стояли вдоль стен между книжными шкафами с книгами по искусству. Весь быт составляла скромная лежанка, покрытая лоскутным одеялом, письменный стол, на котором стояли плоский телевизор и компьютер и пара жестких деревянных кресел.

Эдуард сдвинул бумаги, поставил две чашки, две рюмки, бутылку французского коньяка и кофейник. Разговор завязался сам собой. Авраам рассказывал о постоянном раздражении, которое испытывает к окружающим, и о попытках доискаться до причин. О том, что одинок и не может завести знакомых. Что один-единственный друг Николай уехал вслед за детьми на берег Тихого океана, и теперь ему просто не с кем общаться.

— В России я презирал режим и тяготился окружающими меня людьми, но потом я встречался с друзьями и оттаивал душой. Знаменитая поэтесса сказала: «Друзей моих пре-

красные черты...», вот так я вспоминаю своих далеких друзей. Но сколько можно прожить, питаюсь одними воспоминаниями?

— Я вас понимаю, — ответил Эдуард. — Вы здесь вошли в вынужденный контакт с людьми психологически вам неравноценными. В культурном отношении многие из них, как я думаю, ничуть не уступают вам, но они вам чужды. Они, со своей стороны, тоже чувствуют в вас чужака, индивидуалиста. При всём при том, учтите, что мы говорим о совершенно определенной возрастной категории — от шестидесяти и старше. Те, которые моложе вас на двадцать-тридцать лет, легко вписались в новое общество, заняли там прочные позиции, работают на износ, им ваши проблемы непонятны, а их дети стали американцами. У них будут американские проблемы, когда они вырастут.

— Знаете ответ на загадку, которую я придумал, — перебил Авраам: — Кто это такие — не сеют, не пахут, а сыты бывают? — Наши евреи, которым за шестьдесят.

— Надо смотреть глубже, — ответил Эдуард. — Перед вами действующая модель коммунистического общества. Люди из формации загнивающего социализма одним скачком переселились в коммунизм, который предполагает высокий творческий потенциал каждого члена общества. Еврейство тут ни при чем. Любой национальный коллектив, поставленный в условия всемерного удовлетворения всё растущих потребностей, начинает деградировать. Человек обязан трудиться. Всегда. До самой смерти. Речь идет не о хождении на службу, а о том, что каждый должен занять себя разумной деятельностью, не ограничиваться одним потреблением. В противном случае вместо Ренессанса мы будем иметь расцвет маразматического *Потреблянса*. Собственно, этим же порочным путем идет сейчас Америка и ведущие страны Европы. Грядущая экологическая катастрофа есть следствие всемерного и все растущего удовлетворения потребностей населения. Никто не скажет, что пора остановиться, начать экономить ресурсы, уменьшать количество мусора, что хва-

тит жрать в три горла. Законодатели не понимают, что мы, как биологический вид, можем зайти в тупик, из которого не выйдем, что неисчерпаемы лишь духовные ценности и только их неограниченное потребление способствует истинному прогрессу.

Кстати, в Германии большие проблемы с бывшими Поволжскими немцами. Те приехали из бедных и грязных городов и деревень бывшего СССР, и свалившееся на них изобилие в виде пособия привело к их форменной деградации. Пособия им вполне хватает на еду и выпивку, работать они не хотят, учиться тоже. У них свой коммунизм. Без духовных потребностей.

Нетерпимость же имеет своим корнем национальное высокомерие, которое раньше было загнано вглубь и не смело высываться. В сочетании с бывшим рабством оно образует гремучую смесь — ксенофобию, которую раньше все осуждали у великих (по числу) народов. Для изменения ментальности должно пройти длительное время, которого у старшего поколения наших евреев нет. Такими, какие они есть сегодня, им и помирать суждено.

— Мой друг Николай говорил мне: «В крошечном Израиле двадцать разных конфликтующих партий. О каком единстве нации можно говорить при таких условиях?» И высказал прямо-таки крамольную мысль что война Израилю нужна не меньше, чем арабам. «Война способствует сплочению евреев»...

— Забавно, — откликнулся Эдуард. Видно было, что тема ему наскучила и слушает он лишь из вежливости. — Мандельштам писал о своем еврейском учителе, от которого впервые узнал о чувстве еврейской гордости, но не поверил ему, потому что учитель, едва выйдя на улицу, тут же о своей гордости забывал.

Видно было, что он додумывает свои мысли, и присутствие Авраама ему несколько мешает. Они опять простились с холодком.

Отсутствие желаний делает время тягостным фактором. Старость компенсирует это ощущение тем, что человек движется и работает медленнее, чем в прежние годы. Замедляются и мыслительные процессы. А вот, эмоции не стареют. Старые обиды жгут так, словно всё случилось буквально вчера.

Приезжала в гости дочь с мужем и двумя внуками. Авраам из кожи вон лез, чтобы поводить их по столице штата, съездили на Ниагарский водопад, в казино, гуляли по берегу океана. Гости, каждый год отдыхающие в Италии, Испании, Греции, только фыркали. Еда невкусная, дороги в плохом состоянии, жалкие домики — а они-то думали, что в Америке всё-всё высшего класса. Музеи приличные только в Нью-Йорке. Правильно они сделали, что остались в Москве. У них дача в пять раз больше, чем халупы за четыреста тысяч долларов, а сделаны из прессованного картона. У Авраама от обиды на этих пижонов кривились губы. Он давно стал патриотом Америки и находил её идеальной страной для проживания. А недостатки есть у всех стран. В России, например, хорошо живут одни жулики. Дети приняли последнее замечание на свой счет и страшно обиделись. Расставались холодно. Жена целый год пилила Авраама и понуждала послать дочке покаянное письмо. Он же уперся, как осёл, и чем дальше, тем становился упрямее.

Жена каждый год ездила в Россию. Один год — к дочке, другой — к сыну. Вдвоем было бы очень накладно, да Аврааму и не хотелось. Наконец, собрался повидать друзей, благо стал гражданином Америки, упростилась процедура поездки. Поехал на двадцать пять дней. Приехал и увидел, как мало по существу за десять лет изменилось. Злобные и усталые люди в метро, грязные подъезды и забитые мусоропроводы, ужасающие общественные туалеты. Неописуемая черная грязь на улицах, жуткий загазованный воздух. Старики-друзья, перебивающиеся кое-как на крошечные пенсии. На ремонт жилья нет денег. Садовые участки стали палочкой-выручалочкой. Музеи, правда, остались столь

же прекрасными. Появились новые памятники. В центре прямо-таки эпохальное строительство. Небоскребы налезают друг на друга. Торжество помпезности. Архитектура взбесившихся тортов с кремом. Хотел пройтись по переулкам своего детства, попрощаться навсегда. Оказалось, не только переулков — даже следов от улицы не осталось. Уехал с щемящей болью в душе, чтобы никогда больше не возвращаться.

Вернулся — и как обухом по голове, — у жены опухоль мозга. Нужна срочная операция. После операции жена так и не оправилась. Через полгода схоронил её на местном еврейском кладбище. Опять сбежалось полгорода, глазели, шушукались. Авраам никого на поминки не позвал. Прямо на могиле сказал спасибо всем, кто пришел, сел в машину и поехал домой. Плевать он хотел на них, на всех. Плевать в их любопытствующие, бесстыжие, холодные глаза. Дети на похороны не приехали, да он и не ждал. Сидел неделю дома, не выходил на улицу. Вспоминал прошедшую жизнь. Потом сел за стол и начал письмо воображаемому брату. Решил не щадить ни себя, ни родственников, ни друзей, ни врагов. Смысл был один — жизнь, как бы ни была привлекательна, несет в себе тяжкое проклятье расплаты, и потому ни черта она не стоит, сколько ни проживи.

Став бобылем, Авраам оказался неожиданно предметом пристального внимания престарелых дам. Он и помыслить не мог, что в их городке столько нежных сердец желает вновь соединить свою судьбу с мужчиной, хоть и преклонного возраста. Сначала он даже не понял, что на него пошла охота. Подруги жены стали зазывать его в гости, причем за столом обязательно оказывалась некая очередная особа, тщательно выкрашенная и причесанная, намазанная и припудренная, эрудированная в области литературы и искусства, любительница хорошо покушать и чуточку выпить. Почти у всех претенденток дети жили в Америке, но с *милой мамой* общались в основном по телефону. Дети были

хорошо устроены, жили в собственных домиках, платили ренту и без усталости летали по всему миру, когда выпадало несколько свободных дней.

Авраам смотрел на увядшие губы, утянутые, но выпирающие к подбородку животы и груди, ощущал запах тления и тосковал от безысходности бытия. Спасала четвертая рюмочка водки. Он становился общительным и остроумным. Претендентки были в восторге, но проходил легкий хмель — и словно огонь в нем потухал. Он вставал, быстро раскланивался, несмотря ни на какие уговоры, и уходил к океану развеяться.

В течение двух лет после смерти жены он видел с перерывами один и тот же сон. Он шел по знакомой до малейшей трещины в камнях набережной и всюду встречал застывшие фигуры знакомых, которых видел на кладбище. Полуоткрытые в улыбке рты и совершенно неподвижные глаза вселяли в него, спящего ужас. Он просыпался с сердцебиением и долго не мог успокоиться.

Да, в одиночестве способен жить не всякий. Кончилось тем, что он пошел в ближайший «детский садик». Два дня он помогал студентам в колледже, три дня развлекался в «садики». Выходные были самыми тяжелыми днями недели. Жизнь остановилась подобно зависшему фильму в Интернете. Прямо хоть отключай компьютер.

Отсутствие расходов позволило ему уже через год отправиться в круиз по странам Европы. Он плыл на тринадцатипалубном лайнере, купался в бассейнах, сидел в сауне, листал русские и английские журналы, заходил в бесчисленные магазины, но на покупки не было аппетита. В Риме он послушно шел за русскоговорящим гидом и думал лишь о том, что жизнь прошла, что ничто уже не радует и по-настоящему не интересует. Всё это должно было случиться раньше лет на двадцать, а лучше — тридцать.

«Развалины бродят по руинам, — усмехался он, оглядываясь на подружек из «детского садика».

Так прошло еще три года и вдруг произошло событие, которое разделило старых евреев, *знатоков политики, мировой экономики и мировой истории*, на два враждебных лагеря. На пост президента впервые в истории Америки выходил чернокожий. Молодой, энергичный, прекрасно образованный против дряхлого, вялого, сидящего на гормональных уколах белого претендента.

Общество в «сади́ке» поляризовалось. Большинство ма-разматических старичков и старушек решительно осуждали тех, кто решил голосовать за *черного*. На вопрос: «Почему?» следовал категоричный ответ: «Потому что он черный!» Нетерпимость евреев в «сади́ке» дошла до того, что *меньшевики* боялись рот открыть. Местные русскоязычные средства массовой информации развернули кампанию по науськиванию еврейской массы против черного кандидата. По сути и духу они копировали российские СМИ и пованивали советским «патриотизмом». Израильская русскоязычная печать подливала масла в огонь, утверждая, что евреи из России, проживающие в США и работающие в масс-медиа, оплачиваются Российскими спецслужбами и являются пятой колонной.

Но по *большеви́стскому* сценарию не вышло! Молодая Америка избрала чернокожего президента, доказав всему миру, что равенство всех граждан существует не на бумаге, а на деле.

Авраам сидел перед компьютером и листал интернетовские страницы. Его внимание привлек политический обозреватель Евгений Майбурд. Благообразного вида господин в шляпе поверх копны курчавых волос и с мягкой улыбкой, очевидно обращенной к будущему читателю. Такому человеку просто хотелось верить.

Авраам перевернул страницу: «Первый в истории черный президент — он беспрецедентен во всех своих проявлениях, включая публичное вранье. Ни один президент этой страны не врал в глаза своему народу так много и так вдохновенно, как Барак Обама».

Да, внешность обозревателя оказалась обманчивой...

А поток помоев продолжался: «Чикагский стиль... Фабрика политических проходимцев... Он о политике ничего не знает. И по другому не умеет. И не хочет уметь... Аксельрод, Эммануэль и Обама — вся троица — законченные негодяи, не признающие норм ни закона, ни морали»...

— Послушайте, да это же калька с газеты «Правда» тридцать седьмого года! — крикнул Авраам в экран монитора. — Один к одному!

Поток помоев, всё нарастал:

...«Какое будущее могут готовить Америке отпетые мерзавцы у власти? Вот именно: мерзопакостное».

Авраам вырубил компьютер. Кулаки у него зудели от желания встретить благообразного господина в тихом переулке и превратить его физиономию в навозную кучу, чтобы форма соответствовала внутреннему содержанию. Судя по упитанности, *его мерзопакости* неплохо оплачиваются. Если бы статья была опубликована на английском, автора можно было бы привлечь к суду за клевету и оскорбления, но еврей Майбурд лил грязь на русском. Аврааму было стыдно за то, что еврей пишет такие гадости. Он вспомнил фразу из воспоминаний Веры Набоковой: «Мне ненавистны пронырливые люди, и еще отвратительней, если это евреи, ведь для нас — дело чести не давать повод клеветникам считать, будто это чисто еврейская черта».

Авраам мучился одиночеством, но пересилить себя не мог. Он утешал себя строками из Омара Хайяма «*Ты лучше голодай, чем что попало есть, И лучше будь один, чем вместе с кем попало*», подумывал даже вернуться в Россию, хотя знал, что не поедет. Детям не нужен, друзьям достаточно телефонного звонка или E-мейла. Благополучная, сытая жизнь, жизнь без забот и тревог всё продолжалась и продолжалась, и не было той жизни конца...

В ГЛУБИНЕ СОЛЯНЫХ ПЛАСТОВ...

«Кто ответит на вопрос, откуда на планете Земля такое огромное количество поваренной соли, которая еще только будет поваренной, а сейчас покоится на глубине от нескольких метров до нескольких километров в виде спрессованных пластов галита, иногда выходя на поверхность? А мы ведь еще не учитываем соль, растворенную в океанах и морях! Сколько же миллиардов разных супов и борщей можно сварить? Видно Господь решил как следует посолить нашу землю, чтобы не протухла», — так думал старший научный сотрудник Института подземного хранения топлива (ИПХТ) Гена Крейн, предки которого в семнадцатом веке переселились в Московию, а потом в согласии с исторической необходимостью оказались в Поволжье, где претерпели много невзгод.

Гена рос умным и хорошим мальчиком уже в Казахстане, куда их выслали в начале Отечественной войны. Его после окончания сельской школы направили в Алма-Ату, где он закончил пединститут, а потом умные люди посоветовали ему поехать в Москву и поступить в аспирантуру к одному молодому профессору Л. Г. Судьба-фортуна была к Гене благосклонна. Он понравился Л. Г. и, получив место в общезжитии Сельхозакадемии имени Тимирязева, стал упорно грызть корни науки, именуемой физической химией. Это было давно. Очень давно.

Ему удалось жениться на москвичке, и это стало определяющим фактором в жизни. Она не хотела заводить детей, а он и не настаивал. Его мозг был вечно занят решением очередной научной проблемы. Однако ему хотелось выйти из-под власти Л. Г. и попробовать себя в самостоятельном поиске. Связей в научном мире у него не было, потому

что везде, где он выступал с докладами, его объявляли, как птенца из гнезда Л.Г.

Однажды незамужняя подруга жены пришла к ним в гости и, сделав перерыв в болтовне после кофе, спросила Гену, не хотел бы он пойти к ним в ИПХТ и возглавить группу химического анализа, поскольку у него есть ученая степень. Он тут же согласился поехать и переговорить с её начальником Зыбиным. Институт находился всего в двадцати минутах ходьбы от дома. Представляете, какое удовольствие ходить пешком на работу и с работы?

Зыбин сказал, что надо будет анализировать керны каменной соли для геологов, так как хранилища создаются размыванием пластов через специально построенные буровые скважины. При этом расходуется огромное количество воды, которая должна направляться в виде рассола по специальным каналам на солезавод. Рассол тоже придется анализировать. Ну, придется еще иметь дело с экологическими комиссиями... Гена покивал головой и спросил, когда выходить на работу.

Институт размещался в типовом школьном здании. В нем царили нравы семидесятых годов прошлого века. В химической лаборатории не было даже вытяжки. Как их только пропустила санэпидемстанция! Обедали и пили чай в том же помещении, где и трудились. К счастью, женщины трудились в отдельной комнате, так что Гена не слышал их непрекращающейся болтовни. Обстановка в лаборатории была почти домашняя. С особым удовольствием справляли всяческие праздники, на которые приходили две женщины из других отделов, приносили разные кулинарные деликатесы. Весь женский состав был около пятидесяти лет и это значительно упрощало общение. Гена бы самым младшим, дамы за глаза звали его мальчишкой. Был он худощав и белобрыс, синеглаз, выше всех ростом. Они быстро вывели к нему и бурно радовались его шуткам и анекдотам. Зыбин тоже его полюбил и часто рассказывал, как проходил аспирантуру в академическом институте общей и неорга-

нической химии. Гена не удивлялся, что тот после Витебского пединститута прослужил два года на флоте, а потом сумел поступить в один из элитных институтов к академику Б. Гена сам был «из народа» и сам пробивался к свету без поддержки сильных мира сего. Политические события мало интересовали обоих. Институт был прикреплен к одному из ответвлений империи, именуемой Газпромом, и потому зарплата научного персонала позволяла неплохо существовать в те лихие девяностые, о которых сейчас вспоминают с восхищением и ужасом.

Увидев в кладовке лаборатории металлографический микроскоп фирмы «Цейсс», Гена предложил Зыбину заняться исследованием шлифов, поскольку прочность и проницаемость каменной соли должны были зависеть от её пористости. В соседней, ведущей лаборатории занимались исследованием механической прочности при разного рода нагрузках и, конечно, было бы обоюднo выгодно сравнить микроструктуру *строительного материала* и его механических показателей. Зыбин мгновенно воодушевился и очень *заценил* Гену. Он был человеком открытым, порывистым и хотел сразу накатать план исследований и сбегать к директору, с которым был в отличных отношениях с молодости. Гена еле его отговорил.

Все-таки немцы хорошо делали научные приборы даже в ГДР. Вытащили прочный стол, подсоединили микроскоп к сети, поставили лампу, включили — работает! Гена быстренько сообразил методику подготовки шлифов. Ему часто в аспирантуре приходилось полировать солевую оптику для измерений в инфракрасном диапазоне. Методика травления полированной поверхности тоже была проста, и вот — первая серия проб керна уже выстроилась на лабораторном столе.

Как красива графика каменной соли с черными, как уголь, порами, границами между кристаллическими зернами, микрочастицами пыли и другими включениями, которые попали в ловушку высыхающего под жарким солнцем

древнего рассола! На дворе стояло лето последнего года второго тысячелетия, а наши герои фотографировали шлифы на допотопную пленку, чтобы потом отвезти её в геологический институт, проявить и напечатать фотографии. Не будем их осуждать. Не всё ли равно, какими усилиями получена новая информация? Главное, чтобы она была новой, не так ли?

Суть опыта заключалась в том, чтобы сделать большое количество измерений пористости, последовательно растворяя соль слой за слоем, чтобы набрать статистически значимое отношение объема пор к объему вмещающих их кристаллов. Микроскоп не был предназначен для использования умных программ распознавания пор среди других дефектов строения, поэтому всё обсчитывалось на фотографиях. Это был изнуряюще нудный процесс, от которого краснели переутомленные глаза. Эх, если бы удалось это всё автоматизировать! Спустя два месяца работы стало ясно, что механикам эта методика не пригодится. Они получали информацию через пару-другую дней. Единственное, чего добился Зыбин у Шафаренко, завлаба механических испытаний, это — ознакомление с результатами по тому же керну, который изучали под микроскопом.

Спустя еще полгода накопилось достаточно информации, чтобы опубликовать в хорошем академическом журнале статью о микродефектах в кристаллах каменной соли и их влиянии на прочность материала. Разумеется, авторами публикации выступили директор и его заместитель по науке, потом шел Зыбин и в конце Гена Крейн. Всё, как всегда. Один симпатичный доктор геологических наук, который представлял статью в журнал, восхищался одним снимком, который Гена сделал на обычном микроскопе — на границе зерен соли выросли кустики другой соли — сульфата натрия.

Работа, в общем, была закончена, можно было продолжать заниматься рутинной. Однако в институт приняли нового человека, энергичного и молодого буровика Юрия Новенькова, который недавно бежал из Баку с семьей, по-

скольку там началась армянская резня. Случалось, что под горячую руку попадали и евреи, и русские. В Баку было много смешанных браков.

Юра был очень деловой и очень квалифицированный буровик. Он быстро разобрался с проектами буровых скважин, которые насочиняли кабинетные ученые ИПХТ, и нашел в них кучу глупостей. Старые кадры стали его побаиваться и не без оснований. Как-то само собой получилось, что ему понравился молодой Гена, и они быстро сдружились. Юра давно дружил с компьютерами, мог и сам составить несложную программу, а Гена в этом деле не рубил, в нем жил дух средневекового алхимика, и он предпочитал сочинять разные фантастические методики и смотреть, что из них получается.

Когда был разработан проект новой буровой скважины в Астраханской области, вдруг выяснилось, что проектировщики не учли, что скважина будет проходить через слой бишофита, пересекающий пласт каменной соли. Новеньков первым стал трубить тревогу. Бишофит бешено растворяется в воде, из закачиваемой пульпы портланд-цемента он быстро высосет всю воду и, самое главное — при растворении бишофита раствор прибавляет в объеме настолько, что вокруг стальной трубы возникают колоссальные давления, и труба неизбежно сомнется, как вареная макаронина.

Новеньков призвал Гену взять из справочников рецептуры магнизиальных цементов и провести модельные испытания с измерением роста давления в специальной ячейке. Зыбин не вмешивался. Нашли пресс-форму в дружественном институте по бурению нефтяных скважин, и работа закипела.

Ребята в том институте оказались в Москве недавно и являлись по сути беженцами из города Грозного. Отличные русские ребята, которые выросли в Грозном, считали себя полноправными жителями, жили на зарплату и делали, что велело начальство. И вот, им пришлось в мирное время бросать квартиры с накопленным житейским барахлом

и искать пристанище и работу за две тысячи километров в холодной столице, которой было наплевать на их слезы.

Новеньков их знал, потому что ездил в командировки в Грозный по буровым делам. Что дурацкие Чеченские войны сделали с народом, который жил там десятилетиями после возврата чеченцев на родину, возводил этот прекрасный город и не знал, что такое национальная рознь!

Испытания многое помогли прояснить Новенькову относительно режима бурения и закачивания магнезиального цемента в скважину. Тем временем в лабораторию Гены стали приходить керны бишофита, которые были тщательно упакованы и залиты парафином, чтобы не наглоталась воды из воздуха. Гена хранил их в специальных толстостенных банках с притертыми крышками, которые химики называют эксикаторами. Освобождая керны от упаковки, Гена каждый раз поражался красоте их раскраски. Мелкозернистая соль хлорида магния там и тут была пронизана ярко фиолетовыми и красными прожилками. Ему было крайне любопытно растворить эти включения и исследовать их химический состав, но всё как-то руки не доходили.

Между тем, обстановка в стране накалялась. Президент, которого так полюбил народ за смелость, оказался горьким пьяницей. Мыслящие граждане считали, что пьет он от безысходности, потому что страна была ввергнута в полную нищету, и никто, включая знаменитых академиков по экономике, не имел ни малейшего представления, как вытащить эту несчастную страну из болота. Народ стал злиться на демократов, потому что хорошо читать правду о злодеяниях однопартийного режима и при этом сытно кушать, а если ты голодаешь, то тебе все эти подробности ни к чему.

Честно говоря, Геннадию Крейну всё это уже здорово надоело, и он подъехал к посольству Германии, выстоял огромную многодневную очередь и подал документы на въезд. К этому времени начальство решило съездить в Германию проветриться и в качестве гида взяло с собой Но-

венькова, потому что он единственный на практике знал буровое дело и мог объяснить на пальцах начальству, чем немецкая буровая установка лучше российской.

Пока начальство знакомилось со знаменитым Кёльнским собором и пробовало бесконечные сорта пива, Гена в лаборатории вырезал ярко окрашенную часть из керна и растворил в минимальном количестве воды. В водном концентрированном растворе колыхалось нечто шелковистое черносвекольное и даже с зеленоватым оттенком, поблёскивало при осторожном перемешивании и никак не давало себя расправить. При каждой попытке вытащить на фильтровальную бумагу оно слипалось в бесформенный комочек, и с каждым разом линейный размер его становился всё меньше. Для установления структуры этого вещества, этого странного тела требовался специальный нож-микротом, который срезал бы сверхтонкий слой образца для изучения под микроскопом. Ничего похожего в ИХТП не было и быть не могло.

Оставалось только пойти на поклон к профессору Л.Г., чтобы тот помог исследовать образец на масс-спектрометре на предмет получения хотя бы молекулярной массы образца, а также и на инфракрасном спектрофотометре, дабы понять является ли природа образца органической, или нет. Инфракрасный спектр ему сняли быстро и сказали, что характерные для органики полосы поглощения присутствуют в средневолновой области, однако водорода в веществе не обнаружено. Вот если бы у вас была хотя бы брутто-формула... Гена поблагодарил милую даму и откланялся.

— Ну что, Геннадий, решили свою проблему? — спросил Л.Г.

— Пока не могу решить, Лев Александрович, нет даже брутто-формулы химического состава. Водорода там не обнаружили... Но похоже, что это древнее вещество возрастом в сотни миллионов лет, которое существует по сей день, законсервированное в толще слоев бишофита...

— А вы обратитесь в университет к палеоботаникам. Слышал я, что для окаменевших слоев осадочных пород характерно вытеснение водорода и замещение его на другие элементы.

— Спасибо вам большое, я так и сделаю.

Уже на следующий день Гена позвонил в университет. Трубку взял, судя по голосу, молодой человек, который выслушал Гену, не задав ни единого вопроса, а затем ответил:

— Сто долларов.

— Что сто долларов? — оторопел Гена

— Наша консультация стоит сто долларов.

— Почему так дорого?

— Сейчас жизнь стала очень дорогой. Ученым тоже надо есть, пить и платить за квартиру.

— Спасибо, я подумаю, — ответил Гена и положил трубку. «Чего это я решил им звонить? То, что водород и кислород уходят из растений при образовании каменного угля, знает любой школьник. Надо пробиваться на электронный микроскоп, чтобы рассмотреть тонкую структуру образца и обратиться, пожалуй, к цитологам. У них наработаны приемы изучения мягких тканей с помощью оптических микроскопов...».

Между тем, пришло извещение, что Гена с женой могут быть приняты в Германии, как этнические немцы, по специальной программе, гарантирующей обучение языку и получение специальности. Жена прыгала от счастья. Они продали свою двухкомнатную квартирку со смежными комнатами и крохотной кухонькой через риэлтера, упаковали четыре больших матерчатых чемодана и отбыли в город Мюнхен, имея при себе по десять тысяч евро. Остальные двадцать тысяч они переслали хорошим знакомым в Берлин через одну частную организацию, которая называлась ООО «Цемент». Там работал один из школьных товарищей Гены.

Перед отъездом Гена отобрал несколько хороших образцов бишофита с ярко окрашенными включениями, потому

что хотел выяснить, что за чудо открылось ему в лаборатории. Проблема заключалась в том, чтобы протащить их через таможеню. Он думал, думал и решил просто рассовать образцы по карманам. И действительно, поскольку они не звенели при проходе через металлоискатель, никто не стал его обыскивать.

Немецкий язык давался ему совсем легко, поскольку он слышал его с младенчества, но пока еще страдал архаизмами: как-никак почти триста лет его предки жили вдали от исторической родины. Жена его, напротив, продвигалась в изучении языка очень тяжело, злилась, уставала и скандалила по разным мелким поводам. Они пока жили в общезжитии в некомфортных условиях, напоминавших российские студенческие общаги с той разницей, что здесь больше обитали люди пожилые и даже старые. Места общего пользования были в ужасном состоянии. Однако качество даже дешевой еды было отменным.

После приземления в Германии Гена решил, что будет зваться Генрихом (Heinrich) и велел жене звать его по-немецки. Жена протестовала, но вяло. Она была измучена уроками незнакомого языка, потому что в школе и в институте учила английский. По совету соотечественников из Казахстана Генрих приобрел дешевую машину. Какой все-таки дальновидный человек был Новеньков! Когда он узнал, что Гена подал документы на выезд в Германию, он сказал:

— Немедленно запишись на курсы вождения и получи права.

— Зачем?

— Глупый вопрос. Без машины на Западе делать нечего, никуда не поспеешь вовремя, и ни один владелец завода или магазина не захочет иметь с тобой дело.

Генрих делил свое время на часы интенсивных занятий немецким и вечерами развозил пиццу. Жена пошла в небольшую частную мастерскую по ремонту одежды. Спустя полгода он почувствовал, что может свободно об-

щаться на современном немецком языке. Он собрал оттиски статей и документы тщательно побрился и в новом костюме и обуви поехал в фирму, где ему назначили встречу с руководителем бурового отдела господином Эриком Мольтке.

— Да, я помню вас по вашим публикациям. Очень интересная статья была по дефектам строения в кристаллах каменной соли. А как вам удалось найти выросшие микрокристаллики сульфата магния на границе зерен галита? «Это был удивительный снимок», — говорил Мольтке.

— Я обнаружил такого рода дефекты, просвечивая прозрачные кристалла и наблюдая их сцепление с помощью длиннофокусного микроскопа. Потом я провел рентгеновский микроанализ этих включений и выяснилось, что это сульфат магния. Получается, что в процессе роста кристалла галита чужеродные ионы вытесняются на периферию кристалла.

— Это очень интересно. Значит, прочность на границах зерен галита понижается из-за примесей. Я могу вам предложить место помощника в группе химического анализа. Если согласны, выходите в понедельник на работу. Фрау Минни покажет вам рабочее место.

Генрих вспыхнул, но ничего не сказал, только вежливо поклонился. Подумать только! Ему, ученому со стажем предложено место типа старшего лаборанта! Конечно, это лучше, чем развозить по вечерам пиццу, а потом считать чаевые, но обидно, чертовски обидно, да и зарплата крошечная — полторы тысячи евро в месяц...

Работа в маленьком коллективе оказалась нетрудной, но тошнотворной. Коллеги двигались, как роботы. Большинство операций по анализу было автоматизировано, оставалось только нажимать соответствующие кнопки. Генрих довольно быстро всё усвоил и попытался разузнать у пожилого сотрудника Йозефа, как часто приходится менять методики анализа или осваивать новые, и получил ответ, что надо тщательно работать с теми методиками, которые

утверждены, а новациями занимается руководитель группы фрау Минни. В перерыве общение было таким же бесцветным и тошнотворным, как и работа. Потом наступил день рождения фрау Минни, и сотрудники группы собрали по десять евро, а Йозеф купил красивый конверт с уже написанным поздравлением, куда вписал имя начальницы и вложил шестьдесят евро. Мольтке посетил лабораторию и остался на пять минут, чтобы поздравить именинницу, которая принесла две круглых коробки с солеными и сладкими мучными изделиями, бутылку дешевого белого вина и две бутылки какой-то гадости оранжевого цвета. Все очень громко поздравили фрау Минни и обменялись мнениями по поводу дождя, который обещали синоптики, но который упрямо не желал идти.

И тут Генрих решил рискнуть.

Держа стеклянный бокал с вином и кусочком льда, он приблизился к начальнику.

— *Herr* Мольтке, разрешите развлечь вас короткой историей с интересным исходом, которая случилась со мной перед отъездом в Германию...

— Что же это за история?

— Мы в институте разрабатывали проект буровой скважины в отложениях каменной соли и наткнулись на прослойку бишофита мощностью в пятьдесят метров. Когда я анализировал керн бишофита, я обнаружил в нем включения органического материала, который сохранился в нем, и я выделил его для исследований. Как раз к этому времени я получил разрешение на въезд в Германию, так что успел только доказать, что выделенный материал действительно имеет растительное происхождение, и возраст его относится к Пермскому периоду. С помощью современных методов исследования можно восстановить историю этого растительного материала. Это могло бы стать предметом хорошей публикации в авторитетных международных журналах...

— Кто-нибудь знает о вашем открытии?

— По существу — никто. Образцы керна я привез с собой на случай, если удастся договориться о дальнейших исследованиях.

— Это хорошо. Напишите мне подробный план работ, чтобы я мог связаться с коллегами из университета и оценить стоимость проведения исследований.

Генрих собрался было попросить заодно перевести его в исследовательский сектор на должность научного сотрудника, но потом передумал, потому что Мольтке мог подумать, что Генрих задумал таким способом получить повышение в должности. Спустя неделю, Мольтке вызвал его и велел связаться с господином Клаусом Винером с кафедры геологии, чтобы показать образцы, которые он привез из России. Генрих отдал ему копию плана исследований, которую тот обещал изучить.

Herr Клаус был румяным, пузатым и очень важным. Прежде всего он спросил, занимался ли Генрих прежде научными исследованиями и представляет ли он, какая это ответственная работа. Генрих был готов к такому допросу и вытащил переведенную на немецкий и заверенную нотариально копию диплома кандидата наук. Бумажка подействовала. *Herr* Клаус взглянул на Генриха более доброжелательно.

— Как вы представляете себе перспективу, учитывая, что все планы научных работ были утверждены в начале года, а сейчас на дворе октябрь? — спросил Клаус.

— Я приехал сюда полтора года назад и должен был овладеть немецким языком в достаточной степени, прежде чем получить квалифицированную работу в отделе господина Мольтке, так что я просил бы вас включить мой план на следующий год, если он вас заинтересует. Я могу подождать еще два-три месяца. Поскольку геология и палеоботаника для меня дисциплины совершенно новые, я хотел бы пригласить вас и ваших сотрудников для участия в этом исследовании. Разумеется, поиск специальной литературы по данной теме и её анализ я не потяну и потому прошу вашей помощи.

Я предоставлю образцы и результаты начальных исследований, которые я провел в Москве. Судя по моим предварительным результатам, мы будем иметь дело с растительным материалом Пермского периода, но я не настаиваю на своей датировке, поскольку это не моя специальность.

— Коллега Крейн, — отвечал на это Клаус, — сразу видно, что вы приехали из России. Это не вы нас приглашаете в совместный проект, а мы, может быть, рассмотрим ваше предложение и примем решение о том, стоит ли нам тратить на вас время. Оставьте ваши образцы и дайте ваш телефон. Я с вами свяжусь, если примем положительное решение.

— При всем уважении к вам, *Herr* Клаус, я могу предоставить вам свои образцы только после положительного решения о сотрудничестве. Вот мой телефон и спасибо, что вы меня выслушали.

Генрих выкатился на улицу красный от злости, зашел в бар и выпил одну за другой две рюмки дрянной немецкой водки.

— Вот жирная паскуда! — сказал он на чистом русском языке. — Важничает, ученый хренов. Видали мы таких специалистов!

Он вспомнил, как Ангелика, его подружка из Берлина, прислала в Москву своего коллегу из финансового отдела к нему домой с маленькой посылкой. Этот хлюпик с тонкой шеей и огромными очками сразу не понравился Гене, но правила гостеприимства!.. Потом, человек принес посылку... Короче — усадил этого цыпу за стол, достал бутылку «Столичной», вывалил полную тарелку грибов свежего засола, горячего картофеля, сало порезал ломтями — кушай Фриц, а его действительно звали Фриц, и понеслась душа в рай. После каждой рюмахи очки у Фрица всё больше сползали с носа. Гена даже начал посмеиваться в кулак. Жена подошла вовремя и сказала:

— Чего ты его спаиваешь? Хочешь, чтобы он здесь остался и наблевал, а я за ним убирала? Давай-ка проводи его до метро, пока он стоит на ногах.

Гена довел Фрица до метро, взял на прощание его телефон в Берлине и забыл о нем до 1989 года. Потом в результате перестройки стало возможно поехать в ГДР и ему даже обменяли двести рублей на марки по валютному курсу. Поезд шел с опозданием, пришвартовался к вокзалу во втором часу ночи. Берлин спал. Ангелики на перроне не было. Он с трудом поймал такси и попросил мелочь для звонка по телефону. Дома её не было, значит, она его ищет ... Он позвонил Фрицу, тот снял трубку, но отказался помочь, мол, слишком поздно, пусть подождет до утра. Гена был в таком отчаянии, что даже не обругал его, но осадочек остался и впоследствии он и помыслить не мог, чтобы связаться с этим слизняком. К счастью, Ангелика вскоре нашла Гену. Оказалось, что выбившийся из расписания поезд загнали на самый отдаленный путь...

В конце концов Генрих решил продвигать свои исследования собственными силами. Он позвонил своему шефу Л.Г. и попросил связаться с аналитической лабораторией Геологического института. Сам он собирался слетать в Москву весной и решил просто и без церемоний договориться о проведении элементного анализа где-нибудь за сотню евро.

В справочниках по Пермскому периоду он нашел исходные данные, говорящие, что примерно 270–280 миллионов лет назад в растительном мире преобладали древовидные папоротники и подобные пальмам деревья, так что листовенный характер включений в бишофите не вызывал сильных сомнений. Далее он пришел к выводу, что химический состав бишофита предполагал существование сильно гидратированного хлорида магния — аж целых шесть молекул воды на одну молекулу хлорида, и это могло препятствовать удалению водорода и кислорода из листьев, попавших в древний рассол, то есть процесс не дошел до образования каменного угля.

Генрих полагал, что растворение образца с включениями растительной массы в минимальном количестве воды

как бы возвращало к началу процесса давностью около 270 миллионов лет назад. Он надеялся, что радиационный изотопный анализ углерода подтвердит возраст растения.

Ах, если бы у него было достаточно времени! Англичане говорят: «Чтобы делать хорошо, надо делать самому», но в таких сложных случаях без кооперации не обойтись...

Гена прилетел в Москву в середине апреля и прямо из аэропорта направился в Институт геологии. Зная хитрости московских таксистов, он предпочел уехать на автобусе, в который набилось человек пятьдесят, не меньше. По обе стороны узкого шоссе лежала неухоженная земля с торчащими тут и там кусками труб, останков легковых автомобилей, использованных шин, заколоченных киосков и всякого мусора. Он не был в Москве два года и уже отвык от грязи и беспорядочности, которые лезли в глаза. Наконец, автобус дотащился до метро и Гена с людским потоком влился в голубой вагон и успел захватить место, чтобы не толкаться у дверей.

Через час он уже входил в двери Института геологии и поднялся на третий этаж к профессору Климову, заведующему аналитической лабораторией. Климов был мужик понятливый. После краткого обмена любезностями Гена сказал, что за элементный анализ он готов заплатить прямо сейчас сто евро и надеется, что эта сумма будет приемлемой для исполнителя. Как извлечь растительный материал из бишофита, он написал. Желательно анализ провести поскорее и переслать ему результаты по *E-мэйлу*. Вот по этому адресу... И вот образцы бишофита...

Климов кивнул, поднялся из-за стола и протянул Гене руку:

— Не волнуйтесь, сделаем в лучшем виде и быстро. Когда улетаете обратно в Германию?

— Завтра вечером.

— Счастливого полета. Приятно было познакомиться.

Результаты анализа пришли через неделю. Они подтверждали, что включения в бишофит действительно были

растительного происхождения. Ничего неожиданного. Процесс фоссилизации (окаменения) растительного материала шел и доказательством было падение содержания водорода почти в десять раз и кислорода почти в четыре раза. Зато резко возросло содержание углерода, азота и серы. Явно в зеленой массе растения присутствовали белки. Магния было больше, чем других металлов, но это могло быть не столько за счет образования комплексов с молекулами белков, сколько из-за длительного контакта с окружающей солью.

В общем, никакого оглушительного результата, который поразил бы научный мир, не получилось. Да, был когда-то Пермский период на Земле, росли деревья и кусты, бегали животные, плавали рыбы... Говорят, что акулы появились еще раньше и дожили до наших дней. Это потому, что они были гениально приспособлены для выживания даже в экстремальных условиях. Теперь стоило подумать, нельзя ли использовать этот материал для своих карьерных целей.

Генрих написал статью, опустив литературный обзор. Пусть какой-нибудь палеоботаник поработает, чтобы его включили в число авторов. Распечатав материал, он позвонил Мольтке и попросил его принять по личному делу.

— *Молёдец, молёдец*, — похвалил Мольтке, быстро пробежав материалы будущей статьи. Разумеется, он заметил, что стоит первым автором.

— *Herr* Мольтке, я думаю, что лучше бы вам самим обратиться на кафедру геологии и попросить связать вас с толковым палеоботаником. Ваш авторитет куда выше.

— Хорошо. Я сделаю это ради вас, Генрих. Вы еще молодой для дипломатической работы.

— Хотя я еще молодой, как вы говорите, у меня за плечами опыт десятилетней научной работы. Может быть, вы найдете лучшее применение моим способностям, чем сейчас, когда я в подчинении у фрау Минни?..

— О, это вопрос не простой. Он требует длительной проработки. Я должен советоваться с директором нашего института. Вы ведь ожидаете прибавку к вашему жалованью, не так ли? Не рано ли?

— Я постараюсь оправдать ваши надежды, *Herr* Мольтке, если вы повысите меня в должности...

Спускаясь по лестнице, Генрих решил, что, если ему не прибавят денег, он будет искать другую работу, но надо дожидаться выхода статьи. Это все-таки весомый аргумент при поступлении на новую работу.

Время тянулось медленно, словно улитка по листу лопуха. Прошло не менее двух месяцев, пока Мольтке нашел парня, который сделал радиоуглеродный анализ. Действительно, растение датировалось внутри Пермского периода с погрешностью плюс-минус пятьдесят тысяч лет. Исследование микротомных срезов под микроскопом показало неожиданно присутствие нескольких зерен хлорофилла, и это было неожиданно. Видно, окружающий хлорид магния законсервировал органику довольно надежно. Парня звали Вольфганг. Наверное, родители дали ему имя в честь Моцарта. Вольфганг нашел Генриха по телефону и спросил, не осталось ли у того еще несколько образцов для проверки полученных результатов. Они встретились и Генрих щедро, по-русски отдал ему всё, что у него оставалось.

На следующей неделе Мольтке вызвал Генриха к себе и, широко улыбаясь, сообщил, что директор не пошел на встречу в смысле повышения Генриха в должности, но он, Мольтке, созвонился со своим коллегой Штайном, который работает начальником лаборатории на заводе по переработке нефти, и дал Генриху самые лучшие рекомендации, так что теперь он может рассчитывать на хорошее место в лаборатории, где будет заниматься газо-жидкостной хроматографией и получать почти вдвое больше, чем сейчас.

Оказалось, что завод находится на окраине города, но Генриха это не смущало. Сидеть рядом с вечно недовольной

женой было куда тяжелее, чем вести машину на час дольше. Он съездил на завод, поговорил с Штайном и через пару недель уже начал осваивать хроматограф.

Примерно через год Мольтке нашел Генриха и радостно сообщил, что статья опубликована в международном журнале «*Geochimica et cosmochimica acta*» Генрих выбрал одну из суббот и поехал в научную библиотеку, потому что за доступ к опубликованным статьям через Интернет надо было платить. Когда он раскрыл журнал, то обнаружил, что его фамилия в числе авторов не упоминается. Он лихорадочно пролистал статью до списка цитируемой литературы и лишь в самом конце, в разделе *Personalia* нашел две строчки, что авторы приносят благодарность Генриху Крейну за предоставленные образцы бишофита и за помощь в работе.

— Ну и чёрт с вами со всеми! — сказал Генрих, выходя из библиотеки. — Подавитесь вы этой статьёй! В конце концов, за всё в нашем мире надо платить. Таковы законы природы, а человек есть её неотъемлемая часть.

А. Толчинский. «Вальс-Конхоида»

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

(современная версия)

— **Н**у, как там поживает Тютя?
— Тютя уже давно не Тютя, — ответил его троюродный брат Илья на вопрос матери.

— Что-нибудь переменялось?

— Неделю назад он заезжал к нам. Направляется в Бостон, представляешь? Рассказывал мне свои приключения — я был в полном восторге. Однажды он участвовал в плавании по Волге в качестве пианиста и случайно познакомился с одним американским профессором. Оказалось, что американская музыкальная ассоциация ищет талантливых молодых людей для продолжения и укрепления музыкального образования. Там в Бостоне будет конкурс из двух экзаменов — музыкальное исполнение и английский. Английский сдают в Москве. А наш Тютя в своей музшколе учил немецкий. И вот, он находит кореша, который владеет английским, как своим родным, и посылает его вместо себя. Тот кореш похож на Тютю, как кошка на собаку. Если бы секретарша заметила, был бы быстрый конец с позором, особенно для кореша. Но никто не стал сверять фотографии, и Тютя получил в ведомости «отлично». Теперь он сдаст на «отлично» музыку и дело в шляпе. Через неделю он летит в Бостон, где его будет встречать наставник-профессор. У него пока в запасе лишь два десятка слов, но он надеется, что для первого свидания этого достаточно...

Владимир Тюторин лежал на кушетке, заложив усталые руки за голову, и пытался уснуть. Профессор Стэнли, послушав его игру на второй день после приезда в Бостон,

развел руками и сказал что-то вроде: «Молодой мой друг, боюсь, что учить мне вас нечему. Вы сложившийся, зрелый пианист. Надеюсь лишь, что вы максимально используете представившуюся вам возможность, чтобы добиться успеха здесь, в Америке».

На его счастье в группе подающих надежды талантов был парень Юрий Каховский, достаточно свободно общающийся с хозяевами. Он-то и помог Вовке устроиться в студенческом кампусе, получить денежное пособие, записаться в библиотеку и оформить кучу всяких справок.

Говорят, от любимой работы не устают. Еще как устают. Интересная штука память, особенно ассоциативная память. Сегодня весь день играл Моцарта и вспомнил, как его, Вовочку, готовили к съемкам в фильме о детских годах Моцарта. Вовка был тогда самым маленьким по росту в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории (ЦМШ), но из тех, кто подает большие надежды. Надели на него парик и костюмчик, усадили за клавиесин — «давай Вова, не подведи нашу славную школу». Деньги заработал. Им тогда деньги очень нужны были, потому что бабушка снимала комнату прямо напротив тихой улицы, на которой стояло здание их школы. Дедушки в то время уже не было. Дедушка был родным племянником Дмитрия Фурманова, комиссара в дивизии Чапаева. Впрочем, это родство ничем не помогало в ежедневной жизни.

А жили они в тихом белорусском городе Витебске, в маленьком деревянном доме. Три комнаты на первом этаже. В одной, самой маленькой жила бабушка Роза. Вовка делил вторую комнату со старшим братом Славкой, а мама с отчимом спали в гостиной на раздвижном диване. На втором этаже жила тетка Валя с мужем и сыном Димкой. Валя в их семье человек выдающийся — кончила консерваторию по классу фортепиано. Работает в музыкальной школе и дает уроки детям дома. Когда Вовке исполнилось пять лет, мама сказала, что он уже большой и может ходить наверх к Вале заниматься музыкой.

Не зря говорится, что труднее всего лечить и учить своих. Флегматичная и улыбчивая тетка Валя с Вовкой быстро раскалялась добела и начинала орать. Вовка сперва плакал, а потом приучился дерзить. В конце концов, мама не выдержала и взяла преподавателя со стороны. О том, что Вовка может бросить музыку, не могло быть и речи. Вовкины способности были признаны выдающимися и семьёй, и знакомыми, и нанятой учительницей. Она же и торопила Вовкину маму не тянуть и подать на конкурс в ЦМШ, пока Вовка еще маленький, ибо таланту, как хорошему алмазу, нужна огранка.

Отбор был очень жесткий. Из тьмы желающих поступить в ЦМШ прошли трое — Вовка, Варик (полное имя Варздат) и Таня Соломина.

— Ты откуда? — спросил Варик на второй день занятий и прострочил, как пишущая машинка, не давая вставить слово: я москвич мы живем в новом доме возле метро Щелковская мой папа заместитель директора по материально-техническому снабжению.

— Я из Витебска, — со скромной гордостью ответил Вовка. — Витебск — это родина великого художника Марка Шагала.

— А что он нарисовал? Ленина рисовал? А Брежнева рисовал? Может быть, Пушкина рисовал?

— Не знаю.

— Чем же он великий?

— Не знаю.

— А у нас дома ковер на стене три с половиной на четыре с половиной.

— Так. Приступаем к занятиям, — прервала разговор Вера Антоновна. Нам предстоит работать вместе долгие годы, и поэтому я прошу вас с первого дня нашего знакомства запомнить мои требования к ученикам. Никакой болтовни на уроках, никаких пропусков занятий без уважительной причины, никакой еды на рабочем месте. Домашние зада-

ния должны быть выполнены в срок, все замечания по работе я делаю только один раз, запоминайте и записывайте. Желающих учиться в ЦМШ сотни, и любой, кто не справляется с учебой, будет без всякой жалости исключен. Вопросы есть? — она оглядела маленькую группу холодным и требовательным взглядом. — Вопросов нет.

Вначале занятия с Верой Антоновной были похожи на домашние упражнения. Почти те же этюды Черни, сонатины Клементи и Моцарта, пьесы Чайковского. Однако довольно скоро они стали изучать инвенции Баха.

В их классе «А» было двенадцать человек. Пока проходили арифметику и русский язык, приятели болтали о всякой чепухе или дразнили сидевшую впереди Таньку. Настоящая жизнь начиналась, когда после обеда они шли в музыкальный класс на втором этаже школы. Вера Антоновна оказалась добрейшим человеком и управляла своими подопечными, как хозяйка в большой и разновозрастной семье.

В её хозяйстве было два рояля, несколько стульев и пара канцелярских столов у стены со старыми мраморными настольными лампами образца сороковых годов. Все остальное пространство было предназначено для звуков музыки. Музыка отражалась от стен и выложенного паркетом пола, от высокого потолка и двойных высоких окон.

Обычно, когда троица появлялась в зале, Вера Антоновна еще была занята с другими учениками. Они уходили, Вера Антоновна выуживала малышню из-под роялей, сажала рядом с собой и они играли, играли, играли... Потом приходили ребята из старших классов, малышня снова принималась за свои проказы, но все молча, молча! Вера Антоновна не потерпела бы малейшего шума. Она крутилась с утра до вечера в этом калейдоскопе, не проявляя признаков усталости. Правда, временами, часам к шести вечера она вставала и говорила: «Не пора ли нам поесть сладких пирожков, да и чай не помешал бы». Таню и Варика к этому времени родители уже везли домой, а Вовка, живущий в школьном общежитии, был её частым сотрапезником. За десять лет,

проведенных в школе, Вовка съел, наверное, десять тысяч пирожков, и сейчас, лежа в своей комнате на Бикон Стрит, он чувствовал что-то вроде ностальгии по тем московским вечерам и легко вспоминаемому вкусу жареных в масле пирожков с яблочным повидлом, которые в школьном буфете стоили пять копеек.

Этот зал с двумя роялями был его домом и двором, где он играл в свои детские игры. Улицы представляли собой пространство, которое предстояло преодолеть с бабушкой, когда они направлялись к её двоюродной сестре Росе по воскресеньям. Там Вовку тщательно мыли и кормили плотным домашним обедом. По Москве гулять Вовке было не с кем, да и некогда, так что рос он без, так называемого, «свежего воздуха». На летние каникулы его забирали на дачу под Витебском — там свежего воздуха было с избытком. Да еще там был пруд, где всё дачное население купалось, а рано-рано поутру там сидел брат Славка с приятелями и таскал крошечных карасиков.

— Мне исполняется в субботу восемь лет, — важно сказал Варик, — так мама и папа приглашают тебя и Таньку в гости в воскресенье. Вот наш адрес и телефон. Но взрослых мы не приглашаем. Пусть твоя бабушка и Танина мама погуляют, пока мы будем праздновать. А найти нас очень легко, мы живем рядом с метро Щелковская. — С этими словами Варик сунул записки с адресом своим друзьям.

— Я знаю, как доехать до Щелковской, — ответил Вовка. — Мы туда ездим почти каждую неделю к бабушкиной сестре.

Когда они поднялись на пятый этаж и позвонили, дверь приоткрылась, полная женская рука мягко подтолкнула малышей в прихожую, а взрослым была подарена широкая золотозубая улыбка со словами: «Опаздываете! Приходите через четыре часа».. Бабушка Рая и Танина мама переглянулись и пожали плечами — *Ни тебе здрастье, ни вам спасибо.*

Варик сидел рядом с отцом, торжественный и молчаливый, в пиджаке и галстукe, только глазами показал, что узнал своих. Стол ломился от лакомств. Возле стола стоял с бокалом шампанского невысокий седеющий дяденька и по-армянски говорил тост. Мама Варика тоже стояла, всем своим видом выражая восхищение словами тостующего.

— Я хочу добавить несколько слов по-русски для гостей, — продолжил дяденька. — Дорогой Хачик, дорогая Гаяне, мы гордимся, что ваш сын учится в лучшей музыкальной школе Советского Союза. Я тебе желаю, мой дорогой мальчик, быть всегда первым и никому не уступать первого места. За твой успех!

Тут все гости бурно зааплодировали, а дяденька торжественно осушил свой бокал. Разговор в основном шел на армянском языке, в который время от времени вплетались слова и фразы на русском. Варик ел наравне со взрослыми, а Вовке выставленные лакомства были чужды, он привык к столовской кухне. Когда он долго не ел, у него начинала побаливать голова. Видя, как он вяло ест, бабушкина сестра Рося только руками всплескивала: «Вовочка, если ты будешь так мало есть, то совсем не вырастешь!» Да уж. В восемь лет он выглядел на шесть. Варик был на полголовы выше, а по весу, наверное, в полтора раза больше. Это потом, через десять лет, Вовка дорос до среднего мужского — сто шестьдесят восемь сантиметров. Во фракной черной паре с блестящими шелковыми лампасами, с черными же носками и лакированными штиблетами, в черной бабочке на фоне белой рубашки он выглядел сейчас вполне представительно. Однако в трапезе он по-прежнему смахивал на подростка.

За столом тосты сменялись тостами, и дети начали томиться. Наконец, перед чаем решили сделать перерыв, и раздались настойчивые пожелания имениннику продемонстрировать своё умение. Все встали и сгрудились вокруг пианино. Варик с подчеркнутой серьезностью подкрутил стул, присел к инструменту, еще подкрутил и, дождавшись

тишины, исполнил сонатину Клементи. Раздались бешеные аплодисменты и крики «Еще! Еще!». Варик сыграл переложение вальса из балета «Спящая красавица», а потом без перерыва пьесы из детского альбома. В это время две гости стали переговариваться. Мама Гайане тут же отреагировала, сказав: «Варик, постой, не играй!» и обрушила на их головы град гневных армянских выражений, вызвавших стыдливый румянец на щеках нарушительниц ритуала. Закончив, Варик встал и низко поклонился на три стороны слушателям. Последнее действие вызвало крики восторга, а некоторые пожилые дамы заплакали в голос от умиления.

— Теперь я хочу послушать друзей нашего сына, — тут отец наклонил голову к Варику и пошептался с ним. — Вова и Таня, пожалуйста.

Вовка, хотя был еще совсем мал, уже осознавал, что праздная публика больше всего ценит те вещи, которые у всех на слуху, — мол, если я узнаю эту вещь, стало быть, я тоже ценитель. Не долго думая, он сыграл колыбельную Арама Хачатуряна, а потом переложение романса Шостаковича из фильма «Овод». Подняв глаза, он увидел жгуче-испытующий взгляд черных глаз мамы-Гайяны. Он даже немного струхнул. Так на него еще никто не смотрел в жизни. Отец-Хачик сказал: «Маладецъ. Маладецъ...», после чего гости вежливо похлопали.

— Теперь очередь Тани, — сказал отец.

Танька стала играть сонатину Моцарта, но гостям эта музыка была незнакома и, к тому же, сколько можно слушать музыку! Едва она закончила, мама-Гайане громко сказала: «Дорогие товарищи, сейчас будем пить чай-кофе со сладким и фрукты», так что на Танину долю выпало совсем мало аплодисментов.

— Ну, как тебе понравился день рождения? — спросила бабушка, когда они входили в метро.

— Все очень много ели и говорили по-армянски. Скучно. А мама Варика носит на себе очень много золота. Они, наверное, очень богатые, да? Там был торт из шоколада

такой огромный! А один дядька всё время пил вино и перед каждой рюмкой поднимал глаза к потолку и шептал что-то, наверное, молился... Потом он стал пьяный и пел песни, и плакал.

— Мама, нашего Вовку отобрали для исполнения роли маленького Моцарта. Наденут на него парик и старинную одежду, и он будет играть на клавесине. Говорят, что его будут показывать по телевизору.

— И чему же ты так радуешься?

— Ну, как же. Это ведь из класса Веры Антоновны! Вера Антоновна сказала, что это честь для нас...

— А тебя почему не выбрали играть Моцарта?

— Ну, как ты не понимаешь! Вовка маленький, волосы светлые, похож на маленького Моцарта. А я большой, волосы черные, брови у меня тоже густые и черные...

— Нет, ты только послушай, Хачик, нашего сына! *Ду хелёкс те анхелк?**

— Ты думаешь, у них не нашлось бы парика и одежды для тебя? Они могли бы тебя загримировать, и ты стал бы не хуже твоего приятеля Вовки! Я просто не понимаю. Ты так хорошо играешь на пианино, гораздо лучше, чем он. Почему его выбрали, а тебя нет?! Хачик, надо пойти и поговорить с учительницей.

— Слушай, *Джанек*, я не пойду и тебя не пущу позориться. Ему с этой учительницей еще столько лет учиться, а ты хочешь испортить им отношения. А ты, Варик, должен быть умней. Надо заранее говорить родителям, советоваться надо. Хочешь быть известным, ездить за границу, давать концерты? Хочешь иметь настоящую заграничную машину? Уже сейчас думай об этом.

Профессор Бостонской консерватории Владимир Тютюрин возвратился в свой домик в Медфорде, поставил три букета роз в большую вазу, напоминающую древнегрече-

---

* Ты умный или глупый? (арм.)

ский кратер, скинул на пол одежду и голышом отправился в душ. Всегда после исполнения сонаты *h*-моль (си-минор) Листа он чувствовал опустошение после необыкновенного подъема духа. Казалось, что проникновение в музыку гения, растворение в ней производило в нем почти наркотическое действие. Он забывал, где находится, он оставался один на один с музыкой и жил в ней, общался с милыми его сердцу образами, часто бесформенными, но окрашенными в радостные тона, как если бы он плыл в облаках на беззвучном авиалайнере.

Сейчас, пока он стоял под горячим душем, в памяти всплывали прежние его выступления в разных городах мира. Ведь он выступал с исполнением сонаты уже раз сто, не менее. А в первый раз прикоснулся к ней еще в шестнадцать лет, после того как впервые прочел «Фауста». Нет, он, разумеется, слышал до этого и Софроницкого, и Гилельса, и Горовица, но чтение «Фауста» обострило его музыкальное восприятие, отточило понимание музыкальных приемов великих мастеров. Он давно ушел от иллюстративного подхода к музыке. Как говорил Гёте, «музыка начинается там, где кончаются слова».

Владимир не пошел по проторенному пути. Он создал свой мир внутри величайшей романтической поэмы, которую можно было бы назвать симфонией для рояля. Медитации Листа на темы одной из самых древних легенд были глубоки, как бездны космоса. И тема бездны, с которой начинается соната, и первые девять нот, определяющие ткань сочинения были для профессора трамплином, с которого он срывался в бесконечность, каждый раз удивляясь и восторгаясь её многогранности. Его парение гипнотически действовало на публику. Когда он устало откидывался от рояля, в зале несколько долгих секунд стояла священная тишина, которая потом взрывалась криками восторга и неистовым хлопаньем ладоней. Сегодня к нему подошла очень пожилая пара, и старик сказал: «Сэр, я слушал сонату Листа десятки раз, у меня есть записи многих исполнителей. Так

вот, я искренне говорю Вам — вы равны в своем мастерстве Владимиру Горовицу, но Вы не повторяете его. Ваше прочтение Листа глубоко оригинально. Спасибо Вам за Ваш труд!»

«Фауст» поразил его когда-то прежде всего тем, что Бог-творец вступает в договор с Сатаной и дает ему добро на эксперименты с доктором Фаустом. Потом, через несколько лет он внимательно читал библию и вновь обратил внимание, что Бог поддается на искушение Сатаны и отдает ему в руки своего верного раба Иова. Он представлял себе сцену, где доктор вынужден играть свою роль, но увлекается и начинает ощущать себя творцом, и границы театра раздвигаются до размеров планеты, и он уходил вслед за Фаустом, и путешествовал во времени, спускался в ад и поднимался к звездам.

Его закадычный друг Варик был более приземлен. Он был очень старателен, дотошно доходил до мельчайших мелочей и мучил Веру Антоновну бесконечными вопросами, но как он ни старался, меньшей друг его неизменно играл не то чтобы лучше, но вдохновеннее, что-ли... Вот, скажем, прошли они все тридцать инвенций Баха. Слушали их в исполнении Глена Гульда, потом пытались подражать. Потом играли их в два рояля, это их увлекало. Особенно интересно было играть трехголосные инвенции, когда рояли перекликаются, поочередно перебрасывают друг другу третий голос.

Осенью в Киеве им бешено аплодировали, хвалили. А потом Вовка один играл десятую прелюдию из хорошо темперированного клавира, играл широко, размашисто, выделяя высокие ноты, и многие видели то, что видел он — высокие своды величественного храма, в которых вьются, словно ласточки, тонкие женские голоса. Варик слушал его вместе со всеми и, несмотря на свои тринадцать лет, уже отчетливо понимал, что так ему не сыграть. Вот Танька играла почти так же, как Варик, даже слабее, но он считал ниже своего мужского достоинства сравнивать себя с нею.

В Москву возвращались с красивыми грамотами на двух языках. Текст у всех был одинаков: Имя, Фамилия награждается за участие в музыкальном фестивале... Варик ревниво сверил грамоту с Вовкиной — никакого отличия. «Значит, я не хуже», — подумал он и успокоился.

Через неделю пошли гулять в Измайловский лесопарк. Земля была устлана опавшими листьями клена. Вовка нашел большой яркокрасный лист и торжественно заорал: «Вараздат Саркисов награждается за участие во всемирном фестивале искусств в республике Мозамбик почетной грамотой и жареной левой ногой французского посла». Варик разыскал желто-лимонный лист и тоже заорал: «Владимир Тютюрин награждается большим золотым кленовым листом вместо фигового, потому что фиговый лист не может прикрыть весь его огромный позор!» Тут они упали друг на друга в пароксизме смеха и стали кататься по траве.

Однажды они здорово разозлили Веру Антоновну. Вовке пришлось на ум сыграть в четыре руки с Вариком «Интернационал», причем себе взял басовую партию. Варик прилежно начал лепить партийный гимн и вдруг обнаружил, что его кореш в такт с ним наяривает «Мурку». Они начали играть всё громче и громче и хохотать. Вера Антоновна вбежала в зал побледневшая и крикнула: «Прекратите немедленно!» Ребята с удивлением оглянулись, а она громким театральным шепотом произнесла: «Вас из-за этой шутки из школы могут выгнать! А как мне достанется! Это же издевательство над коммунистами!»

— Кто это придумал? — спросила она, немного успокоившись.

— Это я виноват, простите, Вера Антоновна, — ответил Вовка.

— Ребята, если бы вы могли понять, как жестока бывает жизнь, как за анекдот людей отправляли в тюрьму и там расстреливали. Наверное, вы слышали от старших о сталинских репрессиях.

— Но сейчас ведь не так, — пытался спорить Вовка.

— Я запрещаю вам заниматься подобными глупостями здесь, в стенах школы и не советую пробовать свое остроумие подобного рода на людях. Ясно?

— Ясно.

Дома Варик не удержался и рассказал о случившемся маме-Гайяне.

— Ты только послушай Хачик, что его дружок вытворяет. Его выгонят из школы, попомни мои слова! Но мне наплевать на него. Пусть катится в свой Витебск. Но он поломает карьеру нашего сына! Сыночек, сядь и выслушай меня. Мы с отцом столько сил потратили, чтобы устроить твое будущее. Ты будешь знаменитым музыкантом, будешь давать концерты в разных странах, у тебя будет много денег. Так неужели ты хочешь из-за глупости твоего дружка всё это потерять! Перестань с ним дружить, найди другого товарища.

Варик был послушным сыном и, кроме того, он очень любил свою маму. Ему было неудобно подойти к Вовке и сказать, что все, мол, между ними кончено. Поэтому он решил, что будет делать вид, словно ничего между ними не произошло, но всё время будет держать с ним ухо остро, дабы не втянул его беспечный и веселый Вовка в какую-нибудь рискованную игру.

Незаметно пролетел еще один год, и в один прекрасный день Вера Антоновна сказала: «Всё, мои дорогие мальчишки. Я вас научила всему, чем владела сама. Осенью вы начнете учиться в классе профессора Комаровского». Варик стоял и молча смотрел на учительницу, а Вовка подошел к ней, склонился к её руке и поцеловал. «Вот нахал! — подумал Варик. — Насмотрелся разных фильмов и целует руку женщине, как взрослый мужик».

Теперь друзья встречались только в общеобразовательной школе, даже сидели не вместе, как раньше. Вовка сел

с Таней и всячески развлекал её и отвлекал от занятий. Таня чудо как похорошела, обогнала в росте Вовку, обзавелась дамскими принадлежностями и стала применять, правда, весьма осторожно, косметику. На недомерка Вовку смотрела с симпатией и с удовольствием смеялась его бесконечным проделкам, а с Вариком была любезно безразлична, почти холодна. Возможной причиной охлаждения был годовой давности разговор, когда они втроем пошли на очередной день рождения к Вите Старикову. Заговорили, какой народ талантливее, и Варик стал говорить, что самые талантливые во многих искусствах, конечно, армяне, что армяне — почти самый древний народ на земле, самый искусный в строительстве, что армянской письменности три с половиной тысячи лет. А русские получили грамоту из рук болгар всего тысячу лет назад. Под конец он сказал, что гордится своей национальностью. На это Танька резанула, что гордиться этим так же глупо, как цветом волос или глаз, ибо дано это от родителей и ничем не заработано. А Вовка сказал, что у евреев одна из молитв к Господу начинается со слов: «Благодарю тебя, Всевышний, что ты создал меня евреем», а мусульманин благодарит Аллаха, что Тот создал его мужчиной, а не женщиной, так что Варик должен благодарить Бога дважды.

— А, кстати, как зовут вашего армянского Бога? — спросил Вовка.

— Наш бог Иисус Христос, — ответил Варик.

— Этого не может быть — сказала Танька. — Три с половиной тысячи лет назад никакого Христа еще и в помине не было. Эх ты! Даже не знаешь, какому Богу поклонялись древние армяне!

Когда они пришли в гости, Танька наклонилась к Вовке и прошептала:

— Какой всё-таки твой друг Варик надутый, прямо противно на него смотреть. И с чего ему надуваться, скажи?

— Он не надутый, а раскормленный. Очень любит хорошо поесть, — тихо ответил Вовка и они посмеялись.

А Варик ревновал. Он сидел в классе рядом с Надей Милославской впереди и время от времени слышал сдавленное хихиканье Таньки. Не то, чтобы он был в неё влюблен. Нет. Но Надя была плоской, как гладильная доска, с неопрятно свисающими прядями русых волос над большим выпуклым лбом, с тонкими бескровными губами и вообще была занудой. Время от времени она молча смотрела на Варика широко расставленными серыми глазами, но он всегда при этом старался не встречаться с ней взглядом. Ему нечего было ей сказать, да и не хотелось. Про себя Варик звал Вовку везунчиком. Почему? Он бы и сам затруднился дать ответ. Везунчик-попрыгунчик и всё.

Еще один предмет ревности заключался в том, что у Вовки всегда были деньги. Мама присылала. И не спрашивала отчета, на что потратил. А Варику мама-Гаяна давала рубль в день, утверждая, что лишние деньги ему ни к чему. Он одет, обут и накормлен. Как-то Варик рассказал ей, что Вовка купил бутылку вина и, как оказалось, себе во вред. Теперь, когда он просил денег, мама спрашивала: «Зачем? Вино покупать? Ах, ты хочешь подарок сделать! Какой? Кому? Ладно. Пойдем вместе в магазин и выберем подарок». Варик и робел, и злился, но переупрямить маму не мог. Волей или неволей он становился Вовкиным должником, когда они небольшой компанией отправлялись в кафе или в кино, и Вовка широким жестом покупал девчонкам мороженое и соки. В результате Варик стал экономить на ежедневных расходах. Мама-Гаяна по временам проверяла карманы и сумку Варика, и он это знал. Поэтому он сделал себе тайник в ванной комнате, где одна из плиток неплотно прилегала к бетонному полу. Он обменивал мелочь на бумажки, а бумажки завертывал в полиэтиленовый пакетик и клал под плитку. Постепенно, постепенно рыжеватые рублевые купюры превращалась в красную десятку. Это уже были деньги, настоящие деньги. Он заходил в ванную, открывал кран и быстро лез в тайничок. Созерцание денег грело его. Он представлял себе, как он спокойно

заплатит за всех в кафе, но до дела так и не доходило. Тогда Варик стал записывать, сколько он съел и выпил за Вовкин счет. Он решил, что сразу отдаст ему, когда долг дойдет до десяти рублей. И вот, наступил день, когда он отозвал Вовку в сторону и сказал, что хочет с ним расплатиться за угощение. Он протянул Вовке десятку, но тот вскричал: «Варик, как тебе не стыдно! Мы же друзья!» И Варик, пожав плечами, сунул десятку в карман и не без удовольствия. Во-первых, он показал себя порядочным человеком, а во-вторых, десять рублей могли еще пригодиться в другой раз.

Между тем, сложность музыки всё возрастала. Труд, вложенный в ремесло, дал добрые всходы. Вот уже они исполняли на двух роялях концерты Рахманинова — за одним роялем Вовка, а за другим — профессор Комаровский. Однажды Варик услышал из-за приоткрытой двери, как профессор обсуждает с Вовкой тонкости музыкальной ткани и почувствовал, что Комаровский говорит об оттенках и сложностях исполнения совсем не так, как с ним, Вариком. Профессор общался с Вовкой, шутил, и оба они посмеивались, как два равных партнера в Музыке, а с Вариком профессор вел себя покровительственно, хотя и доброжелательно. Коллега Комаровского, профессор Габбе внезапно скончался, и Комаровскому пришлось взять себе его группу, так что на школьников времени не осталось. Их стали распределять по другим профессорам, и тут мама-Гаяна придумала ловкий ход. Она выяснила с помощью Варика, кто из них пользуется наибольшим авторитетом, и Варик стал напрашиваться к ним на консультации. В конце консультации Варик клал на рояль конверт с десятью рублями, что для малоимущих профессоров было отличным подспорьем. Ни один из них не отказался. Мама-Гаяна сказала Варику, что для успеха никаких денег не жалко.

В то же время Вовка никому ничего не платил, да и не было у него денег. К концу месяца он растрачивал родительские двадцать рублей в пух и прах. Профессора

занимались с ним с удовольствием и не жалели на него времени. Вовка в свои шестнадцать лет был взрослым, самостоятельным, с чувством юмора, начитанным и одержимым бесом богемности, который заражал весельем опекающих его профессоров.

... Профессор Владимир Тютюрин вернулся из консерватории несколько раздраженный. Его бесконечные гастроли начали беспокоить его коллег, и неожиданно заварилась большая свара в маленьком коллективе. Его упрекали в том, что он отдает мало часов учебному процессу. И, конечно, с оргвыводами — такие гастролирующие профессора нам не нужны. Заведующий кафедрой профессор Мак-Диллон был на его стороне, так что *бунт на корабле* вскоре затих, не успев набрать силу, но смотреть в глаза некоторым коллегам было весьма противно, а *политес* соблюдать приходилось. Американцы терпеть не могут нарушений правил приличия. И отчего люди так ревнивы к чужому успеху везде и всегда. Казалось бы, рояль под рукой. Сиди и твори. Ищи! Изобретай! Так нет. Голова занята тем, как бы посылить подгадить ближнему своему.

Вот так же было и с Вариком. Готовились к выпускному экзамену. Это вам не химию с физикой сдавать, где весь текст на трехстах страницах. Водород плюс кислород реагируют с образованием воды. А в музыке всё наоборот. Надо так работать, чтобы твоя личная вода разложилась на водород и кислород. Вот тогда тебя поймут и оценят! И Варик, и Вовка, и Таня и еще девять человек из их класса трудились день и ночь. Варик брал уже по две консультации в день.

Вовка напряженно думал над своей выпускной программой. Гвоздем программы должно было стать исполнение 32 сонаты Бетховена (opus 111). Эта соната, как ему казалось, вобрала в себя жизненный опыт композитора, а опыт говорил, что жизнь — штука трагическая, и колокольный-погребальный звон второй части сонаты провожал мятую

щуюся душу... Но просветленный страданиями человеческий дух в конце концов торжествует над скорбью...

Вовка видел за год до того фильм Феллини «Амаркорд» и восхитился гением режиссера, который показал, как из мельтешения, из пены и проказ, из трагикомедии итальянского фашизма подростки выходят поумневшими, повзрослевшими, чтобы приобщиться к самой банальной истине — жизнь продолжается! И вот, последние кадры: сидит на позабытом кем-то стуле одинокий слепой гармонист и наигрывает сам себе грустную песенку. Все уже разъехались, разбежались по своим делам после свадьбы (местной красавицы-шлюшки с легионером). Ветер гонит по опустевшему пляжу обрывки бумаги, кругом становится тихо и спокойно, только море несет свои волны, как оно несло их миллионы лет назад, и так до новой встречи с жизнью, до нового мельтешения и суеты, и так далее — до бесконечности. Вот это Вовка тоже хотел показать в конце второй части сонаты.

Программа выпускного экзамена была большая с обязательным исполнением прелюдии и фуги Баха. Дальше был свободный выбор, и Вовка играл один из полонезов Шопена, «Этюд-картину» Рахманинова и «Бассо остинато» Щедрина. В комиссии сидели всё знакомые лица — профессора консерватории и школьное начальство — всего двенадцать человек. Вовка трудился, как каторжный — и не зря! Поставили ему пять с плюсом.

У Варика исполнение было безупречным, и комиссия поставила ему пять. И всё было бы хорошо да ладно, если бы Вовка не похвастался, что у него на плюс больше. Этого Варик уже просто не мог стерпеть. Вовкин успех отравил ему радость собственного. Читатель, наверное, уже забыл того, средних лет, дяденьку, который говорил тост на восьмилетии Варика. А звали его дядя Ашот и работал он в министерстве культуры в должности управляющего всеми консерваториями ныне *бывшего* СССР. Зачем ими управлять из одного-единственного кабинета, хотя бы и в столице Мо-

скве, я вам растолковать не смогу. Равно как я не понимаю, что именно этот человек делал в своем кабинете, огражденный от посетителей секретаршами. Что-то он подписывал... или не подписывал, кого-то *держал и не пушал*.

Варик позвонил ему втайне от мамы-Гаяны.

— Дядя, — сказал Варик. — У меня есть друг, который на самом деле мне хуже кровного врага. Он втерся в доверие к нашим профессорам и очернил меня с головы до ног. Я узнал это совершенно случайно, не спрашивай, как. Они, несмотря на его черную подлость, не могли не поставить мне пять на экзамене, но я думаю, что этот подлец будет мешать мне жить и в консерватории. Дядя Ашот, дорогой! Защити меня от этого гада. Я не знаю, как. Тесно нам вдвоем на этой земле!

— Я должен хорошо подумать, мой мальчик, — ответил дядя.

И он действительно хорошо подумал.

Вовка шел на экзамен со спокойной уверенностью. Состав комиссии был тем же, только сидели они на балкончике прямо над абитуриентом, так что они его прекрасно видели, а он их не видел, да и разглядывать было некогда. Вступительный экзамен отличался тем, что на каждого поступающего отводилось ограниченное время и потому в любой момент сверху могли громко сказать: «Достаточно!» Особенно не разгонишься. Если за три-пять минут не собрался, где-то напортил, потом не поправишь. Вовка играл те же вещи, что и в школе. Довольно быстро его поблагодарили, и он ушел вполне довольный собой.

Вот тут-то и произошло событие, прямо скажем, неординарное. Незадолго до окончания экзаменов на балконе возник дядя Ашот, который жестким тоном предупредил комиссию, что все протоколы, включая копии, должны быть переданы ему. Ну, кто же в комиссии не знал управляющего делами всех консерваторий ныне *бывшего* СССР! Раз велют — исполняй! Спустя полчаса протоколы исчезли в объе-

мистом портфеле, а спустя еще три минуты дядя Ашот уже ехал в свой кабинет на персональном автомобиле.

Списки с оценками вывесили, как всегда, на следующее утро. Вовка не спеша приблизился к возбужденной толпе перед списком счастливых и несчастных и рассеянно глянул вниз, где теснились последние буквы русского алфавита. То, что он увидел, настолько огорошило его, что сначала он даже не понял, подумал, что у него что-то неладно с глазами. Напротив его фамилии стояло *«удовлетворительно»*. Как это могло случиться! Он играл ничуть не хуже, даже лучше... Он побежал на второй этаж, на третий, попытался связаться с кем-либо из профессоров, но никого не застал, а секретарь приемной комиссии на все вопросы отвечала: «Не знаю, я ничего не знаю. Обратитесь завтра к председателю приемной комиссии». К кому может обратиться парень, которому едва исполнилось восемнадцать лет? — Конечно, к маме. Он застал её на работе и услышал: «Я выезжаю к тебе. Ничего не предпринимай без меня».

Прямо с Белорусского вокзала они отправились в консерваторию. На сей раз им повезло, навстречу им спускался профессор П. Он с преувеличенной радостью поздоровался с пришедшими, но сказал, что очень, очень торопится.

— А знаете ли вы, что Володе поставили два по специальности? — в упор спросила мама.

Профессор П. сделал слишком уж изумленное лицо и сказал: «Этого не может быть!»

— Я тоже так раньше думала, — ответила мама, может быть, чересчур резко.

— С этим нужно разобраться, — вяло отреагировал профессор и тут же заторопился — Я, я к сожалению, очень спешу.

Встреча с профессором Комаровским мало чем отличалась от предыдущей, а когда они попытались поговорить с самым заслуженным — профессором Брауде, тот только глубоко вздохнул и развел руками. Оставалось одно — идти на прием к управляющему всеми консерваториями в мини-

стерство культуры. Два часа они просидели в пустой приемной, пока А. Х. Вартамян говорил с более важными людьми, а секретарши полировали ногти и, не стесняясь присутствующих, обменивались впечатлениями о недавней вечеринке. Наконец, их впустили в огромный кабинет, и пожилой человек в кресле, не предложив им сесть, спросил: «Ну, что там у вас?»

Мама быстро и толково объяснила, что произошло недоумение. Её сын был отличником и на выпускном экзамене в ЦМШ получил пять с плюсом. Она могла бы понять, если бы ему поставили «хорошо»... но «удовлетворительно»?! Вот, профессор П., который был в приемной комиссии, сказал, что этого не может быть!..

— Вы знаете, уважаемая ммм... эээ... (он не знал, как зовут посетительницу). Я ведь не музыкант. Я чиновник, который следит, чтобы учебный процесс в консерваториях был обеспечен всем необходимым. Вмешиваться в дела комиссии я не хочу. Если произошел досадный случай, надо попробовать еще раз, на следующий год. Вы ведь не из Москвы? Ах-ха, из Витебска?.. Вот и поезжайте в Белоруссию, и пусть ваш сын постарается поступить там. На Московской консерватории свет клином не сошелся, как говорится.

Круг замкнулся. Нужно было срочно ехать в Минск, потому что подходил срок осеннего призыва в армию. Вовка ехал в самом унылом настроении. Еще бы! Судьба приложила его ни за что, ни про что *мордой об стол*. Оба они, и мать и сын отлично понимали, что правды они не добьются, а синяков и шишек набьют себе выше крыши. Это в сказках правдоискатель борется и борется, пока не одолеет Зло, но в сказках Зло и не думает скрываться. Оно говорит: вот Я во всей красе! Попробуй, тронь! А высокое должностное лицо, совершившее уголовное деяние, скрывается от справедливой мести, прячет концы в воду. Попробуй ухватить его.

В Минске к Вовке отнесли хорошо, посмотрели его аттестат и, пользуясь всегдашней практикой оставлять для опоздавших талантов щелку, устроили прибывшему со-

отечественнику экзамен, восхитились и, дружно и быстро подписав все документы, переслали их в министерство культуры Белоруссии. Ответ начальства был для дирекции консерватории совершенно обескураживающим. Предписывалось ныне и впредь не менять число принятых абитуриентов. Вызвали злосчастного Вовку и, покаявшись и сославшись на неожиданный новый циркуляр, вздохнули и посоветовали поступать к ним на следующий год. Да, ... длинные были руки у дяди Ашота, длинные.

Однако времени на раздумье оставалось мало. Или он получал помощь от знакомых, или шел в стройбат с осенним призывом. Слава Богу, есть еще добрые люди, хотя их мало. Один из последних учеников великого Якова Флиера, сам прекрасный музыкант и профессор консерватории направил Вовку к директору музучилища С. с наилучшими рекомендациями. Тот принял Вовку сразу на четвертый курс (последний) и добился в военкомате отсрочки от призыва в армию. Работать Вовка умел. За один год он сдал на концертмейстера, артиста камерного ансамбля и педагога. Хороший у него получился диплом. Право, хороший. А еще он успел за год стать победителем республиканского конкурса.

— Владимир, миссис Бёрч очень заинтригована тем, что вы служили в Советской армии! — прощбетала мисс Сейсон, аспирантка Вовкиного коллеги, приехавшего сюда лет пятнадцать назад из Сиэтла.

Сейчас в разгаре было стандартное и весьма популярное «party», когда американцы громко и много говорят, еще громче смеются, запивая переслащенные до зубной боли торты литрами Пепси, Джинджера и других безалкогольных напитков. На кафедре всем было известно, что Вовка приехал из России. Его достаточно стремительная карьера привлекала внимание окружающих женщин, хотя в мужья они скорее выбрали бы американца и человека с положением, который обеспечивал бы семью и жену акциями

солидных компаний. Но всё-таки... пианист — и служил в Советской армии!

Профессор Тютюрин, желая посмешить дам, рассказал несколько эпизодов, как он в составе музыкального взвода надевал после шести вечера зеленый «бархатный» пиджак и с другими бойцами из музкоманды ехал в центр Москвы учить офицеров бальным танцам. Дамы смеялись, щебетали и находили Владимира очень, очень занятным. Нет, что касается зеленого «бархатного» пиджака и обучения офицеров, Вовка говорил дамам чистую правду, хотя и не всю. *Несокрушимую и легендарную*, можно узнать, только послужив там. Интеллигентные дамочки просто ничего бы не поняли, да и мужья их тоже. Еще обвинили бы Вовку в несусветных выдумках. Как всё просто: такого не бывает, потому что такого просто не может быть! — Всё может быть! Всё, что написано в «Архипелаге» и сверх того. Знал дядя Ашот, куда убирал конкурента своего ненаглядного Варика.

Их долго вели коридорами мимо дневальных, воняющих хлоркой солдатских уборных, каптерок, потом завели в огромную человек на сто двадцать казарму с черным от времени потолком, скомандовали «Стой! Напра-во!» — и они оказались перед многоглазым, стоустым чудовищем, которое не скрывало своего желания поразвлечься за счет новоприбывших. В помещении, несмотря на огромность, стояла вонь дрянных сапог, дешевых сигарет, потных тел, нечищенных ртов и того газа, которых гуляет в кишках военнослужащих от рядового до холостого старлея по причине некачественной пищи, на которой жиреют все интенданты огромной Русской империи, потому что они её не едят.

Ох, как не хотел Вовка идти в армию! Предчувствовал, что будут бить, издеваться. Ведь он был мелким, щуплым, уже немного сутулым, да еще в очках. Слава Богу, его еврейские корни со стороны бабушки не проглядывались, а то бы били по пятой графе тоже... Но это всё тогда маячило в перспективе, а пока он водил, как лиса, по своим следам

несчастливого военкома, который публично орал у себя в кабинете, что он этого Тюторина погонит малину собирать на Шпицбергене! И почти военком его уже и загнал, но тут подоспел всемирно известный конкурс имени Ферруччо Бузони в Больцано, в Италии, и наш Вовка оказался в числе подающих надежды на призовое место. Опять на год отсрочка от армии! Уж он не потерял этот год даром. В Мозыре он взял первое место на конкурсе молодых исполнителей. Сама Ирина Архипова, царственно улыбаясь, вручила ему диплом и премию Ленкома. Двадцать пятого апреля они дали заключительный концерт, после чего от души напились и завалились в поезд в полувзвешенном состоянии, что, как известно, способствует борьбе с атомной радиацией. Они этого, может быть, и не знали, но отметим факт, что на сотом километре их догнало облако, образовавшееся в Чернобыле, а радиация против водки бессильна!.. Наверное, все-таки радиация подействовала, потому что в ту же ночь Вовка решил, что будет поступать сразу в две консерватории — Московскую и Минскую. Правда, надо туда-сюда мотаться, экзамены сдавать, но это неважно. Вытерпит!

А пока он начал готовить программу к Всесоюзному конкурсу пианистов и надеялся, что в случае призового места поедет в Италию. И опять мрачная тень дяди Ашота встала над его дорогой, и заслонила солнце удачи. Он взял третье место. Это было вполне справедливо. Первое тогда взял К-в. Совершенно гениальный мужик. А как же не гениальный! Он *по слуху* выучил транскрипции Листа в исполнении великого Владимира Горовица, потому что в печати они не выходили. И так исполнял, что слава о нем докатилась до самого Горовица, и тот, пораженный искусностью К-ва, пригласил его к себе в гости... Да... А третьего места оказалось на сей раз недостаточно, чтобы ехать в Италию. Поражающий своей толщиной не менее, чем игрой господин Петров был хорошим знакомым дяди Ашота и, когда сидел в жюри, сделал всё возможное, чтобы Вовка не получил второго места. А потом вышел циркулярчик из министерства,

что из троих призеров в Италию поедут в этот раз только два, ввиду недостаточного финансирования культурной программы в настоящем году.

И вот теперь Вовка снова решил брать приступом Московскую консерваторию. Сопоставив расписание экзаменов в обеих консерваториях — Минской и Московской с расписанием поездов Минск-Москва, он теперь спал в поезде «туда» или «обратно», а утром являлся на экзамен. Всё было бы хорошо, если бы в СССР соблюдался график движения поездов. Когда Вовка с блеском преодолел экзамены по специальности и теории музыки, и оставалось лишь написать сочинение, проклятый поезд опоздал, и Вовка появился в Москве в экзаменационном зале с опозданием на час. Служба дяди Ашота тут же донесла о случившемся и, несмотря на ходатайство самого Мержанова, Вовку не допустили писать сочинение. Пора было ставить крест, а лучше — большой осиновый кол на Московской консерватории.

Его не забрали в осенний призыв, сразу после поступления и это было благом. Но он знал, что его обязательно заберут после первого курса. В связи с Чернобылем требовалась дополнительное солдатское мясо, чтобы заткнуть молодыми жизнями глотку Молоху, родившемуся накануне светлого праздника Первомая. Военкомы мели всех подчистую. Никогда еще в армии не было столько призывников филологов, философов и музыкантов. Студентам-технарям было куда как лучше. У них были выпускающие военные кафедры, в армию из институтов попадали единицы, да и то в звании младших лейтенантов.

Его школьная подружка Таня разыскала для него телефон Главного военного дирижера Московского оркестра академии бронетанковых войск имени Малиновского и объяснила, что в письме-запросе должно быть указано, что оркестру требуется именно пианист Тюторин и никто другой. Вовка дозвонился до Главного и смог поговорить с ним, и получить согласие, но время шло, а к военкому, который имел зуб на Вовку, запрос так и не приходил. Учебный год кон-

чился, и Вовка стал прятаться от повестки, всё ждал спасительного запроса. Не дождался. Однажды осенним утром его поймал на ступеньках общежития посланный из военкомата и в присутствии милиции заставил расписаться, что ему надлежит 11 ноября 1987 года явиться на призывной пункт по адресу... С вещами.

Повезло Вовке или не повезло? — Вот в чем вопрос. Он не стал калекой, слепым учителем музыки, не оглох, его не возили парализованного в коляске. Значит, ему повезло! А могло не повезти. В то время, как страна находилась в полной прострации, не зная, куда идти, генеральный штаб намечал планы глобальной атомной войны с использованием новейших достижений космической техники. По этому поводу генералы решили убраться из центра Столицы в район поселка Домодедово и там зарыться под землю, чтобы сохранить в случае атомного удара в целостности и сохранности «мозг» армии. Организация нового лежбища-убежища проводилось в обстановке строжайшей секретности и, наверное, поэтому для рытья глубоких траншей, куда предполагалось прятать кабели связи, использовали не эскаваторы и бульдозеры, а солдатские руки с лопатами.

... — Рота, подъем! — Они вскакивают, как сумасшедшие, натягивают галифе, сапоги, главное, как следует закутать ноги, не сбить бы портянку на бегу, потом с натертостью намаешься. Мамины толстые носки *деды* отобрали на второй день. Два километра бегом. Сержанты бегут рядом. Если кто споткнется, тут же толкают в спину, чтобы больнее приложился. Далеко позади всех пыхтит толстый, с нездоровой бледностью боец Федюкин.

— Рота, стой! — командует помкомвзвода Горячев. — Отжиматься! Пока этот боров не подбежит, всем отжиматься!

Все, тяжело дыша и проклиная Федюкина, отжимаются от ноябрьской холодной грязи. Наконец, Федюкин подбегает. Младший сержант Виногоров бьет его кулаком в живот, чтобы сбить дыхание. Федюкин со стоном падает.

— Рота, бегом! — вновь командует Горячев.

Все бегут до следующего окрика, чтобы снова отжиматься. Пытка продолжается добрых двадцать минут и так каждое утро, каждое утро.

Каждый день многочасовое рытье траншеи. Она тянется зигзагами через всё поле и днем, если взглянуть с караульной вышки, кажется злобной ухмылкой земли, уставшей от людских безобразий. Схватывают первые морозы и рыть траншею становится всё труднее. Дожди выливаются в выкопанное пространство и приходится стоять с ледяными мокрыми ногами. Вовка чувствует, что что-то неладное творится с руками. С каждым днем всё больнее кидать совковые лопаты с мокрым грунтом. Боль не проходит и ночами, будит. Ходил в лазарет, просил помочь. Медсестра пощупала, помассировала руки, узнала, что пианист, посетовала, дала цитрамон, авось поможет... Не помогло.

Блом-м-м! Этот странный звук огромной раскалывающейся венецианской чаши синего стекла снился ему потом много лет. Этот звон имел продолжение в высвисте мчащегося экспресса, который тащил его сквозь непроглядную ночь уходящего сознания. А перед этим была короткая сценка, в вероятность которой он иногда даже отказывался верить. Его позвали из группы *дедов* и спросили:

— Эй, салага, иди сюда. Деньги есть?

— Нет.

— Что ж мама тебе не шлет? Нехорошо это. Нам выпить надо, а у тебя денег нет.

Вовка пожал плечами:

— Когда пришлют из дома, я вам дам.

— Ну, ладно, — сказал один из них, Леха Смелый. — Раз денег нет, возьми-ка мои портки и постирай.

— Понял, — ответил Вовка. — Раз ты сильнее меня, значит я должен стирать твои портки. Но я тебе стирать не буду.

— Слышали? — обращаясь к товарищам, спросил Леха и лениво поднялся с кровати. — И денег у него нет, и стирать он не согласен...

Вот тут раздался такой звук, как будто лопнула большая чаша. Она была пронзительно синей и с изысканнейшими узорами... Он очнулся в медсанчасти. Сестричка сказала, что он неудачно упал и сломал себе очки и переносицу, а еще он ударился губой об пол и зубом пробил губу насквозь, но её уже зашили... Да, еще... Позвонили его родителям. Мама скоро приедет.

Мама Вовкина была человеком с характером, членом партбюро большого оборонного завода. Она приехала в Домодедово и прямо пожаловала домой к начальнику батальона, где служил Вовка.

— Я Тютюрина, — сказала она начальнику. — Я мать солдата, который имеет несчастье служить во вверенном вам батальоне. Я не стану разбираться, кто его избил и за что, но если с ним еще раз произойдет подобное, я вас лично предаю суду. Обещаю вам это, как член партии и заместитель начальника партбюро нашего почтового ящика.

И такая сила убеждения лилась из глаз матери, что тертый военный калач поверил, что она его посадит, и после её ухода вызвал к себе командиров рот и устроил им хорошую головомойку, а когда дошло до Вовкиного командира роты, тот вызвал группу *дедов* для душевной беседы и сказал, что долго разбираться не будет, а сделает любого из них инвалидом навечно, если они еще раз пальцем дотронутся до Тютюрина.

После Вовкиного возвращения в роту некоторые из прихлебаев, которые всегда находятся рядом с сильными, пытались поддразнить его, что вот, мол, мамочке пожаловался, но Вовка отрезал, чтобы они передали своим хозяевам, что он, внучатый племянник Дмитрия Фурманова, никогда чужие сраные портки стирать не станет, даже если его изрежут на куски.

Служба продолжалась. Вынужденный перерыв в рытье траншеи пошел на пользу рукам. Врач из санчасти дал Вов-

ке освобождение на три недели, и он занялся музыкальным хозяйством роты. В наличии были синтезаторы, аккордеон, домра, барабан, две трубы и туба. Оказалось, что некоторые из ребят умеют держать трубу, один неплохо стучит на барабане, а Вовка взял на себя тяжелую тубу для игры перед батальоном. Он быстренько расписал партии для инструментов и вскоре они уже всю в свободное от занятий время наяривали переложения песенок Раймонда Паулса, всяческие поппури, а для начальства выходили играть гимн Советского Союза и марши во время прохождения батальона по плацу. Самое интересное, что немудреная музыка, которую организовал за считанные недели Вовка, привлекла к нему все солдатские сердца. Однажды даже *дед* Лёха подошел к нему и сказал:

— Слушай, салажонок, я тебе, как мужик мужику говорю — прости за то, что тогда вышло. Если можешь, конечно. Не знал я, что ты такой клёвый парень.

И Вовка без иронии ответил:

— Простить постараюсь, хотя помнить буду до конца жизни.

Между тем, где-то в недрах Московского военного округа оживилась идея провести музыкально-хоровой конкурс под символом «Когда поют солдаты» подобно тем, что были так распространены после войны и пользовались даже благосклонным вниманием партии и правительства. Вовка со своим маленьким джаз-бандом был признан лучшим и послан в Москву завоевывать для родной части приз. И они сделали это, обойдя лощеных столичных военных музыкантов. Вовка возвращался в часть победителем и получил грамоту от начальства.

Фортуна есть богиня удачи. То ли она любит удачу, то ли её удача любит, но приход Фортуны часто бывает ослепительно изобилен, что за игровым столом, что в поиске сокровищ, а что и в чисто житейском везении. В дополнении к триумфу пришел вдруг запрос из Московского оркестра. Где валялся полгода, одному Богу известно.

На прощание с Вовкой добрая половина роты вышла на крыльцо казармы, а комвзвода лейтенант Щеглов сказал:

— Ну, давай, сынок, расти. Помни о родной части, которая дала тебе путевку в жизнь.

... — Сынок!! — он и сейчас, в Бостоне зло усмехнулся. — Какое ласковое слово — сынок!

Память высветила, как они бегут с автоматами, с полной выкладкой в серой пелене мартовского утра, дыхания не хватает, пот застилает глаза. Подъезжает на «козле» лейтенант Щеглов и участливо так спрашивает:

— Ну что, тяжело, сынок?

Вовка сдуру и ляпает:

— Очень... тяжело...

— Ну, на тебе еще и мой автомат, чтобы было легче. Цепляй, цепляй — и вперед!

А через километр снова подъезжает:

— Ну, как, сынок, тяжело?

Тут уж сообразил и из последних сил гаркнул:

— Никак нет, товарищ лейтенант! Легко!

— Ну, вот и молодец! Давай мой автомат! Спасибо, что донес!

Новые казармы в центре старой Москвы в Лефортове оказалась Вовке санаторием. Комната на шесть человек. Мягкие пружинные кровати. Отдельная спальня для воспитанников, ребяташек 14–15 лет. Много сверхсрочников, лет под тридцать. Приходили рано утром, переодевались в военную форму, играли, что велят, а вечером аккуратно развешивали мундиры на плечики, начищали сапоги и со спокойным достоинством возвращались домой, к женам. Дедовщиной и не пахло.

Работа была непыльная. По утрам отпевали усопших генералов. Кто бы мог подумать, что со времен Отечественной войны их столько накопилось! Сплошным потоком шли гробы из Афганистана. Тут уж Вовка насмотрелся сквозь прорези своей тубы на людское горе. И в такт хрипе-

нию тубы, как кровь, подаваемая толчками сердца, звучало: Та-та-тата — тита-тита — та-тата...

Утренняя печаль сменялась деятельными полуденными часами, когда готовились к выступлениям в Центральном Доме Советской Армии. Вечером надевали зеленые «бархатные» пиджаки и отправлялись играть польки и полонезы. Обучение высших офицеров бальным танцам проводилось три дня в конце недели...

Сейчас, на берегу Атлантического океана профессор Тютюрин вспоминал своё исполнение священного гражданского долга в Московских казармах даже и с нежностью. Была при всех нагрузках и перегрузках — скажем, надувать на морозе тяжеленную тубу, чувствуя, как мерзнет спина и особенно конечности — особая легкость и беззаботность существования. Голова не болела, что будешь завтра есть, во что оденешься, где будешь спать. Отдудев своё, он получал увольнительную и ехал в знакомое, ставшее почти родным Измайлово в семью троюродной тетки, дочки бабушки Розы. Там его ждал ароматнейший чай с закусками, ненавязчивый разговор с людьми, которые его любили и которых любил он, и книги, масса интереснейших книг. Старшие были просто помешаны на художественной литературе. Вовка выбирал книги, усаживался в глубокое красное кресло, и его оставляли одного. Это счастье длилось почти полтора года, перемежаясь и умножаясь радостью от посещения концертов.

Пока Тютюрин парили в армии, Варик упорно лез к вершинам мастерства. Он работал, как вол, но опекавший его профессор Трахтенберг всё был недоволен. По мнению профессора, у Варика в игре доминировало что-то неодушевленное.

— Что он делает из Шумана, я не понимаю, — думал профессор, — но получается какая-то мутотень для механического пианино. Вот он *придал сухую беглость пальцам, пове-*

рил алгеброй гармонию и что?.. Однажды в конце третьего курса профессор не сдержался и спросил Варика в упор:

— Владимира Тютюрина помните?

— А что?

— Он входил в музыку, как в свой дом, а вы, — как сторож на склад музыкальных инструментов.

— Не понял!

— И хорошо, что не поняли. Это я так, в полу-шутку, — овладел собой профессор, остановившись на банальной мысли, что в конце концов не обязательно каждый должен становиться исполнителем, можно быть прекрасным преподавателем и, к тому же, не обязательно игры на фортепиано, можно преподавать гармонию, историю музыки...

Варик был очень расстроен непонятным для него выпадом профессора. Спускаясь по лестнице он взглянул в большое зеркало на свое расстроенное лицо и преисполнился злобы ко всем, кто стоял на его пути, по его мнению. Но более всего он ненавидел этого проходимца Вовку, которого ни мороз, ни жара не брали и вот, он его недавно встретил на концерте в консерватории. Варик спросил его из вежливости, чем тот сейчас занимается. Оказывается, этот гад ходит по утрам отпевать покойников, а вечером наслаждается, как *белый человек* прекрасной музыкой! Варик сделал вид, что очень занят и отошел от него. Тот стал еще тощее, одет безобразно, на роже криво посаженные очки в самой дешевой оправе. Тут Варик взглянул на свои мощные черные брови вразлет, выразительный крупный нос, яркие губы и улыбнулся волчьим оскалом, так что все тридцать белоснежных зубов сверкнули. Вот каким должен быть настоящий мужчина! А этот... Пусть катится в свою провинцию и спивается там с такими же, как он, непризнанными гениями!

Однако непризнанный гений благополучно расстался с армией и вскоре вернулся в стены Минской консерватории. Он поставил себе задачу закончить обучение в два года.

Тем временем Хачик Саакович, папа Варика, быстро смекнул, что начатая Горбачевым перестройка дает необычайный простор инициативным людям, таким как он, Хачик. Простор был почти неограничен законами и, к тому же, глава государства сам подтвердил, что всё, что не запрещено — разрешено. Хачик чувствовал себя в сферах производства и потребления, как рыба в воде. В результате землетрясения в городе Спитаке он положил на свой секретный счет в бельгийском банке первый миллион долларов. Он верил, что вскоре на смену красному кумачу и портретам вождей придут привилегии и свободы для тех, кто умеет делать деньги. «Мы будем покупать виллы на берегу Средиземного моря», — мечтал он и, как мы уже знаем, — не ошибся. После бесславного провала путча Хачик глубоко вздохнул и сказал за ужином своей семье:

— Всё! Возврата к прошлому больше не будет. Ты, сынок, скоро будешь гулять по всему миру и тебе не нужно будет горбиться за инструментом и бороться за право поехать на какой-то конкурс-шмонкурс. Ты занимайся своим делом для собственного удовольствия, а если надоест, я тебя определю на фирму, которая торгует со всем миром нашим алюминием. Только не торопись, подумай, как следует.

Варик подумал и решил, что совершенствоваться в своей специальности он будет. Он не сомневался, что со временем станет и доцентом, и профессором в консерватории. О том, чтобы после получения диплома преподавать в училище или в школе, не могло быть и речи. При этом ощущение грядущего богатства странным образом успокоило его злые мысли, хотя о Вовке иначе, чем «этот гад», он помыслить не мог. Вовка мешал ему жить самим фактом своего существования. Никак с ним не контактируя, он продолжал ревниво следить за Вовкиными успехами.

А успехи всё нарастали. Не сразу, разумеется, далеко не сразу. Для Вовки учиться только на отлично никогда не было мерилom успеха. Самое ужасное, что с ним могло

случиться, уже случилось. Руки болели по ночам так, что ему приходилось пить анальгин. Наблюдавший доктор послал его на рентген, где пожилая тетка ему показала его воспаленные сухожилия со следами надрывов — волоконца сухожилий торчали во все стороны, — и объяснила, что выздоровление будет очень долгим и то при условии соблюдения режима лечения, физиотерапии, регулярного приема витаминов и главное — никаких перегрузок рукам.

— Как вы думаете, молодой человек, можно ли забивать гвозди швейцарскими часами? — спросила докторша и тут же ответила:

— Разумеется, можно, но гарантировать точность хода после этого я бы не стала. То же самое проделали с вами в армии. Ваши руки стали точнейшим инструментом, а им поручили бросать совковые, извините за каламбур, лопаты с мокрой глиной...

Окончив с красным дипломом Минскую консерваторию, Вовка оказался в открытом плавании. Еда, одежда, крыша над головой оказались его глубоко личным делом. Взрослый мужик с хорошим образованием должен кормить себя сам, а не тянуть деньги с родителей. Так как конкурсы, особенно заграничные, бывают не часто, да в них еще нужно втиснуться, а кушать нужно каждый день, он через полгода провел в жизнь целую систему заработков.

Конечно же, он преподавал в родном училище, и у него уже появились первые ученики, которых он собирался посылать на республиканские конкурсы.

Второй его работой было участие в составе Государственного (то бишь, независимой республики Беларусь) президентского духового оркестра, в составе которого играли сплошь одни евреи. Там Вовка играл за всех недостающих к данному моменту музыкантов — и за кларнетиста, и за арфиста, а уж о родной тубе и говорить нечего. Кстати, по Вовкиным наблюдениям, именно играющие на тубе почему-то

всегда были горькими пьяницами и чаще всего отсутствовали в оркестре по неуважительным причинам.

Советская система оставила в наследство замечательный институт под названием Всесоюзное общество «Знание». Силами этого общества в темный народ направлялись энергичные люди для просвещения и отвлечения от низкосортных удовольствий. Музыка тоже являлась средством воспитания и просвещения, и Вовка вступил в это знаменитое общество. Обычно формировалась бригада артистов разных жанров, которые получали командировочные, гостиничные и проездные деньги. Состав труппы бывал самый причудливый. Вовка мог исполнять свой номер на баяне после виртуоза-балалаечника, который, в свою очередь, играл после опереточной актрисы на пенсии, а после него мог выступать жонглер с тарелками или укротительница крошечной собачки. Чаще всего бывало, что фортепиано отсутствовало, и тогда Вовка играл на том, что было в наличии, а еще бывало, что директор совхоза доверительно сообщал артистам, что механизаторы сильно *выпимши* и лучше их не тревожить, а бумаги насчет концерта он им и так подпишет...

Очень прибыльной, но вызывавшей отвращение, была работа в ресторане «Вернисаж», где Вовка играл на синтезаторе. Когда собирались люди с Кавказа, они после бутылки коньяка требовали играть национальные песни. Вовка старался и для грузин, и для армян, и для азербайджанцев. Гости входили в раж и заставляли играть одно и то же по десять раз, хотя потом наступала минута примирения, и Вовка наяривал знаменитую песню из фильма «Бриллиантовая рука» про зайцев, которые косят под луной *трын-траву*: «А нам всё равно, а нам всё равно! Не боимся мы волка и сову!...»

Не брезговал Вовка и совсем простыми заработками. Случалось ему и в студентах сорваться с приятелем в село и играть на свадьбе. Работа есть работа.

Варик осенью поступил в аспирантуру, а Вовка пока лишь зарабатывал на жизнь и если бы не доброта его покровителя Мержанова, еще неизвестно когда бы он выплыл. Большой был человек Мержанов. Большой мастер и большой человек. Знал, как Вовке покалечили руки в армии, и не дал ему закиснуть среди житейской суеты. Помог ему приехать на курсы повышения исполнительского мастерства имени Рахманинова. Там Вовка получил новый импульс, общался с лучшими, слушал и анализировал. Варик там тоже оказался. Статный такой красавец в щегольской одежде. К Вовке даже не подошел. Один раз кивнул издали.

Постепенно, шаг за шагом Вовка стал возвращаться к роялю. Он чувствовал, что никогда уже не сможет играть так, как играл до армии, но проигрывая самому себе прежнему технически, он теперь развивал свой талант в сторону философского осмысления музыки. Его игра поражала воображение тех, кто его слушал. Однажды он приехал к Мержанову в гости. Собралось несколько человек, и Вовка исполнил им Шопена. Подняв голову от инструмента, он увидел слезы на глазах присутствующих и услышал благоговейную тишину радости приобщения к бессмертному.

На ловца и зверь бежит! Хорошая пословица. Фонд Сороса решил провести акцию под названием «Миры встречаются». Загрузили на огромный теплоход сборный оркестр, пригласили с пяти континентов пять солистов, публику из богатеньких и известненьких, иностранных музыкальных профессоров и критиков, представителей прессы и поплыли по Волге. Вовку тоже пригласили поиграть для публики. Если приглашают играть, отчего же не играть? Он старался и, по-видимому, не зря. Ему долго аплодировали, не хотели отпускать. А в зале сидели не только любители. Были там люди в музыке разбирающиеся, да еще как! Под стенами древнего Ярославля по случаю столь удачно закончившегося концерта устроили большую пьянку. Тут к Вовке подсел

один американский профессор, который с помощью своей приятной спутницы достучался до него и предложил ехать в Штаты «повышать квалификацию».

— Жди вызов и учи английский, — сказал на прощанье профессор и оставил ему свою визитную карточку.

Вовка кивнул хмельной головой:

— Буду ждать... Буду учить английский, — в вызов профессора он не верил ни одной минуты. Мало ли кто что скажет по пьяному делу...

Профессор Владимир Тютурин возвращался с Нордического открытого международного конкурса в Мальме, где он присутствовал в качестве члена жюри. Его уже давно приглашают судить различные конкурсы. «Юность кончена, приходит Смелой дерзости пора», как писал Гейне. Теперь он всемирно известный исполнитель. Его приглашают по всему миру. Если кто сомневается, что он всемирно известный, пусть откроет страницу Интернета. Через неделю он летит в Китай. Там он организовал международный фортепианный институт. По сути — это летняя школа для молодых талантов.

... — Когда началось Ваше восхождение на фортепианный Олимп? — Тут он усмехнулся, вспомнив этот дурацкий вопрос на интервью с представительницей «Русского Национального Радио». Вначале он ответил вполне вежливо, что вехой для него стало исполнение Первого концерта для фортепиано П. И. Чайковского с оркестром Оклахомы в связи с сорокалетием оркестра. Обещавший приехать великий Вэн Клайберн отказался за две недели до выступления, и вот, они обратились к профессору Тютурину, не сможет ли он сыграть с ними.

— Сыграю, — сказал он уверенно, хотя ни разу до этого Первого концерта не играл. Сел и за неделю выучил партию. Потом было выступление, которое прямо-таки превратилось во всенародное ликование. Это был его первый большой концерт в Америке.

— Владимир, а вы помните, как еще в 1986 году записали для «Русского Национального Радио» знаменитую Бетховенскую 32-ю сонату? Испытывали ли вы тогда, еще совсем молодой человек, почти юноша, гордость за себя, как за человека, приумножившего духовное богатство России?

— Ну, я никогда не страдал манией величия. Я всегда получал и получаю удовольствие, если удастся хорошо сделать свою работу. Совсем по Маршаку: «Что оратору нужно? — Хороший парик...»

— А скажите, Владимир. Чувствуете ли вы себя русским, как раньше говорилось, сыном России, извините за высокопарность!

— Нет, не чувствую. Я чувствую себя уже много лет одной крови (как говорил Киплинг) с теми, для кого я выступаю. Они моя нация. У меня был друг в России. Вот он наверняка ощущает себя сыном России, хотя по рождению чистокровный армянин. Его не приглашают выступать в других странах, наверное, потому что он боится расстаться с Россией-Мамой, скоро уже пятнадцать лет сидит доцентом в Московской консерватории, справки оформляет.

Вот здесь Тютюрин немного ошибся. Что касается отношения Варика к работе, к преподаванию всё правильно или почти правильно, но Варик теперь по нескольку раз в год едет отдыхать с семьей то в Испанию, то в Италию, то в Арабские эмираты. Говорят, что его отец очень богат и оставит сыну многомиллионное состояние. У Варика уже двое детей. Они живут в особняке на Рублевском шоссе. Охрана, колючая проволока. Два огромных ротвейлера. И еще Тютюрин ошибся в интервью — теперь Варик тоже профессор. При Московской консерватории. Его мамочка не поленилась и нашла телефон в Витебске, позвонила Вовкиной маме и стала спрашивать, как там Вова поживает? Мама Вовки, помня, чего стоила им дружба с её сыном Вариком, конечно же, держала рот на замке. Но ведь в Интернете всё-всё есть!? Есть, да не всё! Нет там ни имени Ва-

рика, ни его фамилии. Нет такого музыканта в *прекрасном и яростном* мире музыки! Вот она и позвонила, чтобы хоть кому-нибудь да сообщить о радости, что, наконец, и её сын получил звание профессора.

Все действующие лица моего рассказа почти довольны жизнью, кроме дяди Ашота, который работает на фирме Хачика Сааковича в качестве человека, который ничего делать не умеет. Он бурчит, что настали дурные времена, когда кто угодно ездит за границу. Отсюда и распущенность, и воровство, и наркотики. Вот, при коммунистах ездили единицы. Знали, кого пускать, а кого держать! Порядок был!..

ЖИЛ-БЫЛ СИЗАРЬ

«**К**акие жалкие домишки строили в русских деревнях после войны, — думал Олег Шумаков, возвращаясь к себе из избушки Льва Борисовича Сизова. — Моя тоже на ладан дышит, но эта! Щели в палец толщиной, пол ходит ходуном, дунет ветер посильней — унесет эту кучу хлама в ближайший овраг. Как он решился зимовать в „Горюхине“?...»

Соседки-кумушки невесть откуда всё-всё разузнали о Сизове и разнесли по всей деревне. Шумаков понял только, что жил он в Москве с женой и дочкой. Работал в какой-то конторе начальником отдела. Потом пришла к ним в отдел Нина, с синим инженерским дипломом, и как-то само собой всё закрутилось, завертелось, и положительный, спокойный человек потерял голову, вернее — потерял сердце. Она жила с мамой и бабкой в однокомнатной квартирке, а он — в такой же со своей семьей. Прямо скажем, секс при таких обстоятельствах места практически невозможен. А любовь без секса — вообще нонсенс, и не будем ссылаться на Чайковского и фон Мекк. Воду в ладонях не удержишь. Ей тридцать пять, а ему пятьдесят. Жена сказала: «Вот что, старый, забирай свои шмотки и катись колбасой с глаз моих долой!» После этих слов он покорно собрал чемодан, положил на стол ключи и отправился к приятелю переночевать с тем, чтобы завтра снять комнату.

Можно ли построить человеческое счастье, получая двести двадцать рублей в месяц в возрасте пятидесяти лет, снимая комнату у холостяка, который любит выпивать?

Та дрянная комнатенка со старинной пружинной кроватью, украшенной никелированными шариками, стала при-

А. Толчинский. «Колючий букет»

бежищем одиноких душ, молодой и пожилой. Она прижималась к нему всем телом, а он гладил её плечи, спину, ноги, прикасался своими сухими губами к её коже и всё впитывал её нежный аромат, и не мог насытиться. Потом она вытаскивала из сумки приготовленную дома еду, он открывал бутылку молдавского сухого вина за один рубль двадцать копеек и ставил на столик два хрустальных бокала, вымытых до ослепительного блеска. Он их приобрел в комиссионном магазине. Ему пришлось покупать многие мелочи для ежедневного бытия, потому что он ушел из семьи совершенно пустым.

В прежней размеренной семейной жизни он не замечал, что жена следила за его внешним видом, меняла ему нижнее бельё и носки, завертывала бутерброды и свежие овощи, чтобы он не травился в общепитовских столовых. А тут он оказался предоставлен самому себе и должен был думать о тысячах мелочей. Более того. Он купил моющие средства и, изнемогая от отвращения, отдраил до полной белизны туалет и ванную, следил за их состоянием, потому что не хотел, чтобы его возлюбленная испытывала брезгливость при посещении санузлов. Так незаметно прошло восемь с половиной лет.

Изда Шумакова находилась недалеко, и тот часто проходил мимо Сизова, направляясь в ближайший сосновый бор или на рыбалку. Перекидывались приветливыми словечками, потом Шумаков пригласил его на чай с рябиновым вареньем.

Как выяснилось, Сизов был старше его на шестнадцать лет. Повоевал совсем немного, потерял два пальца на правой руке и был контужен, потом был списан. Еще до войны поступил в геодезический техникум, в сорок четвертом закончил его и пошел работать в закрытую организацию, ездил в экспедиции. Потом ему предложили место начальника отдела в другой конторе, где он проработал двадцать лет. Вот, сейчас подумывает уйти на пенсию, ему льготы

полагаются. Хочется пожить для себя. Здесь хорошо, тихо, птицы поют. Особенно по утрам.

— Ко мне никто не приезжает, только Нина, когда у неё отпуск. А у вас, Олег Ильич, я вижу каждый грибной сезон кучу гостей.

— Да, друзья со студенческих лет. Один, правда, со школьной скамьи, Мишка Ланге. Обещал через пару деньков приехать.

— А ваша жена Зоя...Михайловна, кажется?

— Она в экспедиции на Кавказе. Раньше октября не вернется.

— Да-а, а я набегался в экспедициях с сорок четвертого... И знаете, что мне надоело больше всего? Никогда не угадаете! Гречневая каша. Та самая гречка, которую нынче днем с огнем не сыщешь. Прямо аллергия у меня какая-то на самый её запах.

Как это часто бывает, слово за слово началось сближение. Есть у человека потребность рассказать свою жизнь другому за рюмкой водки или чашкой чая, что можно не раз наблюдать в купе скорого поезда. Может быть, потому что встреча совершенно случайна и близкое расставание навек неизбежно.

Вот тогда-то за чашкой крепкого чая Сизов неторопливо поведал Шумакову историю своей поздней и неистовой любви, которая осветила его привычную монотонную жизнь, как вспышка молнии. Оказывается, они прожили в той жалкой комнатке с Ниной семь сладких лет, когда любой пустяк — купленный за рубль у метро букетик незабудок, превращался в дар небес, и они смотрели на него за ужином и в постели перед сном.

— И вы собираетесь жить на одну пенсию здесь круглый год? — спросил Шумаков.

— Я, знаете ли, Олег Ильич, очень экономно жил с Ниной и скопил за эти годы две с половиной тысячи рублей. Нет, на неё я всегда был готов потратиться... Я человек непью-

ший и некурящий. Думаю, что этих денег мне хватит надолго. Вот, сейчас я купил очень дешево два мешка картошки. Соль у меня есть... Восемь килограммов. Так что солить грибы могу. Они вон, уже пошли. Дровишек я тоже постепенно набираю в ближнем бору, знаете, сухостой хорошо горит, хотя слишком быстро выгорает, береза куда лучше. Ну, еще сахар у меня есть, в трехлитровых банках я запас. В июле я ходил за малиной, наварил четыре литровых банки варенья. Вот вы хвалите варенье из рябины, а у меня более примитивный вкус, мне горчинка ни к чему, да и жалко сахар переводить. Другое дело малина. Она ведь еще и лекарство от простуды. Что еще сказать... Крупа у меня есть, макароны, а молока я куплю. Мне одного литра на неделю хватит. С чаем разберемся. Нина приедет, привезет «Индийского» пачку или две. Хорошая она у меня, верная и заботливая. Я, знаете ли, положил тысячу семьсот пятьдесят ей на книжку на случай, если со мной что случится... Вот так.

Мишка Ланге приехал на следующий день, в субботу. Плечи покатые, но грудные мышцы крупные, сильные. Кисти рук небольшие, у Шумакова раза в полтора больше. Мишка был в юности настоящим уличным бойцом, бесстрашным. Был у него еще талант — протыриваться в любой очереди, что на каток, что прямо сейчас на автобус. Кто стоял в русских очередях, знает, что это такое. Одна касса, как амбразура *ДОТа*, и возле неё — кипение народа, что баб и мужиков с мешками и корзинами, что пацанов, рвущихся на каток. Мишка скинул свой мешок с поллитровкой и плавленными сырками возле девушки — посторожи, мол, а сам нырнул в толпу и добыл-таки билет. Ухитрился одним из первых залезть в автобус и даже подремал часок на заднем сиденье. Лев Борисович Мишку уважал за то, что тот тоже ходил с геологами, гонял плоты по Енисею и преподавал английскую литературу студентам в *ПедВУЗе*. Мишке с ним было скучно, но он терпел. Всё-таки живая душа. Нравилось ему,

что тот сумел преодолеть свой страх перед людьми, и пошел за женщиной, которую полюбил на исходе жизни, наплевал на пересуды.

Друзья перекусили, Мишка поставил палатку в палисаднике, потому что не терпел избяную вонь от сырых бревен и дымящей русской печи, собрали рыболовные снасти, накопили червей под крапивой и отправились на рыбалку, благо до Угры было от силы две сотни метров.

— А чего Лев Борисыч не ловит рыбу? — спросил Мишка.

— Не умеет. Так и сказал.

— Станный мужик. Поесть свежей ущицы — это ж праздник для души.

— Он ждет, когда Ванька, сын Кати наловит сетью целый таз рыбешек, ну и уделит ему с десяток. Нина приедет, почистит рыбу, сварит уху, а он поест.

— Вот, был человек в экспедициях полжизни, а получился такой несамостоятельный, как ребенок, честное слово.

— Так в этих экспедициях он работал с рейкой и теодолитом, а какая-нибудь баба им всем кашеварила. Он, небось, и костер-то толком не разожжет.

— Тебе не кажется, что он похож на актера, который играл в фильме академика Королева, но скорей это пародия на образ. Жалкая пародия.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, но ни фильма, ни фамилии актера я не вспомню. Уж не обессудь.

Вечерний клев был довольно удачным. Мишка азартничал, курил одну сигарету за другой. Он сидел на обрезке доски, поставленной на эмалированное ведро, которое заранее наполнил речной водой. Клевала в основном окуневая мелочь, пару раз он вытащил плотву. Вдруг из ольховника вышел крошечный, но совершенно самостоятельный котяра, который без всякого страха подошел к Шумакову и вопросительно на него посмотрел. Олег улыбнулся и протянул ему маленькую плотвичку. Зверек подтащил её к себе и начал деловито приходить.

— Давай занесем рыбу Сизову, — предложил Шумаков. — Завтра с утра наловим и тогда уж сварим ушицу. Неохота перед сном возиться.

— Точно. Сейчас поужинаем бутербродами с чаем и поиграем в «гусарика».

Приятели часто проводили время за преферансом и, если не было третьего партнера, играли вдвоем в «темную» по копейке вист. Шумаков чаще всего проигрывал и расстраивался, потому что никак не мог переиграть Мишку. Тот обладал лучшей интуицией, особенно при распасовках. Так мало того, что постоянно выигрывал: он еще и насмешничал. Однажды Олег не выдержал, бросил карты на стол и пошел колоть дрова, чтобы сбросить стресс.

Они проснулись около семи утра, не спеша позавтракали. Куда спешить, когда речка, милая, родная, чистая Угра, вот она — рядом! Вышли с удочками и тут же увидели Нину с рюкзаком за спиной, которая бережно несла виноград в бумажном пакете своему Льву Борисовичу аж с самой Москвы. Так раньше в родительский день родители тащили своим деткам в пионерский лагерь баночки с клубникой в сахаре, а клубнику ароматную и сладкую можно было купить только на рынке и за немалые деньги при тех жалких послевоенных зарплатах.

— Слушай, у меня в пятницу день рождения, — сказал Олег.

— Я помню.

— Хочу пригласить Сизова и Нину. Они, правда, не пьют, но пусть погреются в нашей теплой компании. Я сухую колбасу нарежу, шпроты открою и сделаю грибной плов. Надо бы засолить в темпе грибов, так что давай-ка лучше сходим в ближний бор. Десятка белых или подосиновиков нам вполне хватит. Укроп и листья хрена и смородины возьму у Кати.

— Не просолятся.

— Еще как просолятся! Горячий засол с травами! Проверено!

К вечеру приятели вышли на крыльцо покурить и заметили на верхней дороге Нину с её другом. Не спеша приблизились. Закат подарил яркие свекольные краски, переходящие в глубокую до черноты синеву. Дорога была еще хорошо видна. По её левому краю белели стволы высаженных лет двадцать назад берез. Казалось, что от них, как от уличных фонарей исходит сияние. Комары уже сошли. Воздух был напоен запахами предосеннего леса. Поговорили о пустяках.

— Вот, надо бы избу подготовить к зиме, — сказал Лев Борисович.

— Сами не справитесь, надо к мужикам обратиться, — заметил Шумаков.

— Мы вдвоем справимся, — возразила Нина, проконсультируемся у местных. Если они возьмутся, то каждый день им пол-литра неси, а получится полная халтура. Лучше уж мы сами.

— Приходите ко мне послезавтра к обеду, будем праздновать мой день рождения. Круглая дата.

— Это сколько же? — спросил Сизов.

— Сорок три.

— Что же в ней круглого?

— Десять лет от возраста Христа!

Нина поморщилась, но ничего не сказала.

Мишка хмыкнул:

— Одним христианином в деревне стало больше.

— Спасибо. Обязательно придем. Во сколько у вас обед? В три? Придем, конечно.

Гости пришли без опоздания, расселись вокруг круглого стола, который Шумаков получил в наследство от умершей тещи и перевез со случайным попутчиком задешево прямо к избушке. Лев Борисович не скрывал удовольствия от роскошного городского угощения. В подарок он принес туес, который сплел из бересты, а Нина наполнила его калиной. Ягода уже успела набрать мощный кроваво-красный оттенок, хотя еще была твердовата.

— А вы положите её на денек в морозильник, а потом оставьте в избе на пару дней, она станет мягкой — посоветовала Нина. — Я раньше покупала гроздь калины на рынке в сентябре и всегда так делала. Потом ягоду надо засыпать сахаром по вкусу и держать в холодильнике.

— Благодарствую, друзья мои, — поклонился Олег. — Прощу теперь к столу. Отведайте моего плова с белыми грибами, не пожалеете, что пришли. Но перед горячим надо угоститься московской водочкой под закуску. У меня свежий грибной засол. Скажете — удался или нет.

— Я не пью, — твердо сказала Нина.

— Да, Нина у меня трезвенница, — пояснил Сизов. — Ни вина, ни пива не употребляет.

— С детства? — спросил Мишка, и все засмеялись.

— Покойный отец очень любил выпить и сделал нашу жизнь просто невыносимой, — сказала Нина, и голос её задрожал.

— Я сейчас разведу вам рябиновое варенье с водой, чтобы чокнуться за здоровье новорожденного, вы не против? — спросил Мишка. — Ну, вот и ладненько. Ну что поехали? Лев Борисович, а вам «Столичной»? Ну, будь здоров Олег Ильич!

— Как вам видится война, спустя тридцать лет? — спросил Олег у Сизова после третьей рюмки. Сизов ограничился одной, которую потихоньку посасывал.

— Никогда до войны и после неё я не видел такой отвратительной грязи вокруг себя. Всё дело в том, что мужчине надо ходить в туалет три раза в день, а туалета в окопах нет. Да и на марше: как только перекур, сразу сто человек бежит справить нужду. Там, где остановились, там и гадят. Воду никто на эти дела не даст. Вода для питья и приготовления горячей пищи. Помыться можно только у реки и то, если капитан дал добро. Все и всё воняет. Чужа остатки пищи и испражнений, слетаются и сползаются всякие насекомые и мелкие зверьки. Зараза разносится с необычайной скоростью. Те, кто привык бриться, заболевают всякими кожными болезнями, все ходят и почесываются. Поскольку

грязь с рук смыть нечем, начинаются кишечные расстройства. Курильщики смердят махоркой, зубы никто не чистит, кроме комсостава. А разговоры среди солдат только об одном — о женщинах, реже о жратве и выпивке. Сплошной мат и похабщина. Еще, как говорится, крови не нюхали, стрелять не научились толком, а уже превратились в дикарей. Начальство время от времени делает выволочку сержантам, но ведь к каждому сторожа не приставишь. Самый ходовой товар — газета. Её и почитать и самокрутку слепить, и, извините, вытереть кое-что, не к столу было сказано.

Короче, война — это грязь, жуткая грязь.

Посидели еще, посудачили о мелком, житейском. Пили чай с рябиновым вареньем. Олег достал плитку шоколада «Гвардейский» из своего неприкосновенного запаса, разломал на куски. Сизов взял кусочек почти благоговейно.

«Господи, как он нуждается! — подумал Олег. — Надо бы ему перед отъездом оставить хоть рубликов пятьдесят что-ли... Почему Нина не возьмет его к себе в московскую квартиру. Он же здесь загнетса зимой, такой одинокий и никому не нужный...».

После обеда все пошли опять по верхней дороге, любовались с высоты заречным видом. Дорога, начинающаяся на том берегу Угры прямо от плеса, где стояла на цепи лодка, уходила в леса за деревней Шелганово. Шумаков там был прошлым летом с местными, собирали голубику на болоте. До сих пор помнился одуряющий запах багульника.

Мишка вскоре отстал, пошел на вечерний клёв. В-общем-то к осени рыба клевала вяло. Олег решил на ночь поставить «телевизор» у берега. Так называлось нехитрое приспособление с верхней деревянной планкой и тяжелой нижней из толстой проволоки, между которыми помещался прямоугольник рыболовной сети. И надо же такому случиться! Еще подходя к берегу, Олег заметил нечто отсвечивающее металлическим блеском из-под воды. Еще подумалось, что кто-то по неряшливости кинул в реку пустую

консервную банку. Однако приблизившись, он понял, что в «телевизоре» сидел улов — щука килограмма на полтора! О такой добыче он и мечтать не смел. Вытащив хорошо отточенный нож, он тут же на берегу разделал и ополоснул её в реке и, торжествуя, потащил в дом.

Мишка при виде щуки очень воодушевился. Предстоял шикарный обед под водочку, до которой он был большой охотник. Жареная в мучной обвалке щука с картошкой и прямо с грядки особо душистый чесночок и зеленый лук, и засоленные грибы еще со вчерашнего праздничного обеда.

— Порадуй Сизова с девчонкой, отнеси им по куску рыбы. Бог велел делиться нам с ближним-дальним пополам.

— Ну, пополам — это слишком жирно, а по куску вполне хватит, — ответил Олег, завернул рыбу в разрезанный полиэтиленовый пакет и вышел.

Вечером того же дня соседи опять встретились на верхней дороге и снова шли параллельно деревне вдоль светящихся белыми стволами берез.

— Наши прогулки становятся систематическими — сказал Олег Льву Борисовичу. Это опасно.

— Чего же нам опасаться?

— Человек быстро привыкает к общению, а потом тоскует, когда оно кончается.

— К концу жизни приятные воспоминания служат последним утешением, даже если жизнь была неустроенной, неуспешной, — ответил Сизов, и в его голосе появилась горчинка.

— Вы позвольте мне, Лев Борисович дать вам совет от чистого сердца, — начал Шумаков. — Мне кажется, что вы, оставаясь в одиночестве на всю осень и зиму в плохо подготовленном к холодам жилище, подвергаете своё здоровье серьезной опасности. Надо бы вам переехать до апреля, по крайней мере, в Москву к Нине...

— Это невозможно, — поспешно перебил Сизов, и Шумаков увидел, как он усилием воли подавил спазм горла. —

Там однокомнатная квартирка шестнадцать метров на троих женщин: Нина, ее мама и больная бабушка. Чтобы там переночевать, надо ставить раскладушку на кухне. Это ведь страшное неудобство для семьи. А главное, что меня удерживает, это то, что чувство между мной и Ниной за десять лет поостыло. Нет-нет, с моей стороны всё в порядке, не остыло, я её люблю так же, как раньше, но она стала иногда уставать от меня, бывает, что молчит часами. Я беспокоюсь, спрашиваю её, что тревожит, или что болит, а она отвечает иногда с досадой, что ничего не болит. Однажды только, помню, дожди зарядили на целую неделю и у неё вырвалось: «Тошно мне, тошно!» Я просто растерялся — куда идти? У кого помощи просить?.. Так что эта избушка есть конечный пункт моей жизненной дороги. Надо мне привыкнуть и как-то тянуть дальше. Кстати, мама Нины хотела бы освоить участок рядом с моей избой, чтобы приезжать весной и жить до холодов на свежем воздухе. Нина тоже загорелась этой мыслью. Тут свободного пространства — немеряно.

— Но ведь надо оформить документы на собственность, иначе придут местные власти и всё сломают, не так ли?

— Я узнавал у Кати. Предстоит несложная процедура оформления, потом надо поехать в Угру и заплатить налог на покупку. Деньги небольшие. А местные мужики привезут бревна и сделают сруб. Лесхоз-то рядом.

Перед отъездом Шумаков зашел к Льву Борисовичу, пригасил ему пару банок тушенки, бутылку подсолнечного масла, полбутылки водки и конверт с сорока рублями. Сизов было замахал руками — неудобно, мол, у меня есть на хлеб, на соль, но Шумаков сказал:

— Вы — человек непьющий, а на всякий случай держите и помните, что ничего дороже здоровья на свете нет. Думаю, что вы станете экономить в случае болезни, жалко будет тратить на себя отложенные рублишки, а этого как раз делать и не советую, потому как жизнь одна. Я вам еще

книжки занесу, классику, которую купил на центральной усадьбе.

Сизов поднялся его проводить и заодно попрощался с Ланге, пожелал легкой дороги.

Прошла осень. Зима в тот год была богата на снегопады. В суете городской жизни Шумаков так бы ни разу и не вспомнил деревню, если бы не письмо от Сизова.

Здравствуйте, Олег Львович, — писал Сизов. — У вас там оживление перед Новым Годом, а у нас тишина. Гробовая тишина. Снежным саваном всё одето. Часто встанешь утром — и первым делом лопату в руки, чтобы прокопать выход из избы в окружающий мир. Слава богу, мимо избы иногда Коля на тракторе проезжает, торит дорогу, а то пришлось бы становиться на лыжи. Хлеб привозят исправно и сохраняется он хорошо. Я его в кастрюле держу.

Далеко от дома стараюсь не выходить. Однажды вышел на рассвете и глянул наверх на дорогу, где мы с вами вечерами прогуливались, а там волки стоят и на меня смотрят. Большие такие зверюги. Не боятся подходить к деревне. А у меня даже плохонькой «Тулки» нет. Я не стал искушать судьбу, сразу пошел в избу и дверь доской подпёр.

Как же я благодарен вам за книжки, особенно за прозу А. С. Пушкина. Ведь я со школьных лет не читал ни единого его рассказа. А тут смотрю — «История села Горюхина». Я и не знал, что у него есть такой рассказ, неоконченный, к сожалению. Это такая едкая сатира на наш российский уклад, на наш русский характер, что сильнее даже Салтыков-Щедрин не написал. Я даже небольшую выдержку перепису для вас, потому что просто восторгаюсь. Вот, он пишет:

«Женщинам говорил я без церемоний: „Как ты постарела“, и мне отвечали с чувством: „Как вы-то, батюш-

ка, подурнели“» Ну точь-в-точь так же встречают меня в нашем Дракине и поныне.

А помните ли, как вы меня спрашивали о войне? Тоже я нашел примечательный отрывок:

«До 16 лет я играл с дворовыми мальчишками (в лапту), а потом переходил с квартиры на квартиру, проводил время с жидами да маркитантами, играл на ободренных бильярдах и маршируя в грязи».

Сейчас снег всё выровнял, чистота пейзажа совершенная, а придет весна и начнет всякая дрянь вылезать на свет божий, и всё завоняет, и захлюпает грязь под ногами. Я все задаю себе вопрос: вот, живут люди здесь среди такого великолепия, так почему у них по главной улице тянется из конца в конец гнилая канава, в которую они всё добавляют и добавляют мусор? Ведь можно было прорыть канавы к реке или к болоту, камни не в воронки от снарядов засыпать, а укладывать ими дорожки для хождения. Обратное же — посадить фруктовые деревья и кусты. Говорят, здесь холодные грунтовые воды. Так высадите яблони, смородину, малину повыше, ближе к верхней дороге!

Не хочу надолго отвлекать ваше внимание. Не откажите в любезности позвонить Нине, чтобы она прислала мне лекарство от давления. Она знает название. Телефон у неё 151-98-43. Желая вам приятных праздников. Передайте мой привет Михаилу. Забыл его отчество.

Л. Сизов

Шумаков удивился, отчего бы Льву Борисовичу самому было не написать Нине, но потом взял трубку и позвонил, подошла её мама и всё пыталась разузнать, зачем ему нужна Нина, но он схитрил и сказал, что Нина обещала ему сказать название книги, которую он хотел бы почитать, и оставил свой номер. Нина нашла его только через два дня и судя по её сухому, отчужденному голосу, он понял, что она не одна.

Тогда он просто сказал ей, что понимает неловкость её положения, но он получил письмо от Сизова и лишь передает его просьбу прислать лекарство.

— Хорошо, я завтра же pošлю, — ответила Нина и повесила трубку.

«Ну и молодежь пошла, — вспомнил Шумаков старый еврейский анекдот, — ни тебе здрастье, ни вам спасибо!»

Отвечать Сизову было лень, да и что он мог сказать такого, что заинтересовало бы одинокого, пожилого и нездорового человека, который сам выбрал себе нелегкую судьбу?

Зима в Москве в последние тридцать лет какая-то неровная: то оттепель и дождик, то вдруг схватит мороз, и все падают, машины сталкиваются. Совсем стал климат непредсказуемым. Шумакову помнился праздник 7 ноября, когда он вышел на улицу Горькова и ветер гнал поземку при температуре никак не выше минус десяти. Сколько же было ему тогда лет? — Не больше десяти...

Сейчас на дворе был конец февраля, и весь народ жил ожиданием прихода весны. Хотя в нашей полосе март бывает суровым и ночью мороз может доходить до минус двадцати. Но солнце, солнце! И день такой большой, большой!

В почтовом ящике он обнаружил второе письмо от Сизова. Поднялся к себе, поужинал с женой, потом смотрел программу «Культура», единственную, для наших интеллигентов, спасибо партии и правительству. Потом вспомнил о письме и, зевая, вскрыл его столовым ножом.

Здравствуйте, Олег Львович, — писал Сизов. — Как у нас в народе говорят — пришла беда, отворяй ворота! Сам не знаю, как это получилось, но попал я в больницу с тяжелым приступом гипертонии. Должен вам сказать, что во «Всходах» чудесная больница, я бы сказал — лучше, чем наша районная в Москве. Я там пролежал неделю, и меня они поставили на ноги.

А дальше случилось такое, что вспоминать тошно. Подвез меня домой Ванёк, Катин сын. Ну, изба не топлена, от холода зуб на зуб не попадает. Я быстренько растопил печь, поставил чайник. Пошел к Кате за молоком, решил манной каши поесть с малиновым вареньем, побаловать себя после больницы. Так в хлопотах день и прошел.

Как стемнело, включил я приемник и решил сделать туесок, благо березовой коры я заготовил еще в октябре. Все-таки и рукам дело, и время ползет быстрее. И тут меня ожгла мысль, что я давно не заглядывал в тот коробок, где хранил пятьсот рублей отдельно от других 270, которые тратил. Я полез поглядеть в тот коробок — а там ничего нет! Я сижу так вот на стуле и ничего понять не могу, как полный дурачок. Потом начал шарить по всей горнице — нет и нет! Стало быть украли! Но ведь чтобы найти в отдельном коробке, это надо какой нюх воровской иметь? Ну, думаю, если уж деньги нашли, так должны были еще что-нибудь прихватить. А что у меня есть? Ничего у меня нет. Единственная ценная вещь — это трофейный немецкий нож еще с войны. Всю жизнь он был со мной. Сталь отменная — *Золлинген*. Я для него и чехол кожаный сшил. Полез в ящик — так и есть! И его стибрили!

Короче, так я разволновался, что хоть прямо снова в больницу ложись. Сам себе говорю: «Плюнь и разотри. Жизнь еще не закончена. Скоро весна. Двести семьдесят рублей с тобой, молодец, что взял их в больницу». Так уговаривал себя, уговаривал и заснул. О краже я никому не сказал, потому что украденного не вернешь, а люди не любят узнавать, что рядом с ними воры ходят и, может быть, твой сосед, с которым ты каждое утро весело здороваешься, и есть самый первый вор.

На закуску хочу вас потешить отрывком из повести Александра Сергеевича: *«Язык горюхинский есть реши-*

тельно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями — некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца, и обратно».

И действительно, наши здесь в деревне никогда не скажут мне Борисович — обязательно Борисыч, не Михайлович, а Михалыч и так далее. Но главный отрывок, в котором Пушкин предугадал, чем кончится крестьянский мир на Руси, я припас напоследок для вас. Вот так наша власть расправилась с мужиками в пору насильственной коллективизации, в результате чего мы и имеем плачевное положение в сельском хозяйстве по сию пору. Вот этот отрывок:

Правление приказчика

NN принял бразды правления и приступил к исполнению своей политической системы; она заслуживает особенного рассмотрения. Главным основанием оной была следующая аксиома. Чем мужик богаче, тем он избалованнее, чем беднее, тем смиреннее. Вследствие сего *NN* старался о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели. Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедняков. 1) Недоимки были разложены меж зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможною строгостию. 2) Недостаточные и празднлюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню, если же по его расчету труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам, за что сии платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться, заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк. Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков.

Мужики, кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать, ни

накопить достаточно денег. В три года Горюхино совершенно обнищало.

На этом свое письмо заканчиваю. Передайте поклон вашей супруге.

Л. Сизов

Шумаков положил письмо в ящик стола и забыл о нем. Прошел март. Начало апреля было солнечным и теплым. Подумалось о майской рыбалке, о подснежниках белых и голубых, сплошным ковром, покрывающих перелески. Кстати, как там Лев Борисович? Набрал телефон Нины.

— Нет больше Льва Борисовича, — ответила Нина безжизненным голосом. — Неделю назад похоронили на кладбище во «Всходах».

— Я вам соболезную, — сказал Шумаков и повесил трубку.

Он посчитал неудобным спрашивать, как это произошло. Кто он им такой? Сосед? Шумаков выдвинул ящик стола и перечитал последнее письмо Сизова. Если он отдаст его Нине, в деревне может начаться скандал по поводу кражи. Женская логика непредсказуема. Настроение испортилось. Он вышел на кухню, достал из холодильника бутылку «Зубровки», налил полчашки и залпом выпил. Письмо порвал на мелкие клочки и выкинул.

— Всё, — сказал он громко сам себе. — Конец истории. Гасите свечи.

Появилась жена:

— Ты что-то сказал? Ты что, водку пил? По какому поводу?

Шумаков махнул рукой и вернулся в комнату.

«Надо бы позвонить Мишке», — подумал он, но решил, что это дело может подождать. Не хотелось разговаривать при жене.

На майские праздники с отгулами за дежурство в народной дружине получалось девять дней отпуска. Олег с Мишкой, как всегда, поехали ночным поездом до Угры, потом потолкались и влезли в переполненный автобус и через

два часа уже отворяли избу, открывали окна и вывешивали в палисадник спальные. Солнце уже светило вовсю. Мишка ставил палатку. Деревня хлопотала своими мелкими делами, наступило посевное время. Шумаков принес ведро ледяной особенной воды из дальнего колодца, распаковал электроплиту, и друзья выпили по большой кружке крепкого чая с прошлогодним рябиновым вареньем. Спать решили после обеда. Закрыли избу и пошли в ближайший бор мимо дома Льва Борисовича. Там уже копошились две женских фигуры — Нина и её мамаша.

— Ну вот, — сказал Олег. — Сам собой решился вопрос о домике в деревне. Наверное, Сизов сделал бумагу, чтобы в случае чего изба с участком перешла к Нине. Теперь её мамаша может дышать свежим лесным воздухом круглый год, если захочется.

— Этот случай чего слишком быстро наступил. Не знаем мы, когда уйдем. А ведь Сизов преуспел в двух хороших делах — освободил площадь в Москве для своей семьи и подарил усадьбу в Дракине своей возлюбленной.

— Так. Сегодня отсыпаемся, а завтра на рыбалку. Идет?

— Принято.

Отдых удался на славу. Шумаков возвращался помолодевшим лет на десять. Потом, спустя неделю, разумеется, ощущение праздника во всем теле прошло, настали городские будни. Дни сливались в недели, недели в месяцы. Так проходят годы, так проходит жизнь, если не наступает время испытаний. Застой лучше романтики, хотя литераторы только и делают, что воспевают войны да революции. У каждого своя цель в жизни.

Нина позвонила в октябре и пригласила приехать отметить день рождения Льва Борисовича. Ему как раз стукнуло бы шестьдесят.

— Мы приглашаем вас и вашего друга Михаила. Если сможете, приходите. Лев Борисович очень вас обоих ценил. Запишите адрес.

Шумаков обещал прийти и повесил трубку, в который раз удивившись, какой у Нины сухой, невыразительный голос. Мишка согласился его сопровождать, чтобы тот не прокис от скуки в малознакомом обществе. Они доехали до конечной станции метро и вышли в микрорайон приземистых пятиэтажек. Не без труда они разыскали третий корпус дома 17 и поднялись на четвертый этаж. За столом сидели три поколения одиноких женщин: Нина, её мама и дряхлая бабушка. Нельзя сказать, что поминальный стол был богат закуской и выпивкой. Мужчины присели, Миша открыл бутылку «Московской», женщины наполнили рюмки сухим молдавским вином. Повисла пауза. Миша сказал:

— Сегодня день рождения Льва Борисовича. Я его знал совсем мало, но мне кажется, что он был хорошим человеком. Очень хорошим. Давайте за него выпьем.

Мужчины опрокинули по стопке и закусили винегретом с селедкой. Женщины пригубили вино и отставили.

Опять повисла пауза. Говорить было совершенно не о чем. Шумаков лихорадочно искал, о чем бы завести разговор. Опять выручил Миша:

— Я так понимаю, что вы не оставите избу Льва Борисовича на произвол судьбы. Какие у вас планы? Все-таки местность там уникальная. Красота...

— Мы собираемся начать ремонт этой весной, — начала было мама Нины, но вдруг Нина разразилась громкими рыданиями. Это не был обычный женский плач с обилием слез. Нет. Это был страшный сухой крик боли, который, видимо, сдерживался в течение долгих месяцев, и сейчас словно сорвало крышку с перегретого парового котла. Мама Нины медленно поднялась из-за стола, обняла её и увела в ванную. Послышался плеск воды.

— Пора сматывать удочки, — сказал Олег. — Прости, что втянул тебя в это мероприятие.

— Давай-ка еще по одной для снятия стресса, — Миша наполнил стопки.

Друзья выпили и снова закусили селедкой. Старуха сидела недвижно и, казалось, что она спит. Наконец, появилась Нина и стала извиняться, что испортила встречу.

— Всё в порядке, не надо извиняться. Мы понимаем ваши чувства, — сказал Олег. — Спасибо, что пригласили нас. Надеюсь, что мы встретимся весной в нашей любимой деревне Дракино.

— *Сизов-Сизов*, — задумчиво протянул Мишка по дороге к метро. — Сизов подобен сизарю. Такой же серо-сизый. Их, *сизовых*, полна Россия. Они везде, и всегда они — маргиналы. Никому не интересна их судьба. Пушечное мясо для цезарей. Никто не станет ухаживать за сизарями, строить для них голубятни. Это для породистых, для красавцев, для благородных.

— А мы с тобой кто? — спросил Шумаков, и друзья рассмеялись.

А. Толчинский. «Извержение»

КВАРТИРА

Помнится, я был очень недоволен квартирой, которую мне предоставила дирекция фонда, когда я прибыл в качестве исполнителя проекта в город М. Планировалось, что я проживу в М. не менее двух лет, а может быть, и дольше. Окрестности М. были очень живописны. Огромный лесопарк выходил на скалистый берег океана, а крохотные бухточки, куда было легко дойти на лодке, светились чистейшим серебристым песком. Поэтому я решил пригласить мою любимую племянницу Катю погостить у меня, благо летний сезон только начинался.

Квартира представляла собой анфиладу комнат с высокими потолками. Однако некоторые комнаты имели двери, которые вели в темные или застекленные коридоры, соединяющие анфиладу с боковыми комнатами. При путешествии по этим лабиринтам у меня возникало чувство, что я заплутаю и не смогу благополучно вернуться к себе. Нечто подобное я в юности ощущал в незнакомом лесу, когда бродил в поисках грибов. Подчиняясь этому, условно говоря, инстинкту самосохранения, я так до конца и не исследовал предоставленную мне огромную квартиру, поселив Катю через комнату от моей спальни-кабинета.

Последние десять лет я занимался исследованием физических аномальных явлений, и в этот раз выиграл грант на право изучения аномалий вблизи городка Санта Круз. Там до меня побывало несколько специалистов, как я понимаю, не очень высокого уровня. Они бродили вместе с потоком туристов и в одиночку, наблюдали необычные гравитационные эффекты, потратили время и деньги и так ни с чем и уехали восвояси. Я увлек основателей фонда идеей соединения функций магнетизма и гравитации для объяснения

аномальных явлений на столь ограниченном пространстве. Для этого мне пришлось нарушить симметрию электромагнитного взаимодействия в знаменитом уравнении Максвелла. Они послали моё резюме известному астрофизику Джерри Клайну, и тот не возмутился моему варварскому обращению с физикой и ответил либерально-уклончиво — пусть, мол, соискатель попробует.

Однако сейчас я был обеспокоен неустройством своей квартиры, нарушающим мои устоявшиеся привычки. Огромная лежанка с матрасом *King Size* лишала меня уюта, так как я привык засыпать на своей спартанской жесткой постели, прижавшись к спинке дивана. К компьютеру мне доставили два огромных плоских монитора с экраном по диагонали тридцать с лишним дюймов, занимавших уйму места на письменном столе. И главное, что меня бесило, — периодическое появление в коридорах совершенно незнакомых мне людей, которые, не здороваясь и как бы не замечая меня, проскальзывали вдоль остекленной стены.

В ожидании прибытия необходимых для исследования приборов и оборудования, я пытался еще раз проверить теоретическую базу своей гипотезы: а что если то или другое положение не вполне корректно.

Катя появлялась обычно к двум часам, и мы неторопливо шли до ближайшего мексиканского ресторанчика, где довольно вкусно готовили мясные блюда. Для утоления жара от проперченной еды мы запивали её недурным красным вином пополам со льдом и водой. Катя была в восторге от дикого пляжа, где она загорала в полном одиночестве, и окружающих красот. На мой вопрос, не страшно ли ей одной, она ответила, что айфон и газовый баллончик всегда при ней, и к тому же у неё третий дан по карате. Пусть, мол, кто попробует её обидеть!

Чтобы Кате не было скучно вечерами, я отдал ей второй монитор, такой же громоздкий, как мой собственный, а *laptop* она привезла с собой.

В тот злосчастный вечер только я собрался поразмыслить над предстоящими полевыми экспериментами, как в мою спальню-кабинет прокрался маленький человечек с прегадкой улыбочкой и наглыми глазками, и пока я пытался понять, каким образом он появился тут, мерзкое существо подбежало ко мне, обняло левую ногу и стало тереться сопливым носом о джинсы.

Думаю, что это был лилипут и лет ему было под тридцать. Страдая от омерзения, я оторвал его руки от моей ноги и правой почти инстинктивно пнул его, попав по несчастью в горло. Еще через секунду я понял, что ненамеренно убил его, потому что он лежал на полу и не шевелился. В уголках его рта двумя клюквенными ягодами застыли капли крови. Я попытался найти пульс в сонной артерии. Пульса не было.

Услышав голос Кати, я мгновенно завернул лилипута в одеяло и бросил на постель.

— Ты спал, а я тебя разбудила? — спросила она, указав на постель.

— Да, вздремнул немного, — солгал я.

— Как думаешь провести вечер? Пойдем в парк. Я в темноте гулять побаиваюсь. У тебя есть фонарик?

— У меня целых четыре мощных фонаря, которые мне прислали на случай, если придется спускаться под землю.

— Ну, так возьми пару и пошли?

— Подожди меня внизу.

В этот самый момент огромный монитор без видимых причин упал на свой экран, раздался треск и из-под экрана с шумом стала извергаться вода. Вылилось, наверное, ведер двадцать. Катя испугалась и убежала в свою комнату. Вскоре она вернулась и крикнула, что у неё тоже монитор лопнул и из него льется вода и что ей страшно.

— Ты знаешь, — сказал я в растерянности, — ведь мы с тобой находимся в зоне аномальных явлений, которые еще никто не сумел объяснить. Обрати внимание, что вода куда-то уходит, и никто не поднимается снизу и не скан-

далит, что мы их заливаем...не так ли? Давай-ка отложим прогулку на завтра. Мне нужно подумать.

Минут через сорок после её ухода в моей комнате появился совершенно незнакомый тип, который не поздоровавшись, спросил меня:

— Вы не видели здесь нашего Джонни, маленького такого. Его мой друг, который чемпион штата по боям без правил, давно не видел его и беспокоится, куда он мог пропасть.

— Почему я должен его видеть в своей комнате и мне непонятно, как вы без предупреждения смеете нарушать мою личную жизнь. Кто вас сюда пустил?

— Да я здесь живу с моего рождения. Меня друг послал за Джонни, потому что у него разболелась щиколотка правой ноги, повредил на тренировке. А наш Джонни умеет снять боль за минуту. Только дотронется — и всё *о'кей!*

Я пожал плечами:

— Ничем не могу помочь.

Посетитель ушел, а я стал лихорадочно соображать, как мне избавиться от трупа. Я спустился на улицу и внимательно осмотрелся, нет ли поблизости видеокамер. Я ничего не обнаружил, однако я не поленился и посмотрел, нет ли другого выхода из дома во двор. На моё счастье, был запасной выход и дверь была не заперта. Камер слежения там тоже не было. Я надел темные очки, подрисовал черным фломастером усы, бородку и брови, сверху нахлобучил черную бейсболку с длинным козырьком и посмотрел на себя в зеркало. Нормальное получилось чучело.

Потом я спустился вниз, отогнал машину подальше от света фонаря, быстро снял номера и бросил в багажник.

Выждав с четверть часа, я туго обмотал лилипута одеялом, засунул его подмышку и спустился к своему лендроверу, там уложил его на заднее сиденье и поехал по направлению к *Mystery Spot*. Раньше, ползая по этому месту, я обнаружил довольно глубокий провал, в котором мощное

магнитное поле, пожалуй, не менее полумиллиона эрстед закручивалось по спирали и уходило вглубь. Об этом свидетельствовали завитые винтом стволы деревьев, выросших вокруг провала. Даже кратковременное пребывание вблизи этого «колодца» вызывало галлюцинации. Я развернул одеяло и тут обнаружил, что внутри никого нет! Как это могло случиться? Я заглянул в пролом. Фонарь, который я захватил с собой, не помог мне разглядеть, что там таилось в темноте.

Длительное отсутствие вызвало бы расспросы Кати, так что я свернул одеяло и поехал побыстрее домой. Я тщательно смыл свой грим, зашел к ней на минутку, посмотрел с нею кусок молодежной тусовки и решил сегодня же закончить неприятное дело. Спустился в бэйсмент, где стояли две стиральные машины, бросил в одну из них одеяло и джинсы, в которых ездил на объект, потом перебрал их в сушилку и теперь совершенно успокоенный пошел спать, прихватив для быстреего засыпания томик стихов Кольриджа.

Едва я успел вернуться из кафе, где завтракал с Катей, вновь появился тот тип, дружок чемпиона и сказал мне:

— Мой друг видел сон, в котором ты убиваешь Джонни, и поклялся, что убьет тебя и твою девчонку.

— Постой, — возразил я, — а где доказательства? Мало ли кто и что видит во сне. Я, к примеру, видел во сне, что ползаю по потолку, как муха. Кстати, а как зовут твоего чемпиона? Билл Рэнди? Ты передай ему, что я сегодня же обращусь в полицию, и пусть он разбирается с ними, вызывает инспектора, объявляет розыск и прочее. Всё! Мне надо работать. Пошел вон из моей квартиры!

Он ушел, а я подсел к компьютеру и вскоре действительно нашел чемпиона Билла Рэнди, который проживал в Сан-Диего в собственном доме за несколько сотен миль от моей квартиры. Получалась явная чепуха. Утром я решил на вся-

кий случай систематически обследовать свою квартиру. Взял фонарь, большой охотничий нож, мобильник, толстый лабораторный журнал со страницами, разлинованными в клеточку, и воткнул в нагрудный карман пару гелевых ручек. Пора было понять, откуда ко мне заходят неизвестные пришельцы.

Некоторые боковые двери, выходящие из комнат анфилады, были закрыты на поворот двухлопастного ключа, пружинных замков я не обнаружил. Я нарисовал план комнат и дверей и пронумеровал их. Когда некоторые из них оказывались открытыми, я входил в боковые помещения, в которых тоже были двери, сразу же помечая свой маршрут, и проходил через другие открывающиеся двери, пока не упирался в тупик. Как правило, тупиком была темная комната типа кладовой. Большинство комнат были совершенно пустыми, в некоторых стояла несовременная мебель, к электрическим розеткам не было подключено ни одного прибора. Они явно были нежилыми. Однако, что скрывалось за запертыми дверями, было совершенно неясно. Возможно, что в тех помещениях как раз и обитали люди.

Всё это я пометил на своей схеме, вернулся к себе и нашел по Интернету ближайший полицейский участок. Он оказался на Каштановой улице.

Теперь надо было предельно кратко и ясно накатать жалобу об угрозах, которые я услышал от дружка Билла. Я потратил немало времени, а потом мы с Катей пошли в ресторан, и я решил, что сначала я позвоню и постараюсь назначить *appointment* для подачи заявления. Там, в ресторане я сказал ей, что у меня возникли очень неприятные личные обстоятельства, и ей срочно надо покинуть меня. Она очень огорчилась, но я был неумолим и в шесть утра я подвёз её к автобусу, следующему в Лос-Анжелес.

Сделав на принтере две копии, я поехал на Каштановую улицу. Дежуривший сержант, взглянув на моё *ID*, спросил,

где и кем я работаю. Я объяснил ему, что я исследователь и получил грант на изучение аномальных магнитных и гравитационных явлений вблизи городка Санта Крус, что оставался я в доме таком-то, на такой-то улице и что два дня назад ко мне без приглашения явился незнакомый человек, который во время второго посещения стал угрожать мне убийством. Всё это я, мол, изложил в моем заявлении и прошу рассмотреть его как можно скорее. Сержант потер переносицу и ответил, что он доложит об этом начальнику, лейтенанту Джекобсу и посоветовал снять на пару дней номер в гостинице на всякий случай.

— Кто этот Джонни? — спросил меня Джекобс утром следующего дня по телефону.

— Понятия не имею.

— А тот, кто пришел к вам на квартиру?

— Он явился нагло, не постучав и не позвонив заранее. Я тоже его не знаю, он не представился. А во второй раз он явился и сказал, что его друг видел во сне, что я убил Джонни, и что он убьет меня. Я все это написал в заявлении. Я прошу вас прислать ваших сотрудников ко мне на квартиру, там много разных дверей, часть из них заперта, пусть они проверят, кто за ними живет. Неплохо было бы взять и собаку, может быть, она что-нибудь учует. Поймите, я физик, у меня *PhD*, я работаю над очень важной проблемой, мне нужен покой, а тут происходит черт знает что.

— Ладно. Сегодня еще переночуйте в гостинице, а завтра рано утром мы постараемся помочь с вашими проблемами.

— Имейте в виду, что ключей от закрытых помещений у меня нет. Придется взламывать...

Молодой парень из полицейских, другой постарше с овчаркой и гражданский мужик-техник со связкой ключей, отмычек и фомкой для отжимания дверей пришли ко мне в семь утра. Я показал им мою схему и расположение закрытых дверей. Собака понюхала пол в моей спальне, лежанку и уверенно пошла вглубь анфилады.

Тут оказалось, что те помещения, которые я отметил, как свободные, тоже оказались заперты. Значит, кто-то приходил в моё отсутствие? Я все-таки предложил начать с тех дверей, которые я не мог открыть ранее.

Слесарь быстро справился с внутренним замком, молодой рванул дверь на себя и обернувшись ко мне, сделал шаг в комнату. В ту же секунду оказалось, что за дверью нет ничего, пустое пространство типа колодца между стенами больших зданий. С воплем он полетел вниз с высоты трех этажей, но не разбился. Там внизу, в крошечной тьме раздался всплеск, затем истошный крик «Помогите!» и через пару секунд всё стихло. Я сбегал за фонарями, и мы втроем попытались осветить дно колодца. Мы увидели что-то вроде густой маслянистой жидкости, которая беспрерывно ходила ходуном в полной тишине. Никаких следов упавшего полицейского не было.

Кинолог вытащил мобильник и позвонил Джекобсу, чтобы сообщить о несчастье. Я предложил открыть пока следующую дверь. Оказалось, что за ней стоит сплошная кирпичная стена. Подвели собаку. Животное начало скулить, упираться лапами, хвост засунула под себя. Она явно чего-то страшно боялась. На все приказы искать, она не реагировала.

Тем временем прибыла машина с рабочими, вооруженными крюками на тросах и маленькой лебедкой. Как только два крюка коснулись поверхности жидкости их со страшной силой потянуло в разные стороны, и они словно прилипли к стенам колодца. Все попытки вытащить их с помощью лебедки оказались неудачными. Я предложил использовать пластиковую веревку, к которой можно было привязать керамическую посудину, чтобы поднять хоть немного жидкости из колодца. На это ушло еще не менее часа. Когда же баночка была вытащена наверх, я тут же понял, что это была самая настоящая магнитная жидкость, которую изготавливают, внося очень тонкий порошок магнетита или металли-

ческого железа в керосине или солярке, или в любом другом высококипящем углеводороде.

Наконец, прибыли пожарные, соорудили нечто вроде люльки и на пеньковых канатах двое спустились к поверхности странной жидкости и стали водить люлькой, как ковшом. Через полчаса мучений им удалось зацепить труп за ремень, которым он был подпоясан, и вытащить его из колодца. Зрелище было не для слабонервных, скажу я вам. Тут начались административные хлопоты, нашли по Интернету хозяина дома мистера Борелли, который сдавал его в аренду по-квартирно. Хозяин в это время пребывал в Италии и ответил, что до окончания отпуска никуда не поедет и пусть его вызовет хоть сам господь Бог, он свой отдых заслужил, у него есть личные планы на будущее и раньше, чем через две недели, он с места не сдвинется.

Я спросил у приехавшего Джекобса, когда мы продолжим обследование, но тот взглянул на меня с неприязнью и ответил, что не сегодня. Или я не понимаю, что у них произошло по моей наводке ЧП? Я ответил, что понимаю и еду в гостиницу ждать его звонка.

Он позвонил на следующий день и велел приехать к нему для дачи показаний.

— Вы понимаете, что мы потеряли сотрудника полиции, и нам нужно оформить его смерть юридически с указанием причин? Кроме того, по нашим сведениям, у пожарных, которые занимались спасательными работами, открылось горячее состояние, и врачи подозревают что-то вроде воспаления мозга. Проверка показала, что радиоактивности в том месте нет, однако существует опасность поражения организма чем-то другим. Что вы об этом знаете?

— Я могу сказать открыто, что даже предполагать не мог того, что случилось. Я собираюсь проводить опыты в месте недалеко отсюда, где замечены аномальные природные явления. У меня, как я думаю, никаких отклонений в психике нет, а человек, который ко мне приходил два раза без пред-

упреждения, мне не привиделся. Я даже могу описать его внешность.

— Вы запираете квартиру на ключ перед сном?

— Нет. У меня нечего украсть, кроме компьютера, а он никому не нужен, кроме случайных бродяг. Документы я всегда ношу при себе вместе с ключом от машины.

— Так кто же все-таки этот Джонни, из-за которого они пригрозили вас убить?

— Послушайте, лейтенант, я вам повторяю, что понятия не имею, о ком шла речь. Единственное, что я хотел бы понять, как тот тип оказался в моей спальне. Единственное, о чем я прошу — обследовать остальные помещения за закрытыми на ключ дверями. Неплохо бы также проверить открытые, в которых я был, но я не уверен, что там нет скрытых выходов на улицу или в опасные места подобные тому колодцу.

— Я не против. Мы этим займемся завтра, но мы получили странную запись на одной из видеокамер с регулируемого перекрестка. Там, в машине очень похожей на вашу, но со снятыми номерами, летит странный чернявый субъект в черной бейсболке, а потом, спустя три часа, возвращается. К сожалению, возле вашего дома и напротив нет видеокамер, так что мы пока не знаем, где он припарковался.

Я вышел из полиции, и тут меня пронзило предчувствие, что мне нужно торопиться и как можно скорее открыть остальные двери, чтобы выяснить, не находятся среди помещений кабинет хозяина и еще какие-нибудь неожиданные сюрпризы. Я тут же вернулся к Джекобсу и спросил, не могу ли я до их прихода осмотреть закрытые помещения.

— Если я найду в них что-либо интересное, я сразу же вам позвоню.

— Вот вам телефон нашего техника Мелвина, который нам помогает, звоните ему и договаривайтесь.

Я сел в машину и тут же связался с техником. Через час я приступил к инспекции неосмотренных помещений.

Я надел резиновые перчатки и взял связку ключей и отмычек... Есть! За одной из дверей открылась квартира, которая явно принадлежала хозяину. Судя по всему, и изрядному слою пыли, мистер Борелли здесь не был лет пять, не менее. Я подошел к письменному столу, осмотрел ящики, но ничего интересного не нашел. Потом занялся полками, и этажеркой с альбомами любительских фотографий от двадцатилетней давности и до нынешнего времени. Я знал, что искал: в одном из них я увидел хозяина в обнимку с Джонни и того типа, который влез в мою спальню, а рядом рыжеволосого верзилу, очевидно чемпиона. Вся группа была сфотографирована на берегу океана и, судя по всему, находилась в прекрасном настроении. Снимок был сделан очень давно.

Первым побуждением моим было изъять его из альбома, но я одумался. Это была бы верная ниточка ко мне. Кто бы еще стал уничтожать фотографию, кроме виновника? Однако, как говорится, предупрежден — значит вооружен. Я аккуратно поставил альбом на место.

Потом мне подумалось, не уехать ли под любым предлогом подалее, но опять я поразмыслил и решил остаться. Ведь я же совершенно ни при чем, ни о чем не знаю и не догадываюсь, занимаюсь своими исследованиями... Так. Ладно. Надо закончить осмотр остальных помещений. Несколько дверей я открыл легко. За ними была оштукатуренная кирпичная стена, но за одной, предпоследней, открывалась маленькая площадка, с которой круто уходила вниз винтовая лестница. Спускаться с неё я не решился и вернулся в гостиницу.

— Ну что? Нашли что-нибудь интересное? — спросил Джекобс на следующее утро.

— Нашел, — ответил я, — но без вас я туда не полезу. И возьмите с собой кинолога на всякий случай.

Чтобы не терять время, я заранее показал прибывшим свои наблюдения. Джекобс с новым парнем углубились

в кабинет хозяина и долго там осматривались, а техник предложил проверить, что там за кирпичной кладкой, закрывающей пространство за другими дверями. Собака опять жалась к ногам кинолога и не желала ничего искать. Техник взял скаpellь, наставил на точку, где сходились кирпичи, и сильно ударил тяжелым, фунта на два молотком.

Оказалось, что кирпичная кладка составляет в толщину всего лишь полкирпича, но за ней открылось такое, что техник побежал вниз к машине, умчался и вскоре вернулся с раствором и кирпичами, чтобы заделать пролом. Дело в том, что из пролома выскочила огромная в три с лишним фута длиной саламандра, совершенно белая с черной оскаленной зубастой пастью и, по-видимому, слепая. С бешеной скоростью она пронеслась вдоль стен и вдруг кинулась на собаку. Собака с визгом бросилась прочь, чуть не свалив кинолога с ног, а саламандра, обежав еще пару раз помещение по периметру, с разбега прыгнула в пролом и скрылась. Честно говоря, мы все страшно испугались.

В это время появился из кабинета Джекобс с экспертом и, глядя на нас, трясущихся от страха, спросил, что случилось. Мы кое-как объяснили, и в это время появился кинолог, поймавший, наконец, скулящую собаку.

— Лейтенант, — обратился кинолог, — надо отсюда валить. Это место просто страшное. Я такого даже в фильмах ужасов не видел. Как только наш ученый согласился здесь проживать?!

— Когда я сюда приехал, я не мог предвидеть, что этот дом — просто ящик с привидениями.

— Вы в квартиру хозяина заходили? — спросил меня Джекобс недружелюбно. Его черные глаза на худом, костистом лице сверлили меня, как наведенная и готовая выстрелить двустволка.

— Я только заглянул и сразу понял, что там давно никто не живет, да я и не знаю, кто её арендовал до этого. Почему вы думаете, что в ней живет хозяин?

— А вы разве незнакомы с постановлением, охраняющим права собственности? Вы не имели права входить в двери чужой квартиры без ведома хозяина или полиции!

— Да я фактически и не входил.

— Что-то говорит мне, что вы не только входили, но и что-то искали...

— Да что я мог искать в пустой квартире, арендованной неизвестно кем? Я подал заявление вам, что мне угрожают смертью, а вы вместо того, чтобы искать преступника, ведете расследование моих действий.

Мы возвратились к делу, ради которого собрались. Оставшиеся запертые двери тоже открывались на глухую кирпичную стену, но мы, уже имея неприятнейший опыт общения с одним из обитателей огромного террариума, предпочли более не любопытствовать. Оставалось только вернуться к тем помещениям, которые я проходил.

— Вам не кажется странным, — спросил я у Джекобса, — что все двери, отмеченные мною, как открытые, оказались сегодня запертыми? Значит, кто-то приходил и запер их, не так ли?

— А что вы скажете об обитателях нижних этажей? — спросил меня Джекобс, не отвечая на мой вопрос.

— Ничего о них не знаю, даже на лестницах никого не встречал. Кстати, я писал в моем заявлении, что до инцидента со мной я часто видел людей, проходящих через анфиладу, но не обращавших на меня никакого внимания.

— Ладно, это мы проверим. А сейчас для вашего спокойствия мы опечатаем все двери, а в вашу квартиру поставим хороший кодовый замок. Потрудитесь только выписать чек за проведенные работы. Последний вопрос к вам — каковы ваши соображения по поводу типа, который катался на вашей машине? И еще — что вы делали в тот день вечером?

— Я постараюсь вспомнить и напишу вам на отдельном листе. А теперь я хочу подняться на крышу этого дома

и проверить, с чем связаны все эти странные и устрашающие вещи, которые случились с нами в последнее время. Скажите технику, чтобы он открыл мне выход на крышу.

Когда все разошлись, я поехал в *Walmart* и купил сорок листов прекрасного белого полукартона с глянцевой поверхностью. После этого я заехал на базу и захватил там двадцать баночек с железными опилками. Припарковав машину у дома, я поднялся сразу на крышу и расстелил на ней встык белые листы, образовав из них узкий и длинный прямоугольник. К счастью, практически не было ветра. После этого я взял в квартире ситечко, нож и компас и вернулся для проведения опыта наверх. Там я с помощью компаса определил места магнитной активности, которые отмечал на листах карандашом. Эта активность была чудовищной.

Аккуратно я посыпал поверхность листов железными опилками, изведя на это весь свой запас. Затем я стал постукивать по листам пластиковой бутылочкой из-под витаминов, привязанной к длинной палке. При этом железные опилки начали сдвигаться в сложные магнитные узоры, которые уплотнялись к краям прямоугольника, что соответствовало наличию центров магнетизма вблизи одной из стен дома. Напряженность магнитного поля я не мог измерить, но его влияние на живую материю и, в частности, на человеческий мозг не трудно было себе представить. Не исключено, что в таком поле могли развиваться уродливые формы жизни. Там внизу могли водиться не только гигантские саламандры, но и еще неизвестные науке насекомые и бактерии, которые служили пищей пресмыкающимся.

Я тщательно сфотографировал полученную картину, которую образовали железные опилки, а затем пересыпал их в один большой пакет и снова построил длинный прямоугольник, параллельный первому, решив просканировать всю крышу дома.

К концу опытов я чертовски устал, потратив на это два полных световых дня. Джекобс звонил мне, но я сказал, что занят важнейшим экспериментом и не располагаю временем на беседы. Нет, я пока ничего не припомнил, мне сейчас не до этого. Я обсчитаю результаты измерений, а потом напишу то, что обещал.

Это было в четверг. А в пятницу я подробно описал свои занятия, включая стирку и сушку в подвале. Потом я упомянул, что вторгшийся ко мне незнакомец сказал, что он всю жизнь здесь живет. Про похитителя моего автомобиля я совершенно ничего не знаю.

Не надеясь на помощь полиции, я купил в оружейном магазине электрошокер и баллончик с парализующим газом. Голова моя между тем была занята осмыслением магнитной аномалии, на краю которой был выстроен в конце девятнадцатого века этот странный дом. Когда я обходил с компасом комнаты по периметру, стрелка временами крутилась как сумасшедшая, а ведь я находился на высоте третьего этажа! Что же там творится на первом этаже или еще страшнее — в бэйсменте?

Джекобс приехал ко мне в очень удачный момент. Мимо моей спальни-кабинета опять стали проходить люди.

— Вот, смотрите, лейтенант, — показал я, — откуда они берутся?

Джекобс легко поднялся из кресла и пошел к застекленному коридору вдоль стены, и тут я увидел, как он проходит сквозь движущихся людей. Черт побрал бы мою тупость! Это были уже многим известные объемные голографические изображения, подобные миражам в пустыне. Оптическая техника сейчас позволяет устраивать такие штуки в пространстве для развлечения публики.

— Ваш посетитель был случайно не из таких? — с насмешкой спросил Джекобс.

— Я хотел бы, чтобы это было так, но я же с ним разговаривал дважды...

И тут меня пронзила мысль, что аномальные магнитные силы вкупе с гравитацией способны создавать туннельные переходы в пространстве-времени, и что мой нежеланный посетитель действительно живет где-то в Сан Диего и общается со своим другом-чемпионом, но способен в миллиардную долю секунды преодолеть расстояние в несколько сот миль под воздействием магнитного поля вблизи и даже внутри моего жилища. Я знал, что такой переход возможен только для микрочастиц, но, может быть, искажение гравитационного поля снимает этот запрет? Я даже представил себе что-то вроде мультика, где персонаж входит в волшебный шкаф, прислоняется к правой стенке и сквозь неё просачивается в другую размерность пространства-времени, откуда выходит прямо в коридор моего дома. Мой посетитель, наверное, даже не осознавал, что в момент разговора со мной он находился за сотни миль от своего дома. Поэтому он и ответил, что живет *здесь* со дня рождения. В его представлении мой дом соседствовал с его домом.

Как я не сошел с ума в этот момент размышлений, я до сих пор не понимаю. Спустя несколько секунд, я услышал обрывок фразы Джекобса:

— ...но ничего, подождем возвращения хозяина дома, мистера Борелли. Он поможет нам решить *задачку*, которую вы нам подложили.

Он ушел, а я стал думать о том, что сила взаимодействия электрических или магнитных точечных зарядов, и гравитации масс спадает по одному закону, тот есть ослабевает согласно квадрату расстояния, но в случае магнитных аномалий закон убывания может быть иным и как железный сердечник в индукционной катушке усиливает магнитные свойства, так же в недрах земли могут действовать факторы, о которых мы пока не догадываемся.

Как я и предполагал, экстремальные значения напряженности магнитного поля не могли не сказаться на элек-

ромагнитном излучении, то есть на прохождении света через намагниченное пространство. И как свет искривляет свой путь вблизи огромных звездных скоплений, что блестяще подтвердило предсказания Эйнштейна, так, по моему мнению, взаимодействие сверхсильного магнитного поля с гравитацией вполне объясняло оптический эффект, который многократно наблюдали посетители *Mystery Spot*: два человека становились на края доски, лежащей на земле, и наблюдатель видел, что человек справа заметно выше того, что слева; потом они менялись местами и теперь наоборот — человек, который был слева, казался заметно выше того, что справа.

Начиная работу по гранту, я и не предполагал, какие огромные трудности предстоит мне преодолеть для теоретического обоснования планируемого эксперимента. Тут работы хватало на целую лабораторию человек в двадцать. Как же некстати попался мне под горячую руку проклятый лилипут!

Я заказал мощную галогеновую лампу-прожектор с хорошей оптикой и подзорную трубу. Они вскоре были доставлены на рабочую площадку. Я попросил девушку из группы, обслуживающей посетителей *Mystery Spot*, помочь мне поднять оборудование наверх к деревьям, окружающим пролом, а затем включил лампу и навел подзорную трубу на дно пролома. Как я и ожидал, я тотчас увидел такую же магнитную жидкость, которая ходила ходуном в маленьком озерце точно так же, как за стеной моего жилища. Никаких следов лилипута я не заметил. А был ли он на самом деле? Может быть, всё это мне пригрезилось? Мне работать надо, планировать эксперименты!

Тут мне пришло на ум, что если они придут, то Джекобс должен успеть приехать и проверить их *ID* и таким образом установить, откуда они ко мне явились. Заодно я проверил бы мою гипотезу о туннельном эффекте. Вот только бы мне не растеряться... Через моих знакомых, живущих в Сан Дие-

го я узнал, что чемпион живет на бульваре *Costa Verde*, и это показалось мне важным, если он зайвится ко мне.

Вечером позвонил Джекобс и сообщил, что хозяин дома вернулся из Италии, но в моем доме он не был много лет и предпочитает вести финансовые дела по аренде через одну контору. Дом он получил в наследство лет тридцать назад. В общем, никакой ценной информации Джекобс из него не выудил. Короче — пока нет нового материала, он советует мне заниматься своей работой и, если что — звонить по служебному телефону. Еще он добавил, чтобы я не распространялся относительно наших приключений, кончившихся несчастьем, ибо если пресса что-нибудь пронюхает, то будет такой страшный скандал на пустом месте, что нам мало не покажется.

Я ему ответил, что если придут меня убивать, то от служебного телефона полиции толку будет мало. Пусть разрешит звонить на свой мобильник. Он помялся, но все-таки разрешил с наставлением звонить только в самом крайнем случае.

Я долго думал, как мне выкрутиться из неприятного ежедневного ощущения, что в любой момент нежеланные гости могут навестить меня. В конце концов я пошел в фитнес-клуб и стал присматриваться к парням покрепче. Перед этим я договорился с шефами, что мне дадут денег, чтобы нанять помощника для выполнения работы по установке и эксплуатации тяжелого оборудования. Так вот, в клубе я заприметил одного крепкого парня по имени Пабло, который с удовольствием тягал штангу и качал пресс. Я пару раз заговаривал с ним и отпускал ему шуточные комплименты. Оказалось, что он приехал в страну два года назад из Бразилии, выиграв рабочую визу. Сейчас он трудился по уходу за садово-парковым хозяйством города и получал около десяти долларов в час.

Я предложил ему участие в моей работе с повышением ставки на пару долларов и массой свободного времени, ко-

торое он может потратить на получение хорошей специальности или на улучшение английского языка. Единственным условием, которое я ему поставил — быть при мне не только для физической помощи, но и в качестве телохранителя.

Я ему честно сказал, что на меня наехал спортсмен с дружком и пригрозил переломать кости, так что могу ли я рассчитывать на его помощь? Последнее моё замечание, как ни странно, не испугало его. Я бы даже сказал, что оно его вдохновило. Особенно когда я сказал, что ему придется пойти поучиться какому-нибудь боевому искусству типа айкидо или боксингу. Потом я купил ему электрошокер и баллончик с парализующим газом и сказал, что жить он будет в моей квартире и я проведу к нему аварийный звонок, а он должен будет сразу же мчаться ко мне с этим оружием. Понятно?

— Я вас понял сэр! Не сомневайтесь во мне.

Устроив свои дела по безопасности, я смог снова сосредоточиться на исследованиях. Вместе с Пабло мы прибыли на место работ, где я провел примитивные, но важные измерения с двумя одинаковыми рейками 0.84 метра. Когда Пабло закрепил их на доске, вкопанной в землю, я сделал несколько снимков с градуировкой расстояния. Оказалось, что левая рейка имеет кажущуюся длину 0.93 м., а правая — 0.75 м., то есть искажение оптических (световых) параметров пространства ошеломляющее. Я наметил взять с собой в следующий раз наборы реек разной длины, чтобы проверить, насколько это искажение простирается вверх от уровня земли.

Измерение магнитных параметров неоднородной среды является непростым делом и требует опыта работы с измерительной аппаратурой. Обучать Пабло лабораторной технике я бы не взялся. Тут нужен был молодой специалист с инженерно-физическим образованием, скажем, из Стэндфордского университета... Ему надо было бы платить не менее пятидесяти тысяч в год, то есть примерно столько

же, сколько получал я. Боюсь, что учредители фонда не предполагали такими деньгами, а я чувствовал, что смета расходов растёт, как снежный ком.

Есть! Не зря я готовился к прибытию незваных гостей! Они появились около десяти вечера в воскресенье в моей спальне-кабинете, когда я сидел за рабочим столом. Чемпион без предисловий подошел к столу и правой рукой смахнул на пол все мои бумаги. К счастью, я не растерялся и успел нажать аварийный звонок.

— Ну-ка расскажи, как ты убил Джонни, — сильным голосом начал Рэнди.

— Я твоего Джонни в глаза не видел никогда, — ответил я.

— Врешь! — с ненавистью прошипел он и отвесил мне оплеуху, от которой я слетел со стула. Слегка огорошенный внезапным ударом, я получил преимущество скрытно вытащить баллончик, и когда он склонился надо мной, чтобы начать душить, я с расстояния в полтора фута фуганул струю прямо ему в глаза. Он взревел и упал. В ту же секунду Пабло, который незаметно вошел в комнату, приставил электрошокер к его шее и ударил его разрядом в полторы тысячи вольт. Чемпион вздрогнул и отключился. В следующий момент Пабло с разворота обрушил свой кулак на левую скулу дружка чемпиона, а я ударил его разрядом тока. Пока они были «в отключке», я обшарил их карманы в поисках *ID*. Как я и предполагал, оба они жили в Сан Диего. Я несколько раз сфотографировал оба удостоверения и тела мерзавцев и после этого позвонил Джекобсу.

— Лейтенант, на меня совершенно нападение! — крикнул я. — Поторопитесь, потому что могут быть человеческие жертвы!

— Еду! — ответил Джекобс.

Для спокойствия мы связали руки и ноги прибывших скотчем и сели поодаль наблюдать, когда они придут в себя и начнут вражеские действия. Первым очнулся чемпион,

потом зашевелился его дружок. И тут произошли то, что никто не мог предвидеть. Их тела стали колебаться, как у осьминогов в воде, их контуры стали таять и когда Джекобс появился у меня, единственное, что он успел заметить, были бледные тени на ковре, которые через пятнадцать-двадцать секунд вообще исчезли, оставив нам на память скрученные мотки липкой ленты, которой мы обвязывали запястья и щиколотки нападавших.

— И что это было? — спросил Джекобс.

Я молча показал свою опухшую левую щеку с пылающим левым ухом.

— Вот след их нападения! А вот их удостоверения личности... Не дотрагивайтесь!

Моё предупреждение опоздало. Джекобс коснулся их *ID*, вспыхнула яркая, как молния, искра, раздался треск разряда, и лейтенант упал без сознания. Между тем, удостоверения, лежавшие на столе, стали таять на глазах и вскоре исчезли. Отправились за своими хозяевами.

— Что это было? — опять спросил Джекобс, когда минут через десять пришел в себя.

— Нельзя безответственно нарушать квантовые законы переноса материи в координатах пространства-времени. Вы еще легко отделались, лейтенант, потому что масса этих *ID* была невелика.

— Так что, у нас опять нет никаких доказательств замышляемого преступления, кроме вашей раздутой щеки?

Я молча протянул ему свой мобильник:

— Могу переслать вам эти изображения злоумышленников и их координаты.

— Послушайте, ни один здравомыслящий человек никогда не поверит, что эта парочка проникла через сотни миль пространства совершенно неведомым способом, чтобы дать в морду профессору физики, а потом растаяла в пространстве, чтобы мгновенно оказаться дома. Я вам настоятельно советую, дорогой мистер Клингер, поскорее собирать свои вещички и лететь ближайшим рейсом в ваш Дюссельдорф.

Они ведь поймут, что ошиблись, не учтя вашу способность к самообороне, так что в следующий раз они вас точно укошат.

— Я думаю, что сфера их действия не простирается дальше стен этого дома. Они физически не могут его покинуть, потому что привязаны к координатам, связывающим два состояния по обе стороны квантового туннеля. Им просто не приходит в голову, что они преодолевают огромное расстояние за доли секунды. Значит, я могу переехать на соседнюю улицу и спокойно продолжить работу.

— И в этом вы уверены на все сто процентов?

— Ну, не на все сто... На девяносто, пожалуй.

— Поражаюсь вашей близорукости. Вот что. Напишите мне что-то вроде расписки, что вы пренебрегаете моими советами и берете охрану собственной жизни целиком на себя.

— Я должен подумать.

— Думайте, но недолго.

Я обратился к шефам с просьбой выделить мне деньги на аренду скромной квартиры поближе к месту исследований, например, в самом городе Санта Круз, объяснив, что у меня уходит слишком много времени на дорогу. После месяца согласований и тяжбы с мистером Борелли, он согласился на возврат половины денег по договору аренды, и я переехал в деревянный домик, выстроенный в начале прошлого века.

Мои исследования продвигались ужасно медленно, потому что в одиночку можно лишь строить теоретическую базу на бумаге, а для проверки теории нужны квалифицированные экспериментаторы и дорогое оборудование. Хорошо им там на адронном коллайдере! А у меня даже магнитометра приличного нет. Пальцем что-ли измерять? От Пабло ничего, кроме физической помощи. Пожалуй, я зря ввязался в это дело. Может быть, Джекобс прав в одном — надо вернуться к своим в Германию. В родном доме

и стены помогают (если за ними не скрываются разные ужасы, как в доме Борелли). А как славно я мог бы развернуться, если бы у фонда нашлась пара-другая миллионов долларов!

С двадцати лет я привык думать только о работе. Сожаления, раскаяния, сентименты и мечты в духе Вертера — это всё бездарная трата времени. Бывает, что на дороге, когда спешешь, нечаянно задавишь белку или скунса и что, идти в кирху замаливать грех? Наверное, ежегодно под колесами и в столкновениях в Америке гибнет тысяча десять-двадцать, но никто не собирается понижать скорость на хайвее. Мир в целом жесток, равнодушен и лишен долгой памяти. Так получилось, хотя священники утверждают, что замысел Бога был иным.

ПЫЛЕСОС

Что только не валялось прямо под ногами в легендарные двухтысячные годы. Ривкин, муж Ривкиной, повадился подбирать бесценное, с точки зрения россиянина, имущество, которое оставалось после двух дней распродаж на блошином рынке в очередной уик-энд. В этот раз он еще издали заметил вертикально торчащую рукоятку пылесоса, быстро подошел к нему, схватил и потащил к машине. Это был экземпляр с фирменным знаком «Эврика», который в магазине стоил под четыреста долларов. Жена давно бурчала, что пора купить что-нибудь практичное и недорогое, но обоим было жалко денег. При семейном месячном доходе в тысячу сто зеленых, из которых семьсот уходило на оплату квартиры, приходилось экономить на всём.

Ривкин поставил машину, вытащил «Эврику» и двинулся к контейнеру для мусора. Если механизм сломан, сразу его выкинуть. Присев на лавочку, он перевернул пылесос. На ведущий вал со щеткой намоталось метров пять толстой ковровой нити. Хозяину, видно, было невдомек, отчего «Эврика» перестала работать, и он с легкой душой привез его на блошинный рынок, но покупателя не нашлось. Ну, не везти же хлам обратно домой! Ривкин еще раз внимательно осмотрел движимое имущество, проверил, как вращается цилиндр со спиральной щеткой и, размотав питающий кабель, воткнул его в розетку. Ею почти ежедневно пользовались рабочие, обслуживающие дом. «Эврика» мягко загудела. Отсасывающая труба впиалась долгим поцелуем в ладонь Ривкиной. «Есть!» — крикнул он в восхищении и поспешил домой на пятый этаж.

Мешки для пыли всё-таки пришлось купить. За десять долларов четыре штуки. Ривкин тщательно протер находку

и только после этого вскрыл переднюю крышку, снял старый мешок, осторожно уложил его в пластиковый пакет и сразу отнес в мусоропровод. Еще не хватало чужой пылью дышать! Ривкина попыталась командовать процессом, но получила жесткий отпор. Мужчина работает. Не видишь, что ли? Ривкин согнул по линии жесткое картонное крепление и надел тонкое резиновое уплотнение на всасывающую трубу, испытывая почти эротическое удовольствие. Аккуратными движениями он поставил на место боковую крышку. Аппарат был готов к действию.

Ривкина снова попыталась командовать. Если бы Ривкин мог предвидеть, он наверняка не стал бы подбирать «Эврику», дорожа комфортом спокойствия. А тут ему пришлось без конца передвигать мебель, залезать в углы и в стенные шкафы. Ривкина ходила по пятам и указывала ему на его огрехи. Потом дошла очередь до супружеского ложа, и они вдвоем отодвинули громоздкое сооружение на низких ножках, и удивились, сколько пыли скопилось под ним за три года совместной работы на его гостеприимной плоскости.

— Это с тебя песок насыпался, старый, — с усмешкой сказала Ривкина.

— Не без твоей помощи, — ответил Ривкин.

Уставшие от возни супруги неспешно пообедали и пошли на океан подышать и поболтать со встречными знакомыми. Городок был битком набит беженцами из СССР.

— Дети в понедельник привезут Ящечку, так что не забудь купить молоко и овсяные колечки, — озаботилась Ривкина.

— А ты сама не можешь зайти в «Прайс Райт»? У меня ведь с десяти до двух занятия со студентами.

Тут мы должны сделать разъяснение для внимательного и въедливого читателя. Ривкин Марк Соломонович работал до отъезда доцентом на кафедре механизации в Тимирязевской сельхоз-академии, пока его не выперли под пустячным предлогом, а на самом деле — из-за знаменитой пятой

графы в анкете, где стоял вопрос о национальности. Людей с этой национальностью так и называли — инвалиды пятой группы. Партком академии получил указание из райкома партии по телефону, разумеется: очистить ряды преподавателей от нежелательных элементов, что и было выполнено со старанием. Не тронули только доцента кафедры Марксизма-Ленинизма, который был престарелым ветераном войны. Среди студентов, судя по анкетным данным, инвалидов пятой группы никогда не числилось, поскольку библейский народ наработался досыта в сельском хозяйстве в прошлых тысячелетиях и теперь особо не стремился в лице своих потомков возделывать пшеницу и пасти скот.

Ривкин с семьей попал в городок на берегу Атлантики после длительных тягот чисто по случаю — дочка выиграла *Green Card* в лотерею. А он уже подумывал уехать в Израиль, потому что жить в просторах этой несчастной страны стало совсем невозможно. В результате объявленной перестройки с ускорением всё население выстроилось в бесконечные очереди за самым необходимым, вплоть до хлеба. Дети поехали по *Green* карте, а они, подав на выезд в Израиль, еще с год воссоединялись с ними через Вену и через Рим. Зато Европу посмотрели! Праздник сердца!

Ривкина спустилась за Ящечкой, молодые торопились по делам, и вот звякнул лифт, и чистый детский голосок наполнил пространство коридора. Ривкин встал из-за стола, торопясь поднять и прижать к старому сердцу комочек ангельской радости.

Интересное свойство времени. Ничего подобного он не испытывал, когда стал отцом тридцать лет назад. При всем том, что безумно, навзрыд возлюбил дочку с первого дня её земной жизни. Может быть, из-за того, что жена никак не могла разродиться, а двоюродная тетка-акушерка звонила каждый час и повторяла, что пока новостей нет, но они делают всё возможное. Наконец, усталым голосом она выдохнула в телефонную трубку:

— Всё. Девочка. Пятьдесят сантиметров росту. Три с половиной килограмма. Поздравляю.

Молодой отец ушел спальню и, уткнувшись в подушку, отрыдал своё счастье.

— Идите, помойте руки, я уже приготовила для Яшечки паровозик.

Паровозик состоял из двадцати маленьких кусочков белого хлеба со сливочным маслом, поверх которых лежали кусочки селедки. Паровозик запивали крепким какао на молоке. Ребенок должен хорошо кушать, чтобы быть сильным, как его папа.

Пока шло кормление, Ривкин собрал свой дипломат, пригладил жалкий волосяной покров и пошел сеять что-то разумное, доброе, вечное из интимной жизни синусов и косинусов. Когда он вернулся, Ривкина опять кормила внука. На сей раз это был куриный бульон с котлеткой из белого куриного мяса. Мальчик послушно раскрывал рот, а Ривкина рассказывала бесконечную сказку о приключениях бедного мальчика из бедной страны, где никогда не видели бананов. А бедный мальчик так любил бананы, но никогда их не пробовал и всё мечтал их покушать.

Но вот, обед закончился, и настала пора дневному сну. Пошли в спальню. Ривкина опустила шторы и пристроила маленькое тельце посередине огромного матраса, который у аборигенов именуется «*King Size*».

— А что там? — вдруг спросил малыш, показывая на дверь стенового шкафа.

— А это шкаф, где висят наши вещи, — ответила Ривкина и с готовностью отвела дверцу.

— *Заклой, заклой!* — с тревогой вдруг сказал Яшечка, который еще не выговаривал букву *P*.

— Конечно, мой сладкий, конечно, — пропела Ривкина, закрывая шкаф и удивляясь, что бы там могло встревожить внука.

— Знаешь, — сказала Ривкина мужу. — Ребенок играет на полу, так что, когда он проснется, вы с ним пропылесосьте

карпет. И ему будет интересно, и в квартире будет легче дышать.

— *No problem*, — ответил Ривкин.

— Ну вот, мы тебе купили «Лего», — сказал Ривкин внуку, — сейчас мы с тобой будем строить домики, но сперва мы с тобой поработаем, почистим ковер, где мы будем сидеть.

С этими словами Ривкин выкатил пылесос и вставил вилку в розетку. Как только «Эврика» загудела, малыш с криком убежал на кухню и вцепился в ногу Ривкиной.

— Ну что ты, маленький, что ты? — с тревогой спросила бабушка. — Ты что же, пылесоса испугался? Это же пылесос. У вас дома тоже есть такой? Да?

— Писос, писос, — с отчаянием повторял Яшечка, показывая пальцем на «Эврику».

— Да выключи ты эту проклятую машину! — вскричала Ривкина. — Не видишь, что ли, что с ребенком творится? Поставь его в кладовку с глаз долой. Прямо не знаю, что внутри этой машины, черт что ли сидит? Ну, все, мой маленький, иди с дедушкой строить домики.

— Прямо не знаем, что нам делать, — говорила Ривкина, встретившись со знакомой Мариной, когда семейные пары степенно прогуливались по набережной. — Наш Яшечка не хочет приходить к нам домой после того, как напугался от нашего пылесоса. Так странно... Муж принес его с *Flee market*'а месяц назад, и теперь перед приходом ребенка он его выносит из квартиры в общий коридор. Мальчик даже во сне беспокоится.

— Ты можешь смеяться, — отвечала Марина, — но я слышала, что такие штуки умеют разгадывать экстрасенсы. Конечно, не бесплатно. Они вечно печатают свою рекламу в русских газетах и журналах. Позвони и спроси, сколько будет стоить услуга по очистке квартиры от плохой энергии.

— А ты, что же, веришь этим аферистам?

— Я, лично, ни на грош не верю, но люди к ним ходят... Если бы они совсем не помогали, то никто бы к ним

не пошел, и они бы прогорели со своим бизнесом. Позвони и узнай, сколько это будет стоить. Ведь за звонок платить не надо...

— Ты в каком веке живешь? — спросил Ривкин супругу, когда она решила позвонить ясновидящей Агнии. — Единственное, что мне интересно, так это сколько она запросит за свою услугу. Давай поспорим, что больше ста долларов. Ну, звони!

Оказалось, что у ясновидящей Агнии есть своя контора, и её секретарша ответила, что может записать на прием только через месяц, а что касается личного визита на квартиру, то сеанс очищения стоит пятьсот долларов, не считая транспортных расходов. Услыхав стоимость услуги, Ривкин начал так хохотать, что супруга стала беспокоиться за его рассудок.

Пока он хохотал, Ривкина решила съездить по адресу и выяснить, нет ли в конторе кого подешевле. На ресепшн-деске сидела очаровательная блондинка Лиза с добрыми серыми глазами, которая вошла в положение пожилой женщины и сообщила шепотом, что у неё есть подруга, которая всего два года в Америке, вышла замуж за музыканта, гражданина США, но еще не имеет гражданства. Подруга обладает сильными экстрасенсорными способностями, но вынуждена работать на *cash* и втихаря, потому что Агния не потерпит соперниц. Рынок услуг уже поделен. Подругу зовут Дина и вот её телефон. Звоните и договаривайтесь.

Ривкина позвонила и встретила с Диной, симпатичной белокурой женщиной с огромными грустными глазами. Они посидели в *Мак-Доналдсе* за стаканом обжигающего и чересчур сладкого кофейного напитка со столь же сладкими булочками в виде колец, и в конце разговора Дина согласилась приехать и поискать причину, почему ребенок каждый раз плачет при виде недавно приобретенного пылесоса.

— Мне легче будет диагностировать причину, почему мальчик плачет, если он останется у вас на ночь, потому что

сущности предпочитают ночное время для атаки на человека, так как во время сна человек более беззащитен, — предупредила Дина. — Так что звоните мне накануне прихода вашего малыша.

Тем временем Ривкин решил проверить, что там внутри у «Эврики» не так, может быть, там что-то скребется, и Ящечку этот звук пугает?.. Он снова вытащил пылесос во двор, снял переднюю крышку и, надев очки, стал копать длинной стальной проволокой с крючком в вертикально стоящем всасывающем патрубке. Вскоре он подцепил нечто бело-серое и длинное и вытащил на свет божий. Самое удивительное — это нечто, похожее на очень толстую гусеницу, пару раз шевельнулось, возбуждив любопытство Ривкина. Он даже привстал со скамейки и каблуком несколько раз придавил «гусеницу». Нет, это было что-то похожее на ватный валик, который был засосан внутрь еще при прежнем хозяине. Ривкин надел на патрубок мешок для пыли, закрыл крышку и успокоенный вернулся домой.

Недели через две, где-то в конце августа дети попросили взять Ящечку на пару суток, и Ривкина сразу же позвонила Дине. Та приехала часам к десяти вечера. Ребенок уже спал. Ривкин осторожно, чтобы не шуметь, поставил пылесос в кладовку и отправился в соседнюю комнату пить вечерний чай с супругой, которая при малейшей его попытке заговорить тут же прижимала свой указательный палец ко рту — молчи, мол, идет эксперимент. За дверью спальни не раздавалось ни звука. Дина сидела там в полной темноте и кого-то караулила. Уже близко к полночи ребенок вдруг вскрикнул во сне. Ривкины насторожились. Спустя еще полчаса в дверях появилась Дина.

— Теперь будет всё в порядке, — сказала она усталым голосом. — Вы ведь пылесос не в магазине купунали, не так ли?

— Как вы догадались? — в изумлении спросил Ривкин, испытывая некоторое смущение.

— Я почувствовала, что он долго находился в неблагополучной семье, то есть там люди друг друга ненавидели. Поэтому в том доме по углам скопилось много сущностей из параллельного мира. Они способны прилипнуть к нам и питаться нашей энергией. Пылесос их вытягивал из углов, а электрический мотор как бы их подпитывал. Вот, я сидела и ждала, появятся ли они. И дождалась. Из-под двери стенового шкафа появилось нечто, по форме напоминающее осьминога, и в тот же момент я заметила, как над вашим мальчиком поднялось его тонкое тело, и осьминог двинулся к нему. Вот тут мальчик вскрикнул, вы, наверное, слышали...

Я не стала терять времени и послала из моих ладоней максимальный поток положительной энергии, на который я была способна. Осьминог стал испаряться прямо на моих глазах. Потом я открыла стеновой шкаф и потоком энергии очистила пространство и заделала дыру, которую проела та сущность. Теперь всё будет в порядке. Если что-нибудь вновь появится, звоните мне.

— А что это за *сущность*, о которой вы говорите? — спросил Ривкин. — Я, знаете ли, материалист. Так нас учили и воспитывали. Никакого мира, кроме нашего, реально-го я не признаю. Ну, я понимаю, что многие верят в бога, которого никто не видел, в Христа, которого кто-то видел и насочинил про его чудеса. А вы — молодая и красивая девушка, начавшая жизнь в век компьютеров, Интернета, рассказываете про параллельный мир, который мы не видим и не чувствуем. Поэтому мы и не верим экстрасенсам, вы уж меня простите за прямоту.

— Вы никогда не видели офортов Франсиско Гойи? — спросила Дина. — Нет? А про этого великого художника когда-нибудь слышали?

— Ну как же! — воскликнула Ривкина. — Я читала книгу, которая так и называлась — «Гойя».

— Вот, он создал серию офортов, — продолжала Дина. — Один из них называется так: «Сон разума порождает чудовищ». Там изображен спящий на стуле человек, голову он

положил на руки, которые на столе. А вокруг него всякие безобразные животные, чудовища, которых мы обозначаем словом *сущности*, потому что они существуют в параллельном мире. Если они чувствуют избыток отрицательной энергии, например, люди излучают злобу, ненависть, то они устремляются к этому месту в пространстве. Это как бы энергетические дыры в положительной ауре, которой мы окружены с момента нашего рождения...

— А сколько мы вам должны? — осторожно спросила Ривкина.

— Мой час работы стоит двадцать долларов. Я провела у вас почти три часа. Транспортные расходы я не считаю.

Ривкина достала бумажник и положила на край стола три двадцатки. Оба супруга молчали. Положа руку на сердце, они не доверяли гостье, поскольку не понимали, как можно сидение в темноте считать работой. То, что энергия, которую излучала Дина, тоже может стоить денег, им не приходило в голову. Гостья, естественно, чувствовала их переживания из-за денег и их неверие.

— Спасибо, — сказала она. — А вы, уважаемый, страдаете от мигреней, как я вижу, и с простатой у вас нелады... Ну, ладно. Всего вам доброго.

После ухода Дины Ривкин чувствовал себя неудобно. Он всё прикидывал, как она могла так запросто определить его недомогания. Поразмыслив, он всё же решил, что она ничем не рисковала. В его возрасте многие страдают от мигрени, да и по статистике проблемы с простатой очень часто наблюдаются у евреев пожилого возраста.

А что же пылесос? Как это ни странно, но после единственного сеанса Дины, у Яшечки этот крайне полезный в быту электроприбор ни разу не вызвал отрицательных эмоций. Мальчик словно напрочь забыл о своих прежних страхах. Бывают же такие чудеса на свете!

ДЕМОНИЗМ ЛЕРМОНТОВА

(Опыт школьного сочинения)

Я вспоминаю наш шумный и бестолковый класс 1953 года, когда мы учили наизусть «Смерть Поэта», и нам было совершенно ясно, что виноваты в этой безвременной смерти царь и его окружение. Лермонтов озвучил свой приговор с помощью нашей училки Лидии Николаевны.

Шли годы. Мы избрали разные жизненные дороги. Мало осталось тех, кто в зрелом и пожилом возрасте взял бы в руки томик Лермонтова. Поэзия поэзией, а жизнь жизнью. Что нам до поэта, который отличался злобным характером, был некрасив, да к тому же богат, вел себя вызывающе, оскорблял непрерывно майора Мартынова и был им убит на дуэли? Большинству это совсем неинтересно. Поэтов нынче почти не читают. Век Интернета, бесконечных путешествий по планете, развлечения, развлечения...

Однако всё же некоторым из нас, и мне в том числе, до сих пор интересны таинственные закоулки души великого поэта. Формальное отношение к его творчеству — очередная тема, на которую отведено шесть или восемь уроков, после чего следует сочинение «Образ Печорина» — это всё, что осталось от школы. В мусорную кучу *родной* советской литературы тащилось всё, что подтверждало бы мысль, что великая русская дореволюционная литература только и делала, что бесконечно конфликтовала с самодержавием и в этом видела своё призвание. Любовные перипетии романов, на которых традиционно строятся сюжеты, вообще не рассматривались; наши герои были заранее стерилизованы, слово *любовь* почти не употреблялось.

Перед тем, как исследовать такое сложное понятие, как демонизм, попробуем ответить на простой вопрос: почему

еще в детском саду, когда детям дают кубики, чтобы строить домик, одни с охотой его строят, а другие, пусть гораздо меньшая часть, кидают кубики строителям в голову? Уж нет ли здесь генетически обусловленной предрасположенности к злодейству? Нет? Не всё определяется воспитанием, будьте уверены!

Что же представлял из себя в 1836 году начинающий романист Лермонтов, набросавший свой портрет уже на третьей странице романа «Княгиня Лиговская»:

...его наружность — к несчастью, вовсе не привлекательную; он был небольшого роста, широк в плечах и вообще нескладен; казался сильного сложения, неспособного к чувствительности и раздражению... Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его последователей: они прочли бы на нем глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности... толпа же говорила, что в его улыбке, в его странно блестящих глазах есть что-то...

Портреты 1837–1839 гг, исполненные Петром Заболотским и Александром Кюндером, открывают нам лицо человека с большим белым лбом мыслителя с модной тогда прической зачесанных наперед висков. В течение ближайших десяти лет, которых у Поэта не было по линии его судьбы, лоб его мог казаться еще больше по причине облысения. Глаза его, зеркала души, были оранжево-желтые с чуть зеленоватым оттенком. Физиогномист приписал бы человеку с таким цветом глаз жесткость порой до жестокости.

По описаниям его лицо было неправильной формы, однако художники сделали идеально овальный утяжеленный подбородок, припухлые чувственные губы небольшого рта. Форма нижней губы говорит нам о капризном, своевольном характере. Обращают на себя внимание широко расставлен-

ные глаза и большие расстояния от верхнего века до бровей, что роднит его с известным портретом Декарта... Разрез глаз круглый, площадь, занимаемая белками, довольно большая, что дает радужной оболочке большую свободу выражения эмоций. Впрочем, для полноты характеристики можно обратиться и непосредственно к Лафатеру.

Сейчас достаточно нажать клавишу на компьютере, чтобы узнать остальные подробности физического облика поэта. Ростом он был 169 см, что для первой половины XIX века было немало, был кривоног, глаза имел карие, что противоречит портретам, начал лысеть с двадцати лет. Характер имел отвратительный, издевался на слабыми, новичками в училище, женщинами, людьми значительно старшими, чем он. Это не была злобность простолюдина, который выплескивает её на окружающих в виде драк, избиения жены и детей, свинства, особенно после стакана-другого водки. Это был демонизм, в котором он вполне отдавал себе отчет. Он не был частью той силы, которая творит добро, всем нам желая зла. Он был воплощением зла разрушительного.

Начало романа «Княгиня Лиговская» познакомило нас с внешним обликом автора, который трезво и безжалостно себя оценивал, за исключением, пожалуй, одного свойства, несвойственного нашим представлениям о светском человеке — он был обжорой. Однако это качество никак и ничего нам не объясняет в его характере. Видали мы достаточно веселых и добродушных обжор.

Читать надо начинать, разумеется, с этого незаконченного романа, потому что в дальнейшем мы столкнемся с Верой Лиговской, которую единственную Печорин любил до своей смерти. Но даже любимое существо он то и дело тиранил, часто даже не давая себе отчета, что делает ей больно:

— ... Так как я не имел счастья быть на вашей свадьбе, то позвольте поздравить вас теперь.

Тайное страдание изобразилось на её лице...

Печорин всё это видел, и почти похожее на раскаяние закралось в грудь его; за что он её мучил? с какой целью? какую пользу могло ему принести это мелочное мщение?.. он себе в этом не мог дать подробного отчета.

История его любви к Вере обнаруживает, что несмотря на опыт развратной жизни, он не решился пойти с ней дальше искреннего поцелуя, потому что следовал кодексу чести того времени. Женщины, которые принадлежали ему, увлекались его оригинальным умом, но сила его обаяния была не только в оригинальности. Его мозг работал на своего хозяина, выстраивая многоходовые комбинации отношений с людьми, которые позволяли ему подчинять их своей воле.

Это совсем не то здоровое желание молодого повесы, который развлекается со слабым полом:

*...Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине.*

Здесь ценой игры является подавление другой жизни до полной покорности:

...Он знал аксиому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильным и непреклонным, следуя какому-то закону природы, доселе не объясненному...

А откуда же эта жажда подчинять своей воле? Она есть результат тяжелых раздумий нестандартно сильного интеллекта:

Боже мой! Что на свете не забывается?.. и если считать ни во что минутный успех, то где же счастье?..

Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочного богатства... глядишь... смерть, болезнь, пожар, потоп, война, мир, соперник, перемена общего мнения — и все труды пропали! ..а забвеньё? забвеньё равно неумолимо к минутам и столетиям.

Здесь мы, пожалуй, оставим роман «Княгиня Лиговская» ради дальнейшего исследования демонического начала автора и героев его повествований. И вот, мы в Пятигорске. Печорин прохаживается мимо минеральных источников, наблюдает публику «на водах», пока еще далек от разрушительных планов — и вдруг встречает Веру, вспоминает, как любил её, как безраздельно владел ею. Она тоже все помнит, любовь вспыхивает с новой силой. Она ищет возможности чаще его видеть и рекомендует публично поухаживать за княжной Мэри — «для отмазки». Он соглашается, еще не предвидя, сколько его демоническая натура наделает бед.

Разговор в гроте, где они впервые встретились в Пятигорске, начинается очень примечательно:

— ... Я тебя должна ненавидеть. С тех пор, как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий...

«Может быть,— подумал я,— ты оттого-то именно меня и любишь: радости забываются, а печали никогда... Это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями. Неужели зло так привлекательно?..

...Да, я уже прошел тот период жизни душевной, когда ищут только счастья, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь,— теперь я только хочу быть любимым, и то очень немногими...

Одно мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда при-

обретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь... Отчего это? оттого ли, что я никогда ничем очень не дорожу и что они ежеминутно боялись выпустить меня из рук? или это — магнетическое влияние сильного организма?..»

Если мы не будем верить тому, что Печорин пишет о себе истинную правду в дневнике, правду, которая открывает нам новые горизонты познания человеческой природы, то вообще незачем понапрасну читать чужие письма и дневники, потому что это просто некрасиво, неэтично. Впрочем, изыскатели-литературоведы кормятся на останках чужой жизни, полагая, что жизнь гения принадлежит всем. И вот, мы верим тому, что он вполне искренен.

Доктор Вернер говорит ему:

— Я убежден только в одном. — В том, что рано или поздно в одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче вас, — сказал я, — у меня, кроме этого, есть еще убеждение — именно то, в один прегадкий вечер я имел несчастье родиться.

Печорин компенсирует это несчастье тем, что делает несчастными других. Это приносит наслаждение:

— ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую всё, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы... Честолюбие у меня проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что

иное как жажда власти, а первое мое удовольствие — подчинять моей воле всё, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?

Слушайте, люди, слушайте откровения падшего ангела! Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли сладкая пища нашей гордости?.. Зло порождает зло; первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить её к действительности...

Примечательно, что эти закономерности приложимы не только к гендерным отношениям, но и взаимодействию властителей с народными массами.

Теперь обратимся к текстам, которые в исключительной, неповторимой, гениальной форме углубляют и расширяют концепцию демонизма. Речь, конечно, идет о поэме «Демон». Название говорит само за себя. Не мог же поэт называть поэму «Тамара и Демон», потому что девушка Тамара на фоне космических страстей выглядит свежоощипанной курицей, которой предстояла при благоприятных обстоятельствах *«Судьба печальная рабыни, Отчизна, чуждая ныне, И незнакомая семья»*.

Первое ощущение читателя «Демона» — земля, то есть место действия трагедии, является грешной и ничтожной и в этом масштабе он властвует, не встречая сопротивления, веками, тысячелетиями, *и зло наскучило ему*. Интересно, Сталин властвовал 29 лет — с 1924 по 1953. За всю свою жизнь он не сделал ни единого доброго дела и мог бы стать Демоном, если бы не смехотворно короткая человеческая жизнь. Какое счастье, что человек живет так недолго, но как много горя он способен посеять за это время! Наверное, потому зло и не успевает ему наскучить. О, Зло — это такая

роскошь, если кто в нем понимает! Но не нам в силу своей физиологии тягаться с самим Демоном.

Война духов так же грандиозна, как война богов и титанов, а война человеков воняет окопными испражнениями и болезнями типа дизентерии, тифа, сифилиса и прочей дряни. И вообще, о человеке таких возвышенных строк и создавать не стоит. Не так ли, Михаил Юрьевич?

Прошу прощения, прошу прощения! У Гомера в «Илиаде» греки и троянцы сплошь величественные, но то ведь миф, сказка о войне с участием богов. А Вы (М.Ю.) там, в раю Виктора Астафьева прочтите, что есть война...

...Тамара неожиданно всколыхнула в Нем воспоминания о тех временах, когда он был счастлив в царстве света и ему показалось, что он сможет преобразиться для любви и радости...

А что ему стоит убрать жениха-соперника — р-раз и нету. Чего она рыдает? Неужели она не может осознать, ЧТО он предложит ей взамен:

*Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!*

Мы видим, как начинается охота Демона за душой Тамары, который еще сам окончательно не решил, как он ею овладеет. Вдруг он слышит в её келье звуки чингура и пораженное этой музыкой сердце вдруг познает в первый раз тоску любви, её волнение... И вот тут наступает решающая минута действия трагедии. Он входит в келью Тамары, полный страхом неизвестности перед новой жизнью, которая может открыться перед ним, благодаря любви — и сталкивается с херувимом, посланником рая, одним из своих вечных врагов! И вместо ласкового взора и привета он слышит тягостный укор:

*Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?*

Демон коварно усмехается. Неужто херувим не слышал, как Тамара призывала Его, Демона на своё ложе? И тут, внезапно забыв, с чем он шел к Тамаре, Демон начинает совсем другую игру. Он решает погубить её душу, завладев ею обманом. Она в страхе и в одиночестве, она тоскует, но что ему эти овечьи слезы! Ему, для которого человеческая жизнь — пустяк, мгновенье, жалкое пульсирование крови в жилах, которое так легко прервать!

Демон может её убить мгновенно, но он хочет сначала подчинить её полностью, лишить воли. Он уже наслаждается её покорностью. Он плетет силки для этой едва распустившейся души. Ну, нельзя же приводить весь стихотворный материал, а как хочется! Ограничимся лишь последними строками:

*Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм — без божества!*

*...Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.*

Он давит на жалость, на женскую жалость, ведь он так одинок, не нужен никому, даже изгнанникам подобным ему:

*За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;*

.....

*И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Всё благородное бесславил
И всё прекрасное хулил.
Недолго...пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы и лицемеры?*

И вот мы приходим к катарсису, который разъясняет нам истоки ненависти к человечеству:

*Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...*

Какая школа оболыщения! И вдруг, как молния — прозрение для нас, для всех: «Бог занят небом, не землей!» Вот почему земля корчится в страданиях, вот почему нет места справедливости, вот почему зло всеильно и всепроникающе! Вот где причина Холокоста и Герники! Голодомора 1929 и Трора 1937!

Последняя попытка обреченной жертвы вызвать жалость Демона:

*Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.
Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?*

Всё! Дело сделано. Он может дать любую клятву. Ничего красивее и величественнее этой ложной клятвы всесильного владыки мира не было и, наверное, не будет в русской поэзии. Сможет ли она оценить силу этой клятвы. Всё презрение к суеде жалких существ, к их страстишкам, к их неспособности предвидеть последствия своих мелких и мерзких поступков в этих кованных золотом строках:

*Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.*

Как глубоко в толщу лет заглядывает 24-летний человек! Ведь за прошедшие сто восемьдесят лет ничто не изменилось к лучшему на большей части планеты. Любить всё это копошащееся месиво способен был лишь Сын Божий. Человек к такому не способен. Лермонтов имеет все логические основания презирать человечество. Вот основа его демонизма!

Задолго до Михаила Булгакова он понимал, что приобщению к миру духов неизбежно предшествует смерть. Вспомним, как Азazelло умерщвляет Мастера и Маргариту, чтобы они могли возродиться в царстве духа. Поцелуй Демона лишает Тамару жизни, но она испытала мгновенный восхитительный опыт наслаждения. Это то самое ощущение, за которое Печорин готов отдать мелкие радости, рассеянные на дороге жизни.

«Увы! Злой дух торжествовал!» — Эта строка подтверждает, что все его обольщенья были ложны. Благостный лик херувима, хранителя Тамары, его взбесил, и он воз-

мечтал только о мести, а Тамара была лишь разменной монетой в этой схватке духов, но он был прав, когда говорил ей:

*Нет! Не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости работой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!*

.....

Чем же так притягателен Демон. Он-то знает, чем — он царь познания и свободы! Гносеологически эти два понятия родственны. Знание дает свободу. Церковь ненавидит знание и специально держит своих духовных рабов в темноте. Лермонтов — человек великого ума и ему тесно в кругу посредственностей, а Печорин, его отражение, страдает от них всех (кроме доктора Вернера), бесится и готов мстить им всем за то, что они благополучны в своей недалекости. Казалось бы — пошли их всех к чертовой матери, *лучше будь один, чем вместе, с кем попало...* Легко вам говорить! У вас Интернет, мобильники, библиотеки, стадионы, концертные залы, теплые туалеты, душ, биде... все виды транспорта, современные лекарства, а что у него? Спасают ли золотые эплеты от клопов, вшей, мышей и крыс? От прущего изо всех щелей запаха испражнений? И что в *этом* земном раю делать человеку, который с пеленок знал, что его накормят, оденут, причешут, потом придет учитель французского и так далее. Он привык к богатству и честно об этом говорит.

Человек есть животное социальное. В одиночестве сможет жить не всякий. Вот лорд Кавендиш мог. Потому что ум его был занят физикой непрерывно. К его телу допускались

слуги, которые не мешали ему думать и совершать открытия.

И Демон смог бы так жить, если бы захотел. Демон, дух изгнания, занимается ерундой. И Воланд с компанией у Булгакова тоже занят ерундой. Вот у Гете Мефистофель куда более конструктивен и лишь потому, что исполняет пожелания доктора Фауста. Если бы те два персонажа-двойника взялись научить человека преодолевать гравитацию, читать мысли и так далее, тогда ... (А задумайтесь-ка, зачем ангелам или демонам крылья? Ведь там, где они обитают, нет воздуха. Надо бы придумать другой источник движения, отличный от вонючих ракет, которые сжирают драгоценный кислород). Печорин тоже занят ерундой. В России тех лет занятия наукой считались чудачеством. *Он химик, он ботаник, князь Федор, мой племянник...*

Как говорят умные люди сегодня, человек стал *Homo sapiens'ом*, непрерывно борясь с враждебной природой, оттачивая своё мастерство, поэтому спустя триста тысяч лет его мозг вырос по массе вдвое, и он постепенно овладел миром.

Обратите внимание, каким широким фронтом движутся наши знания о мире. Тут все науки — и естественные, и филологические, и философские, и медицинские, и искусства и всё, всё, всё. Есть точка зрения и вполне справедливая, что существа, имеющие на заре жизни пищу для выживания и размножения, пришли из прошлого, измеряемого многими миллионами лет, почти без изменений, а человек — гонимый и зависимый от прихотей природы, дрожащий от холода и слабый физически за три миллиона лет умнел всё более и более и, благодаря своей социальности, стал властителем земли, а в недалеком будущем покорит ближайший космос.

А Демон, витая в пространствах и не встречая нигде сопротивления, как то допотопное существо, архей, от скуки посеял зло в человеке, которое проросло его насквозь и ко-

торое никогда не кончится. Но это, разумеется, высокая сказка. Человек, возможно, никогда не избавится от своего животного начала, которое церковники именуют грехом, а философы — злом.

Мы сейчас сделаем вид, что вопрос о категориях Добра и Зла уже решен, чтобы не уходить от темы демонизма Лермонтова. Однако заметим, что люди, особенно облеченные властью, сплошь и рядом сегодня *именно так* ведут себя по отношению к слабым, обездоленным, темным, запуганным, честным и работающим, словно заповеди добра и справедливости никогда не существовали. Они, собственно, и есть демоны, но демоны, совершенно лишенные величия, просто мелкие и крупные пакостники, без чести и совести, прячущиеся за щитами охранников и общающиеся только с лакеями. В том мире, который создал Лермонтов, их держали бы на побегушках в силу профессиональной непригодности.

Однако есть еще один аспект, который мог бы обсуждаться, это постоянное состояние злобы, злобность характера. Его антипод — добродушие, но только формально, ибо злобность — это всегдашняя готовность к насильственным разрушительным действиям, и это есть совершенная и яркая иллюстрация действия энтропийного фактора на состояние системы, является ли системой отдельный человек или общество.

Поскольку бог не спасает, человек потянулся к демонам, которым тоже, как оказалось, нет дела до униженных и оскорбленных. Круг замкнулся: человек, помоги-ка себе сам!

На этом можно было бы и закончить, но хочется подчеркнуть еще раз исключительное сочетание поэтического таланта и ума в понимании войны, как бессмысленно-жестокоего действия, где ареной для этой трагедии служит земля, которая могла бы всем приносить радость в условиях мира. Для человека военного это взгляд совершенно новый. Он описывает бой с чеченцами на речке Смерти (Валерик).
Послушайте:

*Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Её тяжелым испареньем
Был полон воздух...*

*. . . . .
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»*

Герой повествования, который идентичен Автору, смотрит вослед уносящим останки погибших и... остается верен Печорину и самому себе:

*Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.*

На прощанье он желает своей корреспондентке не знать таких тревог, иные есть и вообще:

*..... В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье?*

Это ведь его, Лермонтова идеал! Не так ли?

Алик Толчинский — москвич, по окончании МИТХТ занимался исследованиями в различных областях физической химии, доктор химических наук. Живет в Бостоне.

Печататься начал в Москве в конце 90-х годов. Автор шестнадцати сборников эссе, рассказов и повестей — «Мозаика жизни», «Река времени», «Тени на стене», «Нонконформист», «Продолжение разговора», «Перед заходом солнца» и других, изданных в 2004–2020 годах в Бостоне.

Книга повестей и рассказов Алика Толчинского — явление занимательное и штучное, не поддающееся измерению стандартной линейкой критического разбора, типа «в этой книге автор хотел сказать...» Коротко суть рассказов и повестей, включенных в сборник, можно весьма точно определить только так, как это делает автор в своем предисловии, — это «пёстрые» истории. Но пёстрые не столько в смысле эклектичности (которая, впрочем, здесь тоже безболезненно присутствует), сколько в смысле разнообразия тем и мыслей, сразу же, с первых страниц, увлекающих вдумчивого читателя и замечательно иллюстрирующих простую и печальную истину «Суета сует и всяческая суета».

И не важно какие из включенных в сборник историй вы будете читать — ироничную биографическую повесть о тупости «непобедимой и легендарной» советской армии, где автору пришлось служить в химических войсках (мне, пишущему эти строки, — тоже), смешные и грустные рассказы о «русских» эмигрантах в Америке или тонкие фантастические новеллы — живой, бесхитростный язык этих вещей будет обязательно услаждать ваш внутренний слух. А что же ещё вы хотите получить от хорошей литературы?

Семён Каминский, Чикаго

ISBN 978-1-950319-46-6

9 781950 319466

M-GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com